

МИНИСТЕРСТВО ОБРАЗОВАНИЯ РЕСПУБЛИКИ БЕЛАРУСЬ
МИНСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ЛИНГВИСТИЧЕСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ

**КОНТРАСТИВНЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ:
ТЕКСТ, ПРЕДЛОЖЕНИЕ, СЛОВО**

Сборник научных статей
преподавателей и аспирантов МГЛУ

Выпуск 4

Минск МГЛУ
2017

УДК 81'42
ББК 81.055
К65

Рекомендован Редакционным советом Минского государственного лингвистического университета. Протокол № 1(42) от 19.01.2016 г.

Редакционная коллегия: Т. П. Карпилович (*ответственный редактор*), Н. В. Зиневич, Н. В. Метлушко, О. В. Изотова

Рецензенты: доктор филологических наук, профессор А. П. Клименко (МГЛУ); кандидат филологических наук, доцент И. Н. Ивашкевич (БГУ)

Контрастивные исследования: текст, предложение, слово: сб. науч. ст. / редкол.: Т. П. Карпилович (отв. ред.) [и др.]. – Минск: МГЛУ, 2017. – Вып. 4. – 116 с.
ISBN 978-985-460-804-4.

Сборник содержит статьи преподавателей и аспирантов Минского государственного лингвистического университета.

Рассматриваются актуальные проблемы лингвистики текста и дискурса, стилистики текста, синтаксиса предложения и лексической семантики в контрастивном аспекте на материале разносистемных языков.

Предназначен для научных работников и аспирантов.

УДК 81'42
ББК 81.055

СОДЕРЖАНИЕ

ТЕКСТ В КОНТРАСТИВНОМ ОСВЕЩЕНИИ

<i>Бенедиктович А. В.</i> Особенности коммуникативной организации медийного дискурса на английском и русском языках.....	5
<i>Василевская О. В.</i> Жанровая типология спортивного дискурса белорусских и британских газет.....	15
<i>Изотова О. В., Рудницкая Ю. В.</i> Речевой жанр «поздравление» в русской и фламандской лингвокультурах	21
<i>Карпилович Т. П.</i> Способы языковой реализации интенциональности в проблемном медиадискурсе.....	27
<i>Метлушко И. В.</i> Взаимодействие культурно-тематических доминант нарративного дискурса	34
<i>Юрьев Е. Й.</i> Метатекстовые элементы в текстах уставов на немецком, нидерландском и русском языках	44

ГРАММАТИЧЕСКИЕ ЕДИНИЦЫ И КАТЕГОРИИ В КОНТРАСТИВНОМ АСПЕКТЕ

<i>Гергиев О. А.</i> Анафорический повтор в публичной речи на английском и белорусском языках	54
<i>Гребень Т. Н.</i> Структурная организация вопросительных предложений в медиадискурсе на белорусском и английском языках	61
<i>Зиневич Н. В.</i> Семантика обобщающих высказываний в научных текстах на английском и белорусском языках.....	67
<i>Иванова Т. Ф., Черевако Е. И.</i> Прагмакоммуникативные функции частиц в немецкоязычной парламентской речи (доклад, выступление).....	79

СЛОВО В РАЗНЫХ ЯЗЫКАХ И КУЛЬТУРАХ

<i>Аль Шибани Дж.</i> Оценочная лексика как средство усиления категоричности высказывания в дипломатическом дискурсе.....	89
<i>Маюк Е. П.</i> Полиморфизм квантитативного компонента в белорусских и английских паремиях.....	94
<i>Сысоева Т. А.</i> Эмотивная лексика как признак субъективности малоформатного медийного текста.....	102
<i>Чалагаева В. В.</i> Лексические выразительные средства языка в телевизионном новостном дискурсе на английском и русском языках.....	111

CONTENTS

TEXT IN THE CONTRASTIVE PERSPECTIVE

<i>Benediktovich A. V.</i> The Communicative Structure of Media Discourse in the English and Russian Languages.....	5
<i>Vasilevskaya O. V.</i> Genre Typology of the Sports Discourse in Belarusian and English Newspapers	15
<i>Izotova O. V., Rudnitskaya U. V.</i> Functional Peculiarities of E-greetings in Russian and Flemish Communicative Cultures	21
<i>Karpilovitch T. P.</i> Language Representation of Conflict and Means of Its Solution in the Problem Media Discourse	27
<i>Metlushko I. V.</i> The Cooperation of Cultural and Thematic Dominants in Narrative Discourse.....	34
<i>Yuriev E. J.</i> Metatext Elements in the Texts of Statutes in the German, Dutch and Russian Languages.....	44

GRAMMAR UNITS AND CATEGORIES IN THE CONTRASTIVE ASPECT

<i>Gergiev O. A.</i> Anaphoric Repetition in English and Belarusian Public Speeches ...	54
<i>Hreben T. N.</i> Structural Characteristics of Interrogative Sentences in Media Discourse in Belarusian and English	61
<i>Zinevich N. V.</i> Semantics of Generalizing Utterances in English and Belarusian Scientific Texts	67
<i>Ivanova T. F., Cherevako E. I.</i> Communicative-Pragmatic Functions of the Particle in the Genres of German Parliamentary (Report, Speech)	79

A WORD IN DIFFERENT LANGUAGES AND CULTURES

<i>Al Shibany Jamal.</i> Evaluative Lexis as a Means of Enhancing the Categorical Force of the Utterance in Diplomatic Discourse	89
<i>Mayuk E. P.</i> Polymorphism of quantitative units in the Belarusian and English Proverbs.....	94
<i>Sysoyeva T. A.</i> Emotionally Coloured Words as Formal Indicators of a Viewpoint in Small-Size Media Texts	102
<i>Chalagaeva V. V.</i> Lexical expressive means of the language in the television news discourse in the English and Russian languages	111

ТЕКСТ В КОНТРАСТИВНОМ ОСВЕЩЕНИИ

А. В. Бенедиктович

ОСОБЕННОСТИ КОММУНИКАТИВНОЙ ОРГАНИЗАЦИИ МЕДИЙНОГО ДИСКУРСА НА АНГЛИЙСКОМ И РУССКОМ ЯЗЫКАХ

Рассматривается роль абстрактных существительных в коммуникативной организации медийного дискурса на двух языках. Прослеживается развертывание тематических прогрессий в отдельных компонентах медийного текста.

Изучение коммуникативных аспектов языка является одним из приоритетных направлений современных лингвистических исследований. В фокусе внимания исследователей находятся когнитивные проблемы коммуникативного развертывания текста [1; 2], изучение культурно-тематических доминант в дискурсе [3], механизмы фокусирования в тексте и особенности синтаксиса, семантики и прагматики дефокусирования [4].

Известно, что в основе коммуникативной организации текста лежат тема-рематические оппозиции как сопряжение главных коммуникативных компонентов высказывания и текста. Функционально-семантические категории темы и ремы более других единиц синтаксиса связаны с построением текста. Взаимодействие тематических и рематических отношений, а именно чередование тем и рем, обеспечивает информационное развертывание сообщения. Тема служит отправной точкой и представляет исходную информацию, а рема является носителем наиболее важной части сообщения, ради которого и создается высказывание. Темы обеспечивают связность текста и устойчивость его восприятия, а ремы, передающие новую информацию, несут коммуникативно-прагматическую нагрузку. Тема-рематическая структура является текстовым явлением, которое носит универсальный характер [5; 6; 7].

Медийный дискурс – продукт когнитивно-коммуникативной деятельности человека, он характеризуется наличием коммуникативной цели, прагматической направленности, прагматического задания. В соответствии со своим замыслом автор создает некую структурную организацию фрагмента реального мира, а именно, той ситуации, которую он решил положить в основу текста. Медийный дискурс носит ярко выраженный информационный характер, проявляющийся как «отношения “данного” и “нового”, которые связаны с возможностью извлечения информации из ситуации или предшествующего текста» [8, с. 139]. Движение от данного к новому обеспечивает коммуникативное развитие текста.

В настоящей работе предпринимается попытка установить роль абстрактных существительных в тема-рематическом развертывании медийного текста. Анализу подвергаются абстрактные существительные – имена действия, состояния, качества и широкозначные существительные.

Материалом исследования послужили тексты аналитических статей из таких газет, как «The Guardian», «The Telegraph», общим объемом 9642 словоупотреблений, и аналитические статьи из газет «СБ. Беларусь сегодня», «Рэспубліка», общим объемом 9653 словоупотребления.

Началом любого текста, в том числе и медийного, является заголовок, который представляет собой «коммуникативную единицу в позиции перед текстом, являющуюся его названием, имеющую синтаксическое оформление, прямо или косвенно указывающую на содержание текста и отграничивающую одно речевое высказывание от другого» [9, с. 59]. Абстрактные существительные характеризуются большой частотностью употребления в заголовках: *David Cameron is right to make it clear: without a deal, Britain will leave the EU*; *Lives must not be put at risk*; *Globalisation doesn't mean all stock markets are the same* (The Telegraph, 9.11.2015); *Шанс на вторую жизнь*; *Континент на распутье* (Рэспубліка, 1.08.2014); *Гостеприимству нужен маркетинг* (СБ. Беларусь сегодня, 30.09.2015).

Как показал анализ, количество абстрактных существительных в заголовках статей на английском языке составило 44 % от общего числа существительных по сравнению с конкретными существительными (29 %) и с именами собственными (27 %). В русскоязычных статьях абстрактные существительные также численно превосходят по употребительности конкретные существительные и имена собственные (48, 40 и 3 % соответственно).

В качестве семантической основы заголовков выступают как номинативные, так и предикативные структуры. Актуальное членение заголовка – номинативного предложения основано на том, что «это предложение в своей основе имеет двучленную мысль, один из членов которой (субъект, тема) остается не выраженным, а второй (предикат, рема) эксплицируется в главном члене номинативного предложения» [10, с. 10]. Например, высказывание *Послесловие к юбилейной сессии ООН* (СБ. Беларусь сегодня, 30.09.2015) является ремой, в которой абстрактное существительное *послесловие* выступает ядерным компонентом.

В предикативных структурах заголовка тема-рематическая линия выражена эксплицитно, и абстрактные существительные могут выступать обозначением ядра темы или ремы: *Angela Merkel's stance on refugees means she stands alone against catastrophe*; *The economics of scale: how housing became Britain's biggest political issue* (The Guardian, 8.11.2015); *Литература – это ответственность* (СБ. Беларусь сегодня, 30.09.2015). «Название, являясь по своей природе выражением категории проспекции, в то же время обладает свойствами ретроспекции. Эта двойственная природа названия отражает то свойство каждого высказывания, которое, опираясь на известное, устремлено в неизвестное. Иными словами, представляет собой явление тематически-рематического характера» [11, с. 134]. Следует заметить, что авторы англоязычных статей чаще используют заголовки-высказывания (заголовки предикативного типа составили 75 % от общего числа),

в то время как в русскоязычных статьях не наблюдалось доминирования одного из типов (число номинативных заголовков составило 48 % от общего числа).

В результате анализа частотности употребления абстрактных существительных было установлено, что в составе тема-рематических структур заголовков статей на английском и русском языках преобладает употребление широкозначных существительных (64,2 % и 92,3 % соответственно) по сравнению с существительными-именами действия, состояния, качества. Существительные широкой семантики являются полудейктическими знаками, объединяющими в своем значении назывные и указательные семы [12, с. 188–192]. Данный факт способствует тому, что с их помощью задается наиболее общая сеть членения действительности [13, с. 229]. Важным свойством таких существительных является их способность выполнять разнообразные функции. Использование их в заголовке статьи позволяет автору максимально обобщенно представить различные аспекты события, о котором пойдет речь: *Five reasons David Cameron is getting the EU referendum all wrong* (The Guardian, 8.11.2015); *Шанс на вторую жизнь; Чуть-чуть меня, тех кого я люблю, и немножко мечты* (Рэспубліка, 1.08.2014) либо дать описываемым событиям эмотивную оценку: *As chair of a trust, i'm speaking out. The NHS is headed for financial ruin* (The Guardian, 8.11.2015).

На следующем этапе исследования были проанализированы модели тема-рематического развертывания медийного текста в опоре на «тематические прогрессии», в основе которых лежат «выбор и упорядочение тем высказываний, их взаимное сцепление и иерархия, а равно их отношение к гипертемам сверхфразовых текстовых единиц (параграфов, глав), целому тексту и к ситуации» [5, с. 274].

В качестве *темы* предложения нами, вслед за М. Халлидеем, рассматривалось имя или именная группа, занимающая крайнее левое положение в предложении и являющаяся исходным пунктом сообщения [14].

Исследование состава отдельных предложений показывает, что абстрактные существительные в качестве темы преимущественно выступают в функции подлежащего:

Evidence of eroding standards of care is already with us.; The government's response to all this is wholly inadequate (The Guardian, 8.11.2015); *The inevitable result is boom and bust, the pumping up and bursting of bubbles* (The Telegraph, 9.11.2015);

Еще одно **направление** – популяризация страны. **На помощь** должны прийти рекламные ролики о Беларуси, которые Минспорта и туризма собираются крутить на зарубежных телеканалах. Такое **предложение** содержится в разрабатываемой госпрограмме развития туризма на следующую пятилетку (СБ. Беларусь сегодня, 30.09.2015)

или обстоятельства:

Without pay increases, staff shortages will become acute, making the employment of yet more expensive temporary staff inescapable.

*Apart from the **amorality** of standing aside while hundreds of millions of people plunge ever deeper into violence and isolation, there is our own self-interest to consider* (The Guardian, 8.11.2015);

Помимо традиционных **унициатив**, которые выдвигает в стенах ООН белорусская дипломатия, на этот раз совершенно по-особому прозвучали слова Президента о том, что стабильная Беларусь является донором региональной безопасности (СБ. Беларусь сегодня, 30.09.2015).

В качестве ремы абстрактные существительные выступают в группе сказуемого, где они являются именной частью составного именного сказуемого:

*Too much conflict and terrorism, he wrote before Syria and Libya unravelled to prove his point, is **the result** of a vicious circle of violence begetting violence* (The Guardian, 8.11.2015);

Выступая на саммите ООН, Президент Александр Лукашенко констатировал, что вся международная система безопасности переживает кризис. Причина этому – **отсутствие готовности к компромиссам, навязывание** определенной модели другими странами, **задействование** силы и экономического шантажа. (СБ. Беларусь сегодня, 30.09.2015),

дополнением:

*In this climate, it is critical that responses from local services to financial pressures do not increase **risks** to people's health, safety and well-being* (The Telegraph, 9.11.2015);

Конечно, новые проекты Китая вполне могут вызвать и некоторый **скепсис, сомнения**. Чандрасекар Ванакамбади из индийского агентства РТИ не раз и не два в ходе форума высказывал **озабоченность** своей страны в вопросах региональной безопасности, в том, не разрушат ли амбициозные **планы** Пекина сложившийся в регионе статус-кво (СБ. Беларусь сегодня, 30.09.2015).

или обстоятельством:

*If we are to be successful **in this negotiation** – and stay in a reformed EU – then our friends and partners must understand that we are serious **in our aims*** (The Telegraph, 9.11.2015);

Могут возникнуть и проблемы в связи со **вступлением** в ЕС – эту процедуру независимой Каталонии придется проходить заново, и на время переходного периода экономика региона также может испытать **определенные трудности** (СБ. Беларусь сегодня, 30.09.2015).

В сочетании тематических и рематических компонентов на уровне соединения нескольких предложений формируется тема-рематическая структура сверхфразового единства или абзаца. Связь может осуществляться как между контактно, так и между дистантно расположенными предложениями внутри абзаца.

Ф. Данеш выделяет 5 типов тематической прогрессии: *простая линейная прогрессия* (или прогрессия с последовательной тематизацией), для которой характерно последовательное развертывание информации, когда рема пред-

шествующего предложения становится темой последующего; *прогрессия с константной темой*, отличительной особенностью которой является наличие одной темы, повторяющейся во всех предложениях текста; *прогрессия с производными темами*, при которой каждое предложение, не имея в своем составе последовательной тематизации или сквозной тематизации, служит для выражения общей направленности текста, при этом основная тема, или «гипертема», может быть названа эксплицитно или сформулирована на основе частных описаний; *прогрессия с расщепленной темой* – основу этого типа составляет двойная тема, которая в ходе повествования распадается на две темы, и *прогрессия с тематическим прыжком*, предполагающая наличие разрыва в тема-рематической цепочке, который легко восстанавливается из контекста [15].

В результате анализа текстов аналитических статей были выявлены случаи реализации трех моделей тематических прогрессий: простой линейной прогрессии, прогрессии со сквозной темой и прогрессии с производными темами, которую мы называем прогрессией с переменной темой [2, с. 44].

Тексты аналитических статей на английском языке, как правило, содержат подзаголовки. И уже на этом уровне, если подзаголовок состоит, по меньшей мере, из двух предложений, можно говорить о реализации тематической прогрессии. Чаще всего встречаются тематические прогрессии с переменной темой:

FIVE REASONS DAVID CAMERON IS GETTING THE EU REFERENDUM ALL WRONG

Technological and economic forces are changing the world quickly. The EU and its institutions cannot cope (The Telegraph, 9.11.2015);

LABOUR'S POSTWAR CHANCELLOR MAKES CORBYNOMICS LOOK THATCHERITE – WHAT CAN HE TEACH US?

In 1948 Stafford Cripps took a harsh line on curbing the incomes and influence of the rich. But tackling inequality has never been an easy sell (The Guardian, 8.11.2015).

Однако были выявлены и модели тематической прогрессии с константной темой:

JEREMY CORBIN WAS NO MICHAEL FOOT AT THE CENOTAPH – BUT REMEMBER, IT COULD ALL BE AN ACT

Despite critics, the Labour leader did well at Remembrance Day. It seems the hard Left has concluded it's wiser to go through the motions (The Telegraph, 9.11.2015);

ANGELA MERKEL'S STANCE ON REFUGEES MEANS SHE STANDS ALONE AGAINST CATASTROPHE

The German chancellor's open-door policy remains, despite compromises. Her challenge is to convince her European counterparts to follow her lead (The Guardian, 8.11.2015).

Для статей на русском языке характерно наличие введения, объемом от двух до пяти, а иногда и более предложений. Наиболее частотным способом развертывания текста введения является прогрессия с переменной темой.

Выбор этой прогрессии можно объяснить необходимостью предварительно очертить весь круг проблем, о которых пойдет речь в статье, задать перспективу повествования:

МИНСК – ТЕРРИТОРИЯ ПОНИМАНИЯ

Минск принимает заседание трехсторонней контактной группы по урегулированию ситуации на востоке Украины. **Инициатива о переговорах в Беларуси** была выдвинута Петром Порошенко во время телефонного разговора с Александром Лукашенко 29 июля. **Президент Беларуси идею коллеги поддержал;**

МЕЛОЧЬ РУБЛЬ ТОЧИТ

Странная закономерность. Когда **предприятие** проводит техническое обновление за собственный счет, редко услышишь, что **проект модернизации** провален, а **деньги брошены на ветер**. Однако стоит начать то же самое, но уже за бюджетные средства, как **сразу** возникает сплошная полоса препятствий. Забуксовали на старте, не предусмотрели в проекте, ошиблись в расчетах. С чего бы это? (СБ. Беларусь сегодня, 30.09.2015).

Следует отметить, что в коммуникативной структуре введений были выявлены случаи комбинации нескольких видов тематической прогрессии:

ОТВЕТЫ НА КАТАЛОНСКИЙ ВОПРОС

В воскресенье 27 сентября в Каталонии состоялись выборы в местный парламент. **Это событие** привлекло к себе внимание в связи с сепаратистской проблемой, существующей в этом регионе. **Местные политики** давно добиваются независимости Каталонии от Испании. **В прошлом году** по инициативе сепаратистски настроенных сил в автономии состоялся референдум, на котором победили сторонники независимости. Однако **юридической силы, а значит, и политических последствий** это голосование не имело (СБ. Беларусь сегодня, 30.09.2015).

В данном введении обнаруживается сочетание прогрессии с переменной темой и линейной тематической прогрессии (...в Каталонии состоялись выборы – это событие).

Во введениях ряда статей наблюдалось сочетание тематической прогрессии с переменной темой и прогрессии со сквозной темой:

МИРОМ ПРАВЯТ ТЕХНАРИ

Белорусский национальный технический университет хорошо известен не только в своей стране – **здесь он лидирует** среди вузов технического профиля и занимает вторую строчку в общем рейтинге – но и на всем постсоветском пространстве. **БНТУ** официально является ведущим вузом СНГ в области инженерного образования. **Это** красноречивое признание традиций, сложившихся тут в том числе еще в советские времена. **А в последние годы** значительно повысилась образовательная и научно-организационная роль университета и на просторах Союзного государства. **Именно здесь несколько лет назад по инициативе БНТУ и Российского государственного технологического университета имени К. Э. Циолковского – МАТИ** состоялся первый форум белорусских и российских вузов

инженерно-технологического профиля. **Затем** прошел и второй. Напомним, что **в них** участвовал Государственный секретарь Союзного государства Григорий Рапота. **Об этом** напоминает и дерево, в торжественной обстановке посаженное в сквере БНТУ Григорием Алексеевичем. Символическая, как показывает время, акция! (СБ. Беларусь сегодня, 3.07.2014).

Словосочетания Белорусский национальный технический университет, БНТУ, по инициативе БНТУ обеспечивают развитие тематической прогрессии со сквозной темой. В свою очередь указательное местоимение *это*, словосочетания в последние годы, именно здесь несколько лет назад по инициативе БНТУ и Российского государственного технологического университета имени К. Э. Циолковского – МАТИ представляют переменные темы. Кроме того, в абзаце также прослеживается линейная тематическая прогрессия, которую реализуют следующие фрагменты абзаца: ... *состоялся первый форум белорусских и российских вузов инженерно-технологического профиля. Затем прошел и второй. Напомним, что в них участвовал Государственный секретарь Союзного государства Григорий Рапота. Об этом напоминает и дерево, в торжественной обстановке посаженное в сквере БНТУ Григорием Алексеевичем.*

Сильной позицией в структуре статьи с точки зрения распределения важной информации помимо заголовка, подзаголовков, введения являются также первый и последний абзацы.

Установлено, что в первых абзацах статей доминирующей тематической прогрессией является прогрессия с переменной темой: ***In the speech accompanying his letter to Donald Tusk, the Prime Minister will apparently criticize those on both sides of the debate who are already campaigning for the referendum he is calling on the UK's membership of the European Union. As someone who, until two weeks ago, was working as a special adviser in his Government and who is now working for the Vote Leave campaign, I respectfully disagree. Here's why we cannot wait for the Government's negotiations to end to campaign for the change the UK needs*** (The Telegraph, 9.11.2015). Тема первого предложения абзаца *in the speech* сменяется темами *he, someone, I, we*.

В тематическом развертывании текста статьи выявлены также и случаи комбинации нескольких видов прогрессии: ***The other European countries are looking at Britain with a quizzical half-smile as if they can't quite believe it. Our friends and partners cannot imagine why we would be quite so mad as to want to cut off our nose to spite our face and actually leave the European Union. After all this time – and with all the reputed benefits of the single market – they simply cannot fathom why a rich, free-trading, outward-looking nation like Britain would even contemplate disengagement from a club of like-minded western European nations, not to mention the largest integrated market in the world*** (The Telegraph, 9.11.2015).

В данном абзаце имеет место модель тематической прогрессии со сквозной темой: *the other European countries – our friends and partners*; и с переменной темой *our friends and partners – after all this time – and with all the reputed benefits of the single market*.

В начале года отельеры, владельцы агроусадеб, держатели квартир на сутки переживали, что российский турист стал реже встречаться на минских улицах. Тогда из-за российского финансового кризиса гости воздерживались от поездок, и наша сфера гостеприимства это очень болезненно ощущала. Еще бы: на долю россиян приходится 70 процентов всех визитеров. Но ситуация исправляется, замечают в Минспорта и туризма: число людей, посетивших нашу страну в январе–июне, выросло на 10 процентов и превысило 2 миллиона человек. Восстановилось и число граждан Российской Федерации, приехавших к нам в качестве туристов (СБ. Беларусь сегодня, 30.09.2015).

Тематические прогрессии с константной темой реализуются с помощью синонимичных адвербиальных выражений *в начале года, тогда*, синонимичных выражений с существительными *российский турист, гости, на долю россиян, число людей, посетивших нашу страну в январе; ситуация*. Тематическая прогрессия с переменной темой представлена адвербиальным выражением и существительным: *в начале года, ситуация*.

Анализ коммуникативной организации последних абзацев текстов статей на английском и русском языках позволил выявить все три типа реализации тематических прогрессий в разных комбинациях:

Technological and economic forces are changing the world quickly. The EU and its institutions cannot cope. We have lost control of vital policies. We need a new relationship. The only way to do that is by voting to leave. Once we have done that, we can negotiate a new UK-EU deal based on free trade and friendly cooperation, end the supremacy of EU law, and regain control. We can stop sending £350 million every week to Brussels and instead spend it on our priorities, like the NHS and basic science research. And we can regain our seats on international institutions like the World Trade Organization so that we are a more influential force for free trade and international cooperation (The Telegraph, 9.11.2015).

В данном абзаце тематическая прогрессия с константной темой реализуется через повтор личного местоимения *we*. Вторым типом прогрессии является прогрессия с переменной темой, для реализации которой используются словосочетания: *technological and economic forces; the EU and its institutions, the only way to do that*.

Mr Trudeau's qualification for being prime minister, by the way, is that he is the son of a prime minister – Pierre Trudeau. That hasn't got much to do with the wider public interest either (The Telegraph, 9.11.2015). Тема предложения *that*, реализующая линейный тип тематической прогрессии, повторяет ремю предшествующего предложения – *that he is the son of a prime minister – Pierre Trudeau* с помощью местоименной замены.

Примерами моделей тематического развертывания заключительных абзацев статей на русском языке могут служить следующие фрагменты:

А есть ли что продавать? Михаил Портной уверен, что есть. В подтверждение приводит цифры. Например, в 2010 году у нас было всего

444 гостиницы, сейчас – 530, в том числе и с мировыми брендами. **Вдоль трасс** построено 1684 объекта придорожного сервиса, а начинали с 330. **Наиболее успешные направления** – оздоровительный туризм и агроэко-туризм. Так, **санаториев и оздоровительных курортов у нас** насчитывается более 460, а агроусадеб – свыше 2 тысяч. Где-то еще, конечно, нужно «подшлифовать» сервис, установить привлекательные цены и раскрутить предложения. Главное, чтобы было понимание. Ведь чего-чего, а **гостеприимства** нам не занимать (СБ. Беларусь сегодня, 30.09.2015) (тематическая прогрессия с переменной темой);

Леонид Кучма высказался так:

– *Вопрос стоит ребром – быть Украине или не быть. События последних месяцев больше создают вопросов, чем ответов. А ответов, к сожалению, нет до сих пор. И мы в какой-то мере за ответами приехали сюда* (СБ. Беларусь сегодня, 1.08.2014) (линейный тип тематической прогрессии);

Учитывая все это, думается, что **каталонские сепаратисты**, несмотря на громкую риторику, вряд ли будут форсировать вопрос независимости. Скорее всего, **они пойдут по стопам своих шотландских коллег**, которые, формально оставаясь под британским суверенитетом, тем не менее, выбивают у Лондона новые и новые уступки. Аналогичным путем может двигаться и Каталония: превращаясь в де-факто самостоятельное государство, не порывая формальных связей с Испанией (тематическая прогрессия с константной темой).

Таким образом, анализ использования абстрактных существительных в наиболее сильных позициях медийного текста, а именно в заголовке, подзаголовке, введении, в первом и последнем абзацах статьи позволил установить, что абстрактные существительные численно превосходят по употребительности, как конкретные существительные, так и имена собственные в заголовках. Помимо этого абстрактные существительные участвуют в реализации тематических прогрессий во всех указанных позициях, кроме заголовка. Наиболее частотной моделью тематической прогрессии является прогрессия с переменной темой. Также для коммуникативного развертывания фрагментов текстов статей характерно комбинирование нескольких моделей тематической прогрессии, а именно прогрессии с переменной темой, прогрессии с константной темой и линейной прогрессии. Это позволяет автору реализовать коммуникативное намерение проинформировать читателя и обеспечить его адекватное понимание предложенной информации.

ЛИТЕРАТУРА

1. Карпилович, Т. П. Аннотация как жанр текста в разных культурах / Т. П. Карпилович. – Минск : МГЛУ, 2003. – 59 с.

2. *Карпилович, Т. П.* Когнитивные аспекты коммуникативного развертывания научного текста на английском и белорусском языках / Т. П. Карпилович // Вестн. МГЛУ. Сер.1, Филология. – 2010. – № 2 (45). – С. 39–47.
3. *Метлушко, И. В.* Культурно-тематические доминанты художественного дискурса и языковые средства их реализации (на материале английского и белорусского языков) : автореф. дис. ... канд. филол. наук : 10.02.19 / И. В. Метлушко; Минск. гос. лингв. ун-т. – Минск, 2015. – 27 с.
4. *Ирисханова, О. К.* Игры фокуса в языке. Семантика, синтаксис и прагматика дефокусирования / О. К. Ирисханова. – М. : Языки славянской культуры, 2014. – 320 с.
5. *Daneš, F.* Cognition and emotion in discourse interaction / F. Daneš // XIV International Congress of Linguistics: Preprints of the Plenary Session Papers. – Berlin, 1987. – P. 272–291.
6. *Мецлер, А. А.* Структурные связи в тексте (parenthetical constructions) / А. А. Мецлер. – Кишинев : «Штиинца», 1987. – 140 с.
7. *Юганов, В. И.* К вопросу об актуальном членении текста / В. И. Юганов // Предложение и текст в семантическом аспекте // Межвуз. темат. сб. под ред. С. А. Сусова. – Калинин : Изд-во КГУ, 1978. – С.154–160.
8. *Хэллiday, М. А. К.* Место «функциональной перспективы предложения» (ФПП) в системе лингвистического описания / М. А. К. Хэллiday // Новое в зарубежной лингвистике. – М., 1978. – Вып. 8. – С. 138–148.
9. *Сыров, И. А.* Функционально-семантическая классификация заглавий и их роль в организации текста / И. А. Сыров // Филологические науки. – 2002. – № 3. – С. 59–68.
10. *Мокроусова, О. Ю.* Коммуникативное предложение как единица текста: коммуникативно-прагматический аспект : автореф. дис. ... канд. филол. наук : 10.02.01 / О. Ю. Мокроусова; Рост. гос. пед. ун-т. – Ростов-на Дону, 2011. – 24 с.
11. *Гальперин, И. Р.* Текст как объект лингвистического исследования / И. Р. Гальперин. – М. : ЛИБРОКОМ, 2014. – 144 с.
12. *Уфимцева, А. А.* Типы словесных знаков / А. А. Уфимцева. – М. : Наука, 1974. – 206 с.
13. *Кнорина, Л. В.* Металексика: попытка выделения / Л. В. Кнорина // Лингвистика на исходе XX века: Итоги и перспективы // Тезисы международной конференции. – Т. 1. – М. : Филология, 1995. – С. 228–230.
14. *Halliday, M. A. K.* An Introduction to Functional Grammar / M. A. K. Halliday. – Suffolk : Edward Arnold, 1985. – 388 p.
15. *Daneš, F.* Functional Sentence Perspective and the Organization of the Text / F. Daneš // Papers on Functional Sentence Perspective. – Prague : Academia, 1974. – P. 24–45.

The paper considers the role of abstract nouns in the communicative structure of media discourse in English and Russian. It describes the way they function as a nucleus of theme-rheme models at different structural levels of a newspaper article.

ЖАНРОВАЯ ТИПОЛОГИЯ СПОРТИВНОГО ДИСКУРСА БЕЛОРУССКИХ И БРИТАНСКИХ ГАЗЕТ

В статье рассматриваются понятия дискурса, текста и жанра и приводятся результаты практического исследования спортивного дискурса на материале текстов белорусско- и англоязычных газет. В результате анализа было установлено, что тексты, воплощающие исследуемый сегмент спортивного дискурса, подразделяются на информационные и аналитические. Также в статье описываются жанровая номенклатура каждого типа спортивных медиатекстов и их структурные характеристики. В ходе анализа выявлены универсальные и специфичные черты исследуемых текстов, воплощающих спортивный медиадискурс на английском и белорусском языках.

Термин «дискурс» в силу своей многогранности не получил в лингвистике однозначного определения [1]. Дискурс в широком смысле представляет собой коммуникативный акт, происходящий в определенной ситуации общения. В узком же смысле – это конкретный текст, результат, который воспринимается получателем сообщения.

Дискурс часто рассматривается как речевое поведение, в ходе которого происходит объективация коммуникативных интенций адресанта и интерпретация их адресатом в определенном контексте [2; 3; 4]. Текст в данном случае представляет собой базовую единицу дискурса [3; 4], а дискурс является совокупностью объединенных на каких-либо основаниях текстов [2].

Разделяя достаточно распространенную точку зрения, мы считаем текст и дискурс взаимодополняющими понятиями. Дискурс, как «текст в ситуации реального общения» [5, с. 238], подчеркивает динамический характер языкового общения, взятого в широком контексте, в то время как текст является довольно формальной завершенной структурой, результатом дискурсивного процесса [6; 7]. А поскольку дискурс «фокусируется» в тексте, именно тексты служат материалом исследования в дискурс-анализе [8, с. 20].

Жанровая типология текстов, воплощающих тот или иной дискурс, также не получила в языкознании унифицированной трактовки. Несмотря на существование обширной литературы по данному вопросу, проблема заключается в том, что «жанровое членение текстов чрезвычайно разнообразно и дробно, каждый жанр может быть разграничен в самом себе на несколько поджанров в зависимости от вводимых дополнительных языковых и внеязыковых признаков» [9, с. 12]. Даже с учетом того, что многие лингвисты выделяют общие жанрообразующие параметры, среди них нет единого мнения о том, что именно должно лежать в основе классификации жанров.

В основу настоящего исследования спортивного медиадискурса, воплощенного в текстах газетных публикаций на белорусском и английском языках, положена следующая гипотеза: типология текстов может детерминироваться феноменами ментального уровня – когнитивными структурами,

используемыми для их построения и интерпретации. Мы полагаем, что опосредованная через язык неязыковая реальность определяет специфику манифестирующих ее текстов.

Данная идея заимствована из теории дискурса Т. А. ван Дейка, где жанр текста определяется его суперструктурой. Это «конвенциональная форма – схема, организующая заключенное в ней общее содержание» [10, с. 253]. Иными словами, такая прототипическая схема фиксирует наличие определенных информационных блоков в текстах одного жанра, а знание закономерностей построения текстов облегчает как процесс их продукции, так и интерпретации.

Анализ суперструктурной организации текстов осуществляется на основе макроструктуры текста как отражения его общего содержания. Поскольку понятия суперструктуры и макроструктуры дополняют друг друга в воплощении глобального смысла текста, то установление суперструктуры должно осуществляться путем интерпретации языковой и содержательной сторон текста.

На основании логического и контекстуального анализа спортивных медиатекстов было установлено существование двух прототипических структур. Поскольку эти структуры выполняют в дискурсе разные прагматические функции (первая реализует функцию информирования, в то время как вторая является средством формирования читательского мнения), мы разделили газетные тексты спортивной тематики на *информационные* и *аналитические*.

На уровне макроструктуры тексты информационных типов освещают какое-либо событие, фиксируя его в пространстве и времени, и характеризуются документальной насыщенностью и оперативностью [11; 12]. Принимая классификацию медиатекстов Т. Г. Добросклонской, мы разделили спортивные тексты информационного типа на жанры, ведущим из которых являются *новости* (см. табл.). Данный информационный жанр является ядерным для спортивных медиатекстов на белорусском языке и единственным информационным жанром для англоязычных текстов. К периферии информационных публикаций на белорусском языке относятся *информационные интервью*, представляющие читателю информацию о предстоящем спортивном событии, и сообщения типа *вопрос-ответ*, являющиеся откликом редакции газеты на просьбу читателя прояснить интересующую его ситуацию.

Особенностью аналитических медиатекстов является сочетание функций сообщения с функцией воздействия на аудиторию за счет выражения оценки и мнения автора [11], исследование и раскрытие сущности описываемых явлений [12]. Наиболее типичными представителями текстов аналитического характера (см. табл.) в британской прессе является *комментарий*, а в белорусской – *интервью*.

Жанровое разнообразие газетного спортивного дискурса
в англоязычной и белорусскоязычной прессе

Жанр	Употребительность в англоязычной прессе, в процентах*	Употребительность в белорусскоязычной прессе, в процентах*
Новости	57	60
Информационное интервью	0	2
Вопрос-ответ	0	1
Комментарий	40	2
Аналитическое и информационно- аналитическое интервью	3	35

*анализ произведен методом сплошной выборки из 100 текстов

К элементам суперструктуры новостей на английском и белорусском языках относятся «основное событие», его «детализация», «фоновые события», «вербальные реакции автора» или «комментарии участников событий», среди которых обязательными компонентами для текстов на обоих языках являются «основное событие» и «фон» – предшествующие, сопутствующие либо последующие события, часто актуализируемые в виде анонса.

Рассмотрим пример суперструктуры новостей из британской газеты «The Sunday Times».

[Основное событие] *Joe Kinnear, Newcastle's' manager hopes to persuade Owen to stay but the England striker hasn't committed himself to the club beyond the end of the season.* [Фоновое событие 1 – последующее] *The 29-year-old is out of contract in the summer and has been linked with moves to Manchester City, Chelsea, Wigan and Tottenham.* [Фоновое событие 2 – предшествующее] *Owen has scored 29 goals for Newcastle since joining from Real Madrid for £17 m in 2005 and remains a key player <...>.* Основным событием статьи являются планы английского футбольного клуба «Newcastle» сохранить в своих рядах главного нападающего. Данное событие было определено в качестве основного по нескольким критериям: композиционному – его расположению в начале текста и семантическому – связью со всеми другими элементами суперструктуры текста: у 29-летнего нападающего летом истекает срок контракта с клубом «Newcastle», и уже сейчас ходят слухи о его возможном переходе в клубы «Manchester», «Chelsea» и прочие в будущем. А в прошлом этот футболист стоимостью 17 миллионов фунтов принес команде 29 забитых

мячей с момента начала действия своего контракта, что возвращает нас к основному событию новости – клуб не желает расставаться со столь ценным спортсменом.

Осложнение базовой структуры суперструктуры новостных текстов спортивной тематики происходит за счет таких компонентов, как *детализация основного события и вербальные реакции – оценочные комментарии автора и/или участников событий*. Иллюстрацией подобной суперструктуры служит текст публикации «БАТЭ перайграў італьянскі Чыска»:

[Фоновое событие 1 – последующее] *У межах падрыхтоўкі да заключнага матчу Лігі Еўропы супраць «Эвертана»* [Основное событие] *барысаўскі БАТЭ правёў 9 снежня таварыскі матч супраць клуба «Чыска»,* [Фоновое событие 2 – сопутствующее] *які выступае ў групе С другога паўпрафесійнага дывізіёну італьянскага футбола (чацвертая ліга).* [Основное событие] *З лікам 3:2 перамогу атрымалі барысаўчане, наведамляе прэс-служба БАТЭ.* [Детализация основного события] *Мячы забілі Аляксандр Валадзько, Віталь Радзівонаў і Аляксандр Юрэвіч.* [Вербальная реакция] *Як адзначае прэс-служба барысаўскага клуба, паядынак быў багаты на грубыя, а часамі і брудныя прыёмы з боку саперніка <...>.*

Особенностью спортивной аналитики является сочетание аналитической и информационной составляющей, где информационная часть представляет собой вспомогательный элемент для погружения читателя в проблемное поле сообщения. Аналитическая часть рассматриваемых публикаций реализуется посредством суперструктурной схемы, состоящей из таких компонентов, как «тезис», «аргумент» и «следствие». В результате анализа было установлено, что облигаторными компонентами аргументативной структуры являются тезис – авторское суждение относительно проблемной ситуации, заданной информационным блоком, и аргумент – доводы в пользу мнения автора, выраженного тезисом.

Следующий фрагмент из интервью в белорусской газете «Звезда» демонстрирует актуализацию подобной структуры в информационно-аналитическом интервью, где тренер белорусской футбольной команды рассматривает причины проигрыша своей команды французским соперникам:

[Тезис] – *Чаму БАТЭ не паказаў сваёй гульні?*

[Аргумент] – *Складана сказаць. Магчыма, таму што мы трэніруемся ўсяго месяц.*

В данном случае авторский тезис представлен вопросительным предложением – репликой-стимулом корреспондента: белорусский футбольный клуб не показал хорошую игру, а аргумент – реакцией тренера: действительно, БАТЭ сыграл плохо, причиной чему является недостаточная подготовка команды. Такая аргументация актуализируется оценкой ситуации не-автором (приглашенным экспертом) и является отличительной чертой белорусско-язычного спортивного дискурса. Этим объясняется тот факт, что ядром белорусской спортивной аналитики стало интервью.

Данное обстоятельство предопределяет еще одну особенность суперструктуры аналитических текстов спортивной тематики на белорусском языке. Компонент «тезис» в информационно-аналитическом интервью может иметь сложную модель построения. Синтаксически она сочетает вопросительное предложение – реплику автора и повествовательное предложение – часть ответа собеседника: *Французскі клуб чым-небудзь уразіў?* (реплика-стимул корреспондента) – *Не*. (часть ответа приглашенного эксперта), что соответствует простой модели тезиса: «игра французского футбольного клуба не впечатлила», который впоследствии подтверждается аргументами интервьюируемого тренера белорусской команды – соперника французов.

Примером суперструктуры спортивной аналитической статьи в британском дискурсе может служить отрывок из публикации «Only Tough Needed If England Return», где автор комментирует необходимость отбора сильнейших игроков для английской крикетной сборной в преддверии важных соревнований. Данная проблемная ситуация представлена в виде основного события статьи в информационной части и далее анализируется в аргументативном блоке.

[Информационная часть – постановка проблемы] *Kevin Pietersen rings round team to see who's in and who's out of return to India.*

[Тезис] *If England's cricketers are to return to India for the Test series, only the tough need apply.* [Аргумент – мнение автора] *Test cricket weeds out uncertainty even in normal situations which is why national selector Geoff Miller wants only those fully-committed to the job to return on tour.* [Аргумент – вербальная реакция] *"If we do go back we've got two tough Tests to play so the focus has got to be right," Miller said yesterday. "Players need to be on their full mettle. There is no point in anyone going out there if their mind is on physical self-preservation. We need them performing with bat and ball. But, depending on the character involved, it might not be right for some."*

Задачей информационной части данного спортивного комментария является введение читателя в проблемное поле публикации: в настоящее время менеджер английской крикетной команды ищет игроков для предстоящих соревнований. Далее автор статьи высказывает свое суждение относительно критерия отбора игроков: если уж команде предстоит выступить в тестовой серии в Индии, то обязательно следует выбрать сильнейших игроков, что подкрепляется двумя видами аргументов. Первый аргумент выражен мнением автора: крикет не допускает ни малейшей ошибки даже в ситуации рядовой игры. Второй представляет собой вербальную реакцию эксперта: в команде не должно быть спортсменов, которые не могут полностью отдаться игре, даже если они умеют профессионально обращаться с мячом, битой.

Как показывают данные, информирование является превалирующей коммуникативной интенцией авторов как белорусских, так и английских газет. Для дискурса англоязычных газет характерна тенденция к анализу

информации автором спортивного сообщения, то есть журналистом, что абсолютно нехарактерно для белорусскоязычных сообщений спортивной тематики, где всестороннее исследование спортивной ситуации часто проводится приглашенным экспертом. Реализации данных интенций авторов спортивных сообщений способствуют когнитивные стратегии организации заключенного в них содержания на уровне суперструктур и макроструктур.

ЛИТЕРАТУРА

1. Стилистический энциклопедический словарь русского языка / Е. А. Баженова [и др.]; под ред. М. Н. Кожинной. – М. : Флинта : Наука, 2003. – 696 с.
2. Арутюнова, Н. Д. Дискурс / Н. Д. Арутюнова // Лингвистический энциклопедический словарь / под ред. В. Н. Ярцевой [и др.]. – М. : Сов. энциклопедия, 1990. – С. 136–137.
3. Звегинцев, В. А. Предложение и его отношение к языку и речи / В. А. Звегинцев. – М., 1976. – 306 с.
4. Степанов, Ю. С. Альтернативный мир, Дискурс, Факт и принцип Причинности / Ю. С. Степанов // Язык и наука конца XX века. – М., 1995. – 432 с.
5. Карасик, В. И. Языковой круг: личность, концепты, дискурс / В. И. Карасик. – Волгоград : Перемена, 2002. – 477 с.
6. Карпилович, Т. П. Информационная структура текста в когнитивно-дискурсивном аспекте / Т. П. Карпилович // Грамматические исследования : материалы докл. II Междунар. конф., Минск, 5–6 ноября 2003 г. / Минск, 2004. – С. 15–19.
7. Чернявская, В. Е. От анализа текста к анализу дискурса / В. Е. Чернявская // Текст и дискурс: традиционный и когнитивно-функциональный аспекты исследования : сб. науч. тр. / под ред. Л. А. Манерко. – Рязань, 2002. – С. 230–232.
8. Кожина, М. Н. Дискурсивный анализ и функциональная стилистика с речеведческих позиций / М. Н. Кожина // Текст – Дискурс – Стилль : сб. науч. ст. / С.-Петербург. гос. ун-т экономики и финансов; отв. ред. В. Е. Чернявская. – СПб., 2004. – С. 9–33.
9. Бабенко, Н. С. О лингвистическом смысле разграничения текстов на жанры / Н. С. Бабенко // Лексика и стиль : сб. науч. тр. / Твер. гос. ун-т; отв. ред. Е. В. Розен. – Тверь, 1993. – С. 9–16.
10. Дейк, Т. А. ван. Структура новостей в прессе / Т. А. ван Дейк // Язык. Познание. Коммуникация : сб. работ; под ред. В. И. Герасимова. – М. : 1989. – С. 228–265.
11. Добросклонская, Т. Г. Вопросы изучения медиатекстов: Опыт исследования современной английской медиаречи / Т. Г. Добросклонская. – 2-е изд., стереотип. – М. : УРСС, 2005. – 288 с.
12. Тертычный, А. А. Жанры периодической печати : учеб. пособие / А. А. Тертычный. – 2-е изд. – М. : Аспект Пресс, 2002. – 320 с.

The article deals with research of the sports discourse which is realized through newspaper texts in the Belarusian and English languages. It gives an overview of the information and analytic texts representing the sports discourse, their genres and prototypical structure.

О. В. Изотова, Ю. В. Рудницкая

РЕЧЕВОЙ ЖАНР «ПОЗДРАВЛЕНИЕ» В РУССКОЙ И ФЛАМАНДСКОЙ ЛИНГВОКУЛЬТУРАХ

В статье анализируется лингвокультурная специфика функционирования речевого жанра «поздравление» в русской и фламандской переписке. Рассматриваются различия в соотношении поводов для поздравительных писем (персональные, групповые, общие), различия в формулах приветствия и прощания, а также наличия эмоциональных реакций со стороны адресанта.

Поздравление представляет собой речевой жанр, широко используемый как в русской, так и во фламандской лингвокультурах, что не случайно: данный жанр является этикетным и фатическим, и поэтому играет важную роль в установлении и нормализации межличностных отношений. Высокая значимость данного речевого жанра проявляется в том, что в обеих коммуникативных культурах он имеет разработанную риторическую форму, вбирающую в себя другие речевые жанры (комплимент, благопожелание и т.д.).

По мнению исследователей, типы поздравлений, выделяемые на основании коммуникативно-прагматических признаков, являются в целом одинаковыми для всех культур. Любое событие, способное быть поводом для поздравления, формирует вокруг себя коммуникативные потоки, структура которых во многом зависит от специфики повода. В первую очередь на этом основании исследователи выделяют: персональные поводы, затрагивающие конкретного человека (поступление в университет, повышение по службе, день рождения); групповые поводы, общие для членов малой социальной группы (день науки, удачное участие организации в выставке). В этом случае существенно наличие границы между членами группы, которые получают поздравления и поздравляют друг друга, и другими людьми, которые поздравляют членов этой группы, но сами не могут получать поздравления; общие поводы, которые охватывают всю культуру в целом (Новый год, Рождество) [1, с. 48–49].

Материалом исследования послужили 40 единиц поздравительных электронных писем (20 русских и 20 фламандских), отобранных методом сплошной выборки.

Наше исследование показало, что в русской лингвокультуре достаточно значимыми являются ориентации на групповые поводы, а во фламандской – на персональные. Ориентации же на общие поводы практически одинаковы в обеих лингвокультурах (табл. 1).

Т а б л и ц а 1

Соотношение между персональными, групповыми и общими поводами в поздравительных текстах русской и фламандской лингвокультур (на материале личной переписки)

	Русская лингвокультура (20 примеров)	Фламандская лингвокультура (20 примеров)
Общие поводы	13	14
Групповые поводы	6	0
Персональные поводы	1	6

При сравнении эмоциональных реакций со стороны адресанта оказалось, что в поздравительных текстах, относящихся к фламандской лингвокультуре, эмоциональные реакции более интенсивны. Вместе с тем в обеих лингвокультурах присутствуют поздравительные тексты в стихотворной форме (табл. 2).

Т а б л и ц а 2

Соотношение между наличием эмоциональных реакций со стороны адресанта в поздравительных текстах русской и фламандской лингвокультур (на материале личной переписки)

	Русская лингвокультура (20 примеров)	Фламандская лингвокультура (20 примеров)
Наличие уменьшительного суффикса в приветствии (обращении)	0	1
Концовка (заключительная реплика) неформальная	8	14
Наличие поздравительного текста в стихотворной форме	3	2
Поводы для поздравительного текста в стихотворной форме	<i>Новый год, Международный день друзей, День этнографа</i>	<i>Новый год, рождение ребенка</i>

Нами были также рассмотрены формулы приветствия в поздравительных письмах русской и фламандской лингвокультур.

Исследование показало, что в поздравительных письмах обеих лингвокультур приветствие выражается весьма клишированными фразами, структура которых в основном не отличается.

Для русских поздравительных писем в большей степени характерна формула *Дорогой/ая/ие + имя/имя, отчество*, для фламандских же – *Hallo/ Hoi/ Heu + имя*.

Примечательно также, что в то время как русские поздравительные письма довольно часто начинаются с обращения, большинство фламандских поздравительных писем начинаются с приветствия: *Hoi/ Heu/ Hallo + имя* (табл. 3).

Т а б л и ц а 3

Типы приветствий в поздравительных текстах русской и фламандской лингвокультур (на материале личной переписки)

Русская лингвокультура	Количество употреблений (20)
<i>Дорогой/ая/ие + имя/имя и отчество</i>	6
<i>Имя/имя и отчество</i>	5
<i>Спасибо + имя/Имя + спасибо огромное (ответное поздравление)</i>	3
<i>Нет приветствия и конкретного обращения (рассылка всем друзьям и знакомым)</i>	3
<i>Здравствуйте, дорогая + имя/имя и отчество</i>	1
<i>Здравствуйте + имя</i>	1
<i>Уважаемая + имя и отчество</i>	1
Фламандская лингвокультура	Количество употреблений (20)
<i>Hallo + имя (Привет + имя)</i>	3
<i>Hoi + имя (Привет + имя)</i>	3
<i>Нет приветствия и конкретного обращения</i>	3
<i>Heu + имя (Привет + имя)</i>	2
<i>Dag + имя (Привет + имя)</i>	2
<i>Имя</i>	2
<i>Имя с уменьшительным суффиксом</i>	1
<i>Lieve + имя (Милый/ая + имя)</i>	1
<i>Beste mensen ≈ Дорогие друзья (рассылка всем друзьям и знакомым)</i>	1
<i>Hallo (Привет)</i>	1
<i>Hoi!! (Привет!!)</i>	1

Относительно формул прощания отметим, что в обеих лингвокультурах они также выражаются весьма клишированными фразами.

Интересно, что одной из самых распространенных формул прощания в письмах нашей выборки, относящихся к русской лингвокультуре, стало отсутствие заключительной реплики (роль заключительной реплики выполняет благопожелание, например, *Здоровья всем, успехов, удачи, оптимизма!*).

Во фламандской лингвокультуре преобладают формулы: *Groetjes + имя* (*Всем привет + имя*) и *Groetjes aan iedereen en tot mails* (*Всем привет и до следующего письма*) (табл. 4).

Формула прощания как в русской, так и во фламандской лингвокультуре, безусловно, зависит от степени формальности письма и от того, насколько хорошо знакомы адресант и получатель и в каких отношениях они состоят (являются, например, коллегами или же друзьями).

Т а б л и ц а 4

Типы заключительных реплик письма
в поздравительных текстах русской и фламандской лингвокультур
(на материале личной переписки)

Русская лингвокультура	Количество употреблений (20)
<i>Нет заключительной реплики</i> <i>Роль заключительной реплики выполняет благопожелание, например, «Здоровья всем, успехов, удачи, оптимизма!»</i>	4
<i>С наилучшими пожеланиями + имя/ имя и отчество/имя, отчество и фамилия</i> <i>Вариант: С самыми наилучшими пожеланиями + имя</i>	4
<i>Искренне + имя</i>	1
<i>С самыми наилучшими новогодними пожеланиями + имя</i>	1
<i>С наилучшими весенними пожеланиями + имя</i>	1
<i>С признательностью + имя/имя и отчество</i>	1
<i>С признательностью и самыми наилучшими пожеланиями</i>	1
<i>С уважением + имя</i>	1
<i>Крепко обнимаю + имя</i>	1
<i>С этнографическим приветом</i>	1
<i>До скорого!</i>	1
<i>Всего доброго + имя/имя и отчество/имя, отчество и фамилия/имя и фамилия</i>	1
<i>Нет заключительной реплики</i>	1
<i>С наилучшими пожеланиями из всё еще рождественского Таллина (автор письма – коренной москвич, но на момент написания письма находился в Таллине)</i>	1

Фламандская лингвокультура	Количество употреблений (20)
<i>Groetjes(!) + имя (Привет + имя) букв. Приветлики!!</i>	4
<i>Groetjes (aan iedereen) en tot mails!!! + имя (Всем привет и до следующего письма)</i> <i>Вариант: Heel veel groetjes aan iedereen daar en tot de volgende mail!! (Всем привет и до следующего письма!!)</i> <i>букв. Всем очень много приветиков и до следующего письма</i>	3
<i>Beste groeten + фамилия и имя (Наилучшие пожелания)</i>	3
<i>Нет заключительной реплики</i> <i>Роль заключительной реплики выполняет благопожелание, например, Alvast een zalige Kerstmis toegewenst en tot mails! (С наилучшими рождественскими пожеланиями и до следующего письма) / Zalig Kerstfeest en Gelukkig Nieuwjaar! + имя (Счастливого Рождества и Нового года)</i>	2
<i>Dikke kus + имя (Целую крепко + имя)</i> <i>Вариант: Dikke kus en gelukkig nieuwjaar! + имя (Целую крепко и счастливого Нового года!)</i>	2
<i>Met vriendelijke groet(en) (С дружеским приветом)</i>	1
<i>Nogmaals ¹ne¹ stevige groet en kusjes vanuit Antwerpen + неформальный юмористический вариант имени (Еще раз наилучшие пожелания из Антверпена, букв. Еще раз огромный привет и поцелуйчики из Антверпена)</i>	1
<i>x + имя (Целую + имя)</i>	1
<i>Lieve paasgroetjes (С наилучшими пасхальными пожеланиями, букв. Милые пасхальные приветлики)</i>	1
<i>Heel veel warme groetjes van + имя (например, Jan en Marjan, An en Jelle)</i> <i>(букв. Много теплых приветиков от + имя)</i>	1
<i>Нет заключительной реплики</i> <i>Роль заключительной реплики выполняет обычное высказывание, например, Mocht je nog foto's hebben: opsturen hé!!! (Если у тебя еще есть фотографии, высылай, ок?)</i>	1

В целом, русские поздравительные письма нашей выборки отличаются несколько большей степенью формальности и являются небольшими по объему. В рассмотренных нами русских поздравительных текстах в основном преобладает формула: *приветствие + поздравление + благопожелание*.

¹ Сознательное нарушение литературной нормы нидерландского языка в целях повышения эмоционального статуса высказывания и интимизации стиля (используется диалектная форма неопределенного артикля).

Фламандские же поздравительные письма в значительной степени отличаются от русских своим объемом и содержанием. Кроме непосредственно поздравлений и благопожеланий фламандские поздравительные письма, что особенно характерно для поздравлений с Новым годом, часто содержат и информацию о семье, родственниках, о том, что произошло за год или о том, что осталось по-прежнему, фламандцы часто пишут о своих планах и спрашивают о том, как дела у получателя.

Таким образом, анализ фрагмента языковой картины мира, описывающего речевой жанр поздравления в русской и фламандской лингвокультурах, подтвердил наличие следующих компонентов, существенных с точки зрения восприятия соответствующей жанровой формы:

1. Наличие адресанта и адресата, которые связаны особым отношением, предполагающим радость адресанта в связи с неким событием в жизни адресата.

2. Повод для поздравления, то есть некоторое положительным образом оцениваемое событие, которое рассматривается как важное, существенное и представляет собой тему поздравления.

3. Наличие в поздравительном письме благопожеланий.

4. Наличие достаточно стандартизированной формулы приветствия и прощания.

В совокупности описанные признаки, определяемые триадой «поздравляющий – поздравляемый – повод», являются общими для русской и фламандской лингвокультур.

Тем не менее, функционирование речевого жанра поздравления в русской и фламандской лингвокультурах обнаруживает некоторую специфику:

1. Русские поздравления в значительно большей степени, чем фламандские, направлены на групповые поводы.

2. Фламандские эпистолярные тексты поздравительного характера в большей степени ориентированы на конкретную личность и ее достижения, а также ее качества. Данная особенность проявляется в следующем: фламандские авторы поздравлений чаще вводят в свои тексты элементы, отсылающие к собственной личности, а не к личности адресата. При этом имеются все основания полагать, что культурная норма, в соответствии с которой поздравитель должен вывести собственную фигуру на второй план, во фламандской культуре существует и разделяется многими ее представителями. Этот парадоксальный факт, однако, не противоречит общим выводам исследования, поскольку свидетельствует о том, что во фламандской лингвокультуре более ярко выражено индивидуальное начало.

3. Среди русских поздравительных текстов, как правило, встречаются тексты небольшого объема.

4. Фламандские поздравительные тексты отличаются от русских своим объемом (гораздо большим) и содержанием, русские поздравительные письма обычно короче и, как правило, содержат только поздравление и благопожелания, а фламандские (в первую очередь новогодние поздравления) – часто и информацию о своей семье, родственниках (о том, что произошло за год или о том, что осталось, как и прежде), пишут о своих планах и т.д.

5. Во фламандских поздравительных текстах в большей степени выражены эмоциональные реакции со стороны адресанта, тогда как в русской лингвокультуре преобладает интеллектуальная оценка повода для поздравления. Последнее находит отражение в типичном для русских понимании поздравления как приветствия, то есть коммуникативного акта.

Таким образом, в ходе сравнительного анализа поздравительных текстов обеих лингвокультур были выявлены некоторые сходства и различия функционирования речевого жанра «поздравление».

ЛИТЕРАТУРА

1. *Покровская, Е. А.* Речевые жанры в диалоге культур / *Е. А. Покровская, Н. В. Дудкина, Е. В. Кудинова.* – Ростов н/Д., 2011. – 200 с.

The article describes the functional peculiarities of e-greetings in Russian and Flemish communicative cultures.

Т. П. Карпилович

СПОСОБЫ ЯЗЫКОВОЙ РЕАЛИЗАЦИИ ИНТЕНЦИОНАЛЬНОСТИ В ПРОБЛЕМНОМ МЕДИАДИСКУРСЕ

В статье рассматриваются языковые средства репрезентации категории интенциональности в медиадискурсе, представленном проблемными статьями на английском, русском и белорусском языках. Под интенциональностью дискурса понимается глобальная целеустановка его автора, которая реализуется в семантической структуре дискурса, коммуникативных стратегиях, в средствах их вербализации, а также в стилистических средствах акцентуации ведущей авторской интенции. Показывается, как эта категория непосредственно взаимодействует с категорией субъектности, а именно субкатегорией автора конкретного медиатекста и всеми другими участниками медийной коммуникации, прямо или косвенно участвующими в дискурсе. Устанавливаются сходства и различия в языковой репрезентации категории интенциональности в проблемном медиадискурсе на белорусском, русском и английском языках.

В фокусе современного языкознания находятся прагматические аспекты использования языковых единиц, социокультурные факторы, экстралингвистические условия, влияющие на построение дискурсов различных типов и жанров. При этом институциональные формы дискурса, в частности медийный, предоставляют лингвистам широкий спектр возможностей для анализа таких коммуникативно-прагматических категорий, как субъектность, оценочность, стратегичность и др. в контрастивно-типологическом аспекте [1; 2]. В настоящей работе в качестве предмета исследования избрана ведущая в коммуникативно-прагматической плане категория дискурса – интенциональность, которая определяет выбор коммуникативных стратегий для реализации автор-

ского замысла в дискурсе, его структуру и непосредственно языковые средства вербализации поставленной цели.

Подходы к определению сущности категории интенциональности и методам изучения средств ее вербализации несколько различаются в работах по стилистике и коммуникативной лингвистике. В рамках коммуникативной стилистики Н. И. Клушина рассматривает интенциональность как авторскую интенцию, коммуникативное намерение, которое организует построение конкретного текста [3]. Так, в качестве глобальной авторской интенции публицистического текста выделяется убеждение «читателя не просто в правоммерности, но именно в правильности авторского видения, авторской трактовки действительности» [Там же]. При этом понятие интенциональности распространяется на другие категории публицистического дискурса, которые, по мнению ученого, входят в круг интенциональных: это идеологема, оценка, номинация как стилистико-идеологическая категория, стилистическая тональность, интерпретация как механизм имплицитного убеждения. В публицистическом дискурсе все эти категории взаимодействуют, «накладываются одна на другую, поскольку существуют в едином текстовом континууме и реализуют единую авторскую интенцию (убеждение)» [Там же].

В целом, сходной трактовки интенциональности придерживается и Г. Я. Солганик [4], указывая на неразрывную связь данного термина с понятием интенции (намерения, замысла). Вместе с тем он полагает, что данная категория стоит в одном ряду с другими общепризнанными в лингвистике категориями текста, такими как когезия, когерентность, информативность, диалогичность, интертекстуальность, прагматика и др. [Там же]. Разделяя мнение Н. И. Клушиной о том, что убеждение является главной интенцией идеологического дискурса СМИ, данный автор фокусирует внимание на стилистических свойствах текста, которые отражают его интенциональность, характеризуя «стилистику адресанта».

Своеобразие подхода Л. Р. Дускаевой состоит в том, что она предлагает рассматривать интенциональность как систему интенций, поскольку это понятие как коммуникативное намерение «многоаспектно, многопланово» и поэтому «нельзя дать его линейное описание», оно представляет собой «многослойную, иерархически организованную систему» [5, с. 101]. Изучая специфику воплощения интенциональности в медиадискурсе, Л. Р. Дускаева опирается на идею детерминированности формы текста его содержанием, разработанную М. Н. Кожинной [6]. Согласно данной теории, порождение текста осуществляется на основе смысловой структуры, воплощающей замысел текста и представляющей собой совокупность экстралингвистических факторов (вид деятельности, эпистемические и коммуникативные факторы и др.). По Л. Р. Дускаевой, интенциональность медиадискурса представлена иерархией смыслов, в которой взаимодействуют дескриптивный (пропозициональный) и модусный (субъективный и объективный) компоненты.

В коммуникативной лингвистике интенции определяются как коммуникативные, они участвуют в организации процесса коммуникации и, как правило, понятны слушающим [7]. При этом категория целеполагания, непосредственно связанная с интенциональностью, трактуется рядом авторов как «“довербальное” явление, которое задает коммуникативную установку и определяет сверхзадачу общения» [7, с. 204]. Важным для нашего исследования является положение о том, что на основе коммуникативной интенции адресант выбирает стратегию / стратегии речевого поведения и осуществляет порождение дискурса того или иного жанра.

Рассмотрим особенности отражения коммуникативно-прагматической категории интенциональности в медиадискурсе, представленном проблемными статьями и очерками на белорусском и русском языках (в прессе Беларуси) и на английском языке (на материале американских СМИ). Под интенциональностью будем понимать глобальную целеустановку адресанта, которая реализуется в семантической структуре дискурса, коммуникативных стратегиях, языковых маркерах семантических компонентов и стратегий, а также в стилистических средствах акцентуации ведущей авторской интенции. Как показал проведенный ранее анализ [1, с. 5–8], несмотря на определенные жанровые отличия (в частности, проблемные статьи обычно содержат разнообразную статистическую информацию), указанные медиажанры обладают сходной прототипической семантической структурой. Она включает обязательные компоненты: сущность проблемы / конфликта и пути разрешения проблемы / конфликта, которые в дискурсе распадаются на ряд составляющих. Первый компонент представлен следующими субкомпонентами: «описание проблемной (конфликтной) ситуации», «причины возникновения проблемы (конфликта)», «влияние проблемы на общество и конкретных людей», а второй – такими субкомпонентами: «способы разрешения проблемы (конфликта) специалистами / представителями государственных учреждений / частных организаций / автором статьи» и др. Следует заметить, что в рассматриваемых жанрах медиадискурса та или иная проблема общественной жизни или проблемная ситуация часто достигает стадии конфликта или граничит с ним, поэтому мы рассматриваем понятия «проблема» и «конфликт», «проблемная ситуация» и «конфликтная ситуация» как смежные.

Анализ вышеуказанных жанров с точки зрения их интенциональности показал, что ведущей авторской интенцией является «поиск путей разрешения сложившейся проблемной / конфликтной ситуации» на основе рассмотрения мнений ее участников, а также представителей государственных, частных и общественных организаций. Таким образом, интенциональность проблемного медиадискурса непосредственно связана с его прототипической семантической структурой, выступая детерминантой ее доминант [5, с. 103]. Следует заметить, что в отличие от композиции суперструктурные компоненты не всегда реализуются в конкретном дискурсе в строгой последовательности: они могут быть представлены недискретно в различных композиционных частях. Так,

хотя определение путей разрешения проблемной ситуации обычно следует за анализом ее причин, тем не менее ведущая авторская интенция может быть заявлена уже в заголовке или в лиде статьи:

Хто дапаможа Івану Пятровічу?

Выйсьцем з сітуацыі павінен стаць рынак сацыяльных паслуг (Звязда, 11.11.2014);

Война за мировое соглашение (Рэспубліка, 8.02.2012);

Our odd ways of dealing with problems (The Seattle Times, 20.07.2014);

Время идет, строения ветшают, и рано или поздно задумываются кто о капитальном ремонте, а кто, как Вячеслав, и о реконструкции жилища. Но возможно ли в этих условиях реализовать современные требования к индивидуальному строительству? В этом вопросе мы попытались разобраться на месте (Рэспубліка, 8.02.2012);

Але мы можам яшчэ больш смецця не дапусціць да звалак. Усяго толькі і патрабуецца – збіраць адыходы асобна (Звязда, 10.12.2016);

U.S. coal industry efforts to tap into the growing export market are struggling to gain traction, as bureaucratic hurdles and resistance from environmentalists slow proposed mines in the Northern Plains, ports on the West Coast and now a proposed coal railroad in Montana (The Seattle Times, 20.07.2014).

Как видно из вышеприведенных примеров, языковая реализация ведущей авторской интенции может осуществляться эксплицитными языковыми средствами: словосочетаниями со значениями ‘решение проблемы’ (выйсьце з сітуацыі, dealing with problems), ‘соглашение’ (мировое соглашение); вопросами к читателю о возможностях решения проблемы. Однако не менее часто глобальная авторская интенция в инициальной позиции проблемных медиа-жанров реализуется косвенными средствами, к которым относятся прежде всего стилистические ресурсы: в белорусской прессе лидируют метафоры и разговорная лексика; в американской – антитеза, отрицательные и интеррогативные структуры. Употребление стилистических средств в заголовках связано с их назначением – привлечь внимание читателя яркой необычной формой, побудить его прочитать весь текст. Например: *В четырех стенах нерешенных проблем* (СБ. Беларусь сегодня, 10.04.2013); *Кошкін дом ... у хрушчоўцы* (Звязда, 3.10.2012); *Сірочы хлеб* (Звязда, 17.01.2017); *Expert panels won't improve health care* (The Wall Street Journal, 19.10.2009); *Courageous or spineless? Our actions, or inactions, decide* (The Seattle Times, 6.07.2014).

Тем не менее, следуя принципам последовательности и логичности изложения информации, в начальных позициях проблемных статей и очерков журналист, как правило, излагает причины возникшей проблемы / конфликта или проблемной / конфликтной ситуации. Эти причины формулируются на основе предшествующей написанию статьи аналитической деятельности журналиста или путем обобщения мнений других участников проблемной ситуации: *Сучасны чалавек у вялікім горадзе шмат часу знаходзіцца пад пільным прыцэлам аб'ектываў усталяваных у розных публічных месцах камер. Яшчэ хутчэй размываецца гэты падзел у сацыяльных сетках, якімі штодня*

карыстаецца ўсе больш людзей. Але ў чым прычына знікнення асабістай прасторы – у імклівым тэхнічным прагрэсе ці нежаданні саміх людзей яе захоўваць? (Звязда, 22.01.2014); К живописному озеру у деревни Иканы Борисовского района уже который год не едут горожане и местные жители. Вода в нем мутная, с серо-желтым налетом на поверхности и неприятным запахом. Кто виноват в этих метаморфозах, знают все. Кто вернет его к жизни – ответа пока нет (Рэспубліка, 27.05.2014); Members of a federal advisory committee on Monday seemed to conclude that genetically engineered super-salmon would be safe to eat and for the environment, but they also found gaps in the studies used to support that conclusion (The New York Times, 21.09. 2010).

Таким образом, очевидно, что реализация интенциональности проблемных медиажанров непосредственно связана с их семантической структурой, т.е. общей структурой содержания дискурсивного жанра. Однако помимо семантической структуры интенциональность любого дискурса реализуется и в авторских коммуникативных стратегиях, к которым относятся стратегии привлечения внимания к важной информации, убеждения в истинности мнений и оценок, побуждения к совершению тех или иных действий [8].

Стратегия привлечения внимания реализуется, как было отмечено, прежде всего, в заголовке, а также в подзаголовках, в выделении наиболее важной информации графически в специальных блоках, другим шрифтом или цветом, а также языковыми средствами выдвижения информации в инициальную позицию предложения (парцелляцией, инвертированными и интеррогативными структурами, сочинительными союзами в начале предложения):

По логике вещей, проходной балл на них должен понизиться. Велика и вероятность недобора (Рэспубліка, 8. 07.2014);

Чаму ніхто не карыстаецца прадастаўленай магчымасцю? Чаму не ствараюцца невялікія дзіцячыя садкі (на 40-50 чалавек), якія хутчэй забяспечаць крокавую даступнасць? (Звязда, 23.09.2014);

Had there been a print-on-demand book from a service like Amazon's CreateSpace back then, I think it would have made the best-seller list (The Seattle Times, 20.07.2014).

Стратегия убеждения реализуется прежде всего тактикой аргументации, которая находит языковое воплощение в анализируемых медиажанрах в виде структур прямой и косвенной речи, передающих мнение участников коммуникации о путях решения обсуждаемой проблемы:

– Актыўнае прыцягненне ў сферу дашкольнай адукацыі прыватных структур і сродкаў прыватных інвестараў дазволіць, з аднаго боку, зменшыць выдаткі дзяржбюджэту, а з другога – паспрыяе здаровай канкурэнцыі на рынку адукацыйных паслуг, падзялілася сваім поглядам Альбіна Давідовіч (Звязда, 23.09.2014);

Недавние изменения в законодательстве, касающиеся обеспечения сирот жильем, Галина Геннадьевна поддерживает. Наше общество не должно растить тунеядцев и потакать им. И это правильно, что молодые люди смогут пользоваться бесплатной квартирой только пять лет, пока не встанут на ноги и не смогут строиться на льготных условиях (Рэспубліка, 1.12.2015);

The railroad's sponsors say that in addition to international markets, there is more than enough domestic demand for coal from Arch's proposed Otter Creek mine, which the railroad would serve (The Seattle Times, 20.07.2014).

Стратегия побуждения адресата к выполнению тех или иных действий для разрешения обсуждаемой проблемы вербализуется высказываниями с модальными единицами необходимости и долженствования: наречиями (варта, неабходна, патрэбна, трэба; надо, необходимо, нужно), предикативами (павінен; должен), модальными глаголами (must, need, should, have to), а также устойчивыми выражениями (it's time to do), глаголами со значениями призыва, рекомендации (призывать, рекомендовать; рэкамендаваць; encourage, recommend), императивными структурами:

Сучаснае жыццё дыктуе новыя правілы бяспекі, цяпер асабліваю ўвагу трэба падзяляць не толькі захаванасці маёмасці, але, можа і ў першую чаргу, – абароне асабістай інфармацыі (Звязда, 31.01.2017);

Финансовые эксперты настоятельно рекомендуют взвесить все «за» и «против», прежде чем обращаться за деньгами в такие конторы. Возможно, стоит потратить немного больше времени – взять на работе справку о доходах – и пойти в банк, чтобы взять обычный потребительский кредит (СБ. Беларусь сегодня, 21.06.2014);

Unless you are a celebrity author married to the clueless publishing world and afraid of the future, it's time to wake up to the fact that Amazon is a bookseller – in other words, a friend to working stiffs like me (The Seattle Times, 20.07.2014).

Заключительный абзац проблемных очерков и статей на трех языках нередко содержит обобщение представленных точек зрения по обсуждаемой проблеме или же мнение автора, которое и является сжатой формулировкой ведущей интенции созданного дискурса:

Не ворта давяраць незнаёмым людзям у прынцепах, а ўжо ў Інтэрнеце тым больш: іх намеры далёка не заўсёды чыстыя (Звязда, 31.01.2017);

Рекомендация всем: прежде чем сесть за обвинительное заявление, обратитесь за юридической помощью. Лишним не будет. Поскольку уже давно прошли времена, когда иски о защите чести, достоинства и деловой репутации были какой-то редкостью (СБ. Беларусь сегодня, 9.07.2014);

Let's hope companies' hiring practices don't keep trending in a way that makes the American Dream accessible only to those with a certain kind of personality (USA Today, 5.06.2015).

Таким образом, проведенный анализ показал, что интенциональность проблемного медиадискурса обусловлена его прототипической семантической структурой, а именно, компонентом «пути разрешения проблемы / конфликта», который и репрезентирует главную интенцию исследуемого дискурса. Установлено, что данная интенция может быть эксплицирована уже в инициальных позициях рассматриваемых медиажанров (заголовке, подзаголовке, лиде), однако она находит свою последовательную и логичную реализацию в ходе развертывания прототипической семантической структуры и таких коммуникативных стратегий, как привлечение внимания, убеждение и побуждение.

Сопоставительный анализ проблемного медиадискурса в белорусской и американской прессе позволил выявить превалирование сходных черт в актуализации категории интенциональности в структуре рассматриваемых медиажанров и языковой реализации коммуникативных стратегий, направленных на достижение ведущей интенции. Основные различия связаны с тенденциями употребления некоторых стилистических средств, характерными для той или иной медиакультуры, а также ряда языковых единиц, участвующих в вербализации коммуникативных стратегий, обусловленных системно-структурными свойствами белорусского и русского языков, с одной стороны, и английского, с другой.

ЛИТЕРАТУРА

1. Медиатекст и культура / под ред. Т. П. Карпилович. – Минск : МГЛУ, 2015. – 168 с.
2. *Карпилович, Т. П.* Полимодусность информационных жанров медийного дискурса / Т. П. Карпилович // Материалы ежегод. науч. конф. преподавателей и аспирантов ун-та, 19–20 апреля 2016 г. : в 4 ч. Ч. 2 / отв. ред. Н. П. Баранова. – Минск : МГЛУ, 2016. – С. 159–162.
3. *Клушина, Н. И.* Лингвистика убеждения: интенциональные категории публицистического текста / Н. И. Клушина // Электронный научный журнал «Медиаскоп», 2008. – № 1.
4. *Солганик, Г. Я.* Интенциональность идеологического дискурса в СМИ / Г. Я. Солганик // Язык СМИ и политика. – М. : Изд-во Московского ун-та им. М. В. Ломоносова, 2012. – 952 с.
5. *Дускаева, Л. Р.* Современный российский медиатекст в интенционально-стилистическом аспекте / Л. Р. Дускаева // Материалы VIII Междунар. науч. конф. «Русская речевая культура и текст», 17–18 апр. 2014 г. – Томск : Изд-во Томск. ЦНТИ, 2014. – С. 100–106.
6. *Кожина, М. Н.* Смысловая структура текста в аспекте стилистики научного текста / М. Н. Кожина // Очерки истории научного стиля русского литературного языка XVIII–XX вв. Стилистика научного текста (общие параметры). – Т. 2, ч. 1. – Пермь, 1996. – С. 73–89.
7. *Олешков, М. Ю.* Интенциональность в коммуникативном процессе (на материале дидактического дискурса) / М. Ю. Олешков // Политическая лингвистика, 2005. – Вып. 16. – С. 204–208.
8. *Сысоева, Т. А.* Дискурсивные маркеры стратегий воздействия в текстах малого объема / Т. А. Сысоева // Вестн. Минск. гос. лингв. ун-та. Сер. 1, Филология. – 2010. – № 1 (44). – С. 60–69.

The paper considers language means of representing the category of intentionality in the problem articles from Belarusian and American press. It is shown that intentionality, or the author's leading intention, is realized through the semantic structure of the discourse, communicative strategies of attracting the reader's attention, persuasion and inducement.

ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ КУЛЬТУРНО-ТЕМАТИЧЕСКИХ ДОМИНАНТ НАРРАТИВНОГО ДИСКУРСА

Тематическое многообразие нарративного дискурса, инкорпорирующее темы отдельных текстов, сводится к конечному списку *тематических доминант* – устойчивых, регулярно воспроизводимых тем, организующих вокруг себя информационное пространство дискурса. Такие доминанты являются, по сути, *культурно-тематическими*, поскольку эксплицируют в дискурсе посредством языковых средств важную для лингвокультуры информацию. Взаимодействие доминант нарративного дискурса, являясь избирательным с точки зрения авторов текстов, приобретает устойчивый характер в рамках дискурса, обнаруживая тем самым закономерности его тематической организации.

Современная нарратология, берущая свое начало в «Поэтике» Аристотеля, получает богатое концептуальное наполнение. Так, К. А. Андреева, Р. Барт, А.-Ж. Греймас, Е. В. Падучева, В. Я. Пропп, В. И. Тюпа, Л. Г. Фридман и др. стремились выявить «базовую глубинную структуру текста» [1, с. 77], характер отклонения от которой указывал бы на некоторую повествовательную модель. Вместе с тем в последнее время под нарративом в широком смысле понимают метод, используемый для упорядоченного описания событий [2], «организующий принцип любого дискурса» [3, с. 360]; в узком – повествовательное предложение, нарративную структуру. Полярность дефиниций основана на двойкой событийности нарратива: «Перед нами два события – событие, о котором рассказано в произведении, и событие самого рассказывания» [4, с. 42]. Таким образом, суть современной нарратологии можно свести к следующему – «всякий рассказ – это структура, навязанная событиям, группирующая их друг с другом и исключающая некоторые из них как недостаточно существенные» [5, с. 76]. При этом нарративный дискурс соотносится с самим текстом и событием следующим образом: «повествование вызвано к жизни некоторой историей (событием), без которой дискурс не будет повествовательным, в то же время, в качестве дискурса рассказываемое событие существует благодаря связи с нарративом, порождающей его» [6, с. 48].

Нарративный дискурс включает в себя тексты разных типов (жанров) и в настоящем исследовании рассматривается в широком значении как «совокупность тематически соотнесенных текстов» [7, с. 84]. Выявление характерных черт тематического наполнения нарративного дискурса в данном исследовании будет проведено на базе текстов короткого рассказа. Выбор именно этого типа текстов обусловлен его наиболее широкой представленностью в современных (2010–2014 гг.) авторитетных периодических изданиях на английском (сборники коротких рассказов «The Best British Short Stories») и белорусском языках (журналы «Полымя», «Маладосць»), что указывает на актуальность данной формы репрезентации художественной информации в двух лингвокультурах.

В наиболее часто цитируемом определении короткого рассказа указано, что «это художественный текст малой прозаической формы, последовательно повествующий об ограниченном количестве темпорально и логически соотнесенных событий, создающий у адресата впечатление целостности» [8, с. 46]. Очевидно, что данная дефиниция не является исчерпывающей. Для короткого рассказа характерны и режим экономии, информационная компрессия, высокая образность, а также реализация эстетической функции языка [9] и др.

Отмеченная терминологическая сложность связана и с тем, что короткий рассказ принадлежит к малой прозе, что предполагает в некоторой степени интуитивное определение автором и читателем объема текста как меньшего, чем типичный для национальной литературы в данный период. Вместе с тем объем текста не может являться единственным значимым признаком короткого рассказа, так как его количественные показатели варьируются от 300 до 1500 слов в разных источниках. Некоторые исследователи предполагают, что развитие современных средств коммуникации способствует увеличению количества прозаических миниатюр [10], но при этом ведет к уменьшению объемов текста современной короткой прозы [11].

Проведенный нами анализ 200 коротких рассказов, отобранных методом сплошной выборки из указанных ранее периодических печатных источников на английском и белорусском языках, позволил установить, что количество слов в тексте современного короткого рассказа не уступает приводимым выше данным (от 300 до 1500 слов), а значительно их превосходит.

Средний показатель объема анализируемого типа текста в англоязычной традиции составляет 3605 слов, или 13707 знаков, в то время как в белорусскоязычных текстах – 3049 слов, или 12081 знак. При этом выявленное соотношение (объем англоязычного рассказа превосходит белорусскоязычный) проявляется не только на уровне усредненных значений, но и на уровне всех показателей объема текста (рис. 1).

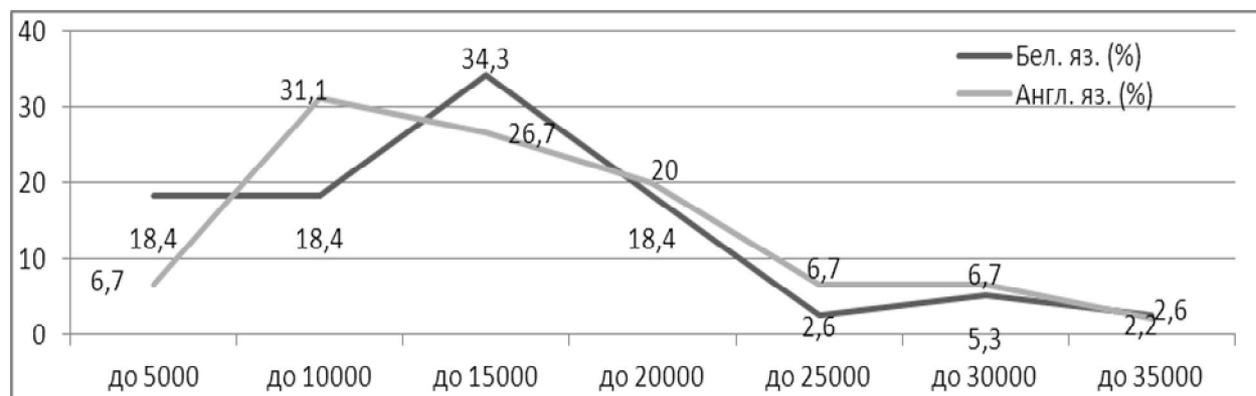

Рис. 1. Показатели количества знаков в современных текстах англо- и белорусскоязычного короткого рассказа, в %

Средний объем исследуемого в настоящей работе белорусскоязычного рассказа более стандартизирован и составляет 15000 знаков, на фоне общей тенденции реализации коротких рассказов посредством 5000–20000 знаков. Объем англоязычных рассказов, отобранных для настоящего исследования, более вариативен, при преобладании текстов средним объемом 10000 знаков. Полагаем, что выявленные отличия в объеме современного короткого рассказа обусловлены не столько временным показателем (так как все тексты написаны с 2010 по 2014 гг.), сколько лингвокультурным.

Несмотря на указанные терминологические затруднения и сложности в определении некоторого типичного для той или иной лингвокультуры объема рассказа, данное явление находится в центре многих лингвистических исследований. Так, в ряде работ изучается ритмическая структура короткого рассказа [12]; грамматическая его составляющая [13]; проводится содержательный и смысловой анализ [14; 15]; определяются интертекстуальные связи [16] и др. Однако тематическое наполнение короткого рассказа изучено недостаточно. Также до настоящего времени не проводилось комплексного сопоставительного исследования культурно-тематических доминант, вербализованных в нарративном дискурсе на неблизкородственных языках.

Под *культурно-тематическими доминантами* (далее также доминантами) в настоящем исследовании понимаются устойчивые, регулярно воспроизводимые темы, способные организовывать вокруг себя информационное пространство дискурса и транслировать значимую для лингвокультуры информацию. Методологическую основу исследования составляют идеи Т. А. ван Дейка, Н. А. Купиной, Т. Г. Добросклонской, Л. А. Савеловой, В. Е. Чернявской, Н. С. Болотновой, В. А. Масловой, Н. Б. Поповой, И. И. Чумак-Жунь, У. Маас, В. И. Тюпы, Л. Г. Бабенко, Ю. В. Казарина, Е. А. Леонтьева, М. Н. Кожинной, А. А. Кибрика.

Разработанная нами методика комплексного сопоставительного анализа тематического наполнения каждого текста с последующим обобщением полученных данных и выявлением культурно-тематических доминант нарративного дискурса включает тема-рематическое моделирование предложений, выявление ключевых слов, изучение заглавий как элементов темаобразования. Формализация микротем, подтем и тем целостных текстов осуществляется посредством группировки всех значимых для темаобразования лексических единиц в лексико-тематические группы. Последующее обобщение полученных данных позволяет свести все тематическое многообразие исследуемого нарративного дискурса к перечню культурно-тематических доминант. Однако отнесение той или иной темы к культурно-тематическим доминантам осуществляется на основе ее соответствия комплексу семантических и количественных критериев: вербализация в составе главной темы и подтем текстов, воплощение в произведениях разных авторов, реализация в разных текстах, суммарное количество всех языковых воплощений темы [17].

Полученные количественные показатели репрезентированности доминант в дискурсе – основа для их последующего ранжирования по значимости (частотности воплощения), а также для проведения кластерного анализа доминант нарративного дискурса. Кластерный анализ позволяет объединить доминанты в три кластера (ядерный, пограничный и периферийный) с учетом разнородных количественных и семантических показателей (функционирование в составе главной темы и подтем текстов, воплощение в произведениях разных авторов и др.) реализации доминант в исследуемом нарративном дискурсе. Так, доминанты, имеющие наибольшие количественные показатели представленности в дискурсе (от 20 до 16 баллов), относятся к ядерному кластеру; доминанты, имеющие балл от 15,9 до 6 – к пограничному, менее 6 баллов – к периферийному.

На основании разработанной методики комплексного сопоставительного анализа современного нарративного дискурса было установлено, что в англо- и белорусскоязычном дискурсе вербализовано одиннадцать общих для двух лингвокультур доминант (*семья, любовь, природа, работа, история страны, вера, смерть, город, жизнь, дом, время*), а также две доминанты, представленные лишь в белорусскоязычном нарративном дискурсе (доминанты *судьба* и *родина*). Результаты кластерного анализа свидетельствуют о значительных различиях как в количественной представленности культурно-тематических доминант, реализованных в англо- и белорусскоязычном дискурсе, так и о расхождениях в группировке доминант на ядерные, пограничные и периферийные кластеры (табл.).

Т а б л и ц а

Результаты кластерного анализа культурно-тематических доминант современного англо- и белорусскоязычного нарративного дискурса

Наименование кластера					
ядерный		пограничный		периферийный	
англ. яз.	бел. яз.	англ. яз.	бел. яз.	англ. яз.	бел. яз.
семья	семья	любовь	любовь	город	жизнь
		природа	история страны	вера	природа
		работа		история страны	работа
		смерть		дом	вера
				жизнь	дом
				время	родина
					смерть
					судьба
					город
					время

К наиболее значимым (частотно вербализованным) общим доминантам нарративного дискурса на двух языках относится ядерная доминанта *семья*, пограничная доминанта *любовь*. Установлено также наличие общих доминант и в периферийном кластере двух лингвокультур: *вера, город, дом, время*, а также характерные для англоязычного дискурса доминанты *жизнь* и *история страны*, для белорусскоязычного – *родина, смерть, судьба, работа, природа, жизнь*. При этом доминанты периферийного кластера менее рекуррентно представлены в нарративном дискурсе на двух языках.

Исходя из положения Т. ван Дейка о возможности «отображения информационной организации текста в виде дискурсивных схем», а также предположения о том, что «дискурсивная схема текста – это промежуточный этап в моделировании схемы высшего уровня» [18, с. 34], в настоящем исследовании будут построены дискурсивные схемы, отражающие все многообразие отношений, возникающее между разными культурно-тематическими доминантами в двух подтипах художественного дискурса. Полагаем, что рекуррентность комбинаторики некоторых доминант, осуществленная с целью сохранения когерентности и доступности текста адресату, отразит общее и специфичное в способах трансляции информации в художественном дискурсе.

Количественные показатели реализации, как и порядок следования доминант нарративного дискурса в ранжированном перечне, сохраняют специфику воплощения доминант в каждой из лингвокультур. Выявлен ряд общих и уникальных черт и в сочетании культурно-тематических доминант разных кластеров.

Взаимодействие доминант нарративного дискурса, являясь избирательным с точки зрения авторов текстов, приобретает устойчивый характер в рамках дискурса, обнаруживая тем самым закономерности его тематической организации. *Ядерные* доминанты взаимодействуют с большинством доминант исследуемого дискурса каждой из лингвокультур (доминанта *семья* сочетается со 100 % доминант англо- и 75 % доминант белорусскоязычного нарративного дискурса). *Пограничные* доминанты характеризуются ослаблением комбинаторных способностей (доминанта *любовь* в британском нарративном дискурсе сочетается с 41 % доминант, в белорусском – с 50 %). *Периферийные* доминанты обладают избирательной комбинаторикой (доминанта *город* в белорусскоязычном нарративном дискурсе реализуется совместно лишь с 8 % доминант). Культурно-тематические доминанты с наибольшим количеством совместных реализаций в дискурсе являются *стержневыми*. К таковым в англоязычном нарративном дискурсе относятся триады *семья, любовь, смерть* и *семья, любовь, работа* (рис. 2), в белорусскоязычном – триада *семья, любовь, история страны* (рис. 3). Частотность совместных реализаций данных доминант обусловлена отражением ценностных ориентиров, транслируемых в коротких рассказах двух лингвокультур. Совместная реализация стержневых доминант находит отражение в использовании одних и тех же лексических единиц для языкового воплощения разных доминант в нарративном дискурсе.

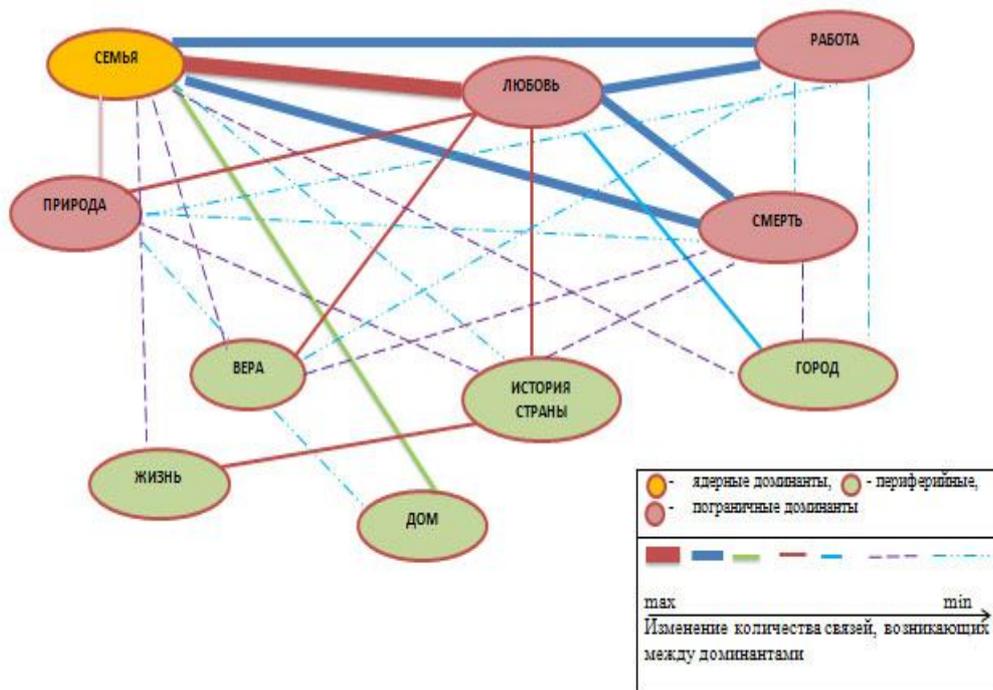

Рис. 2. Дискурсивная схема взаимодействия доминант англоязычного нарративного дискурса

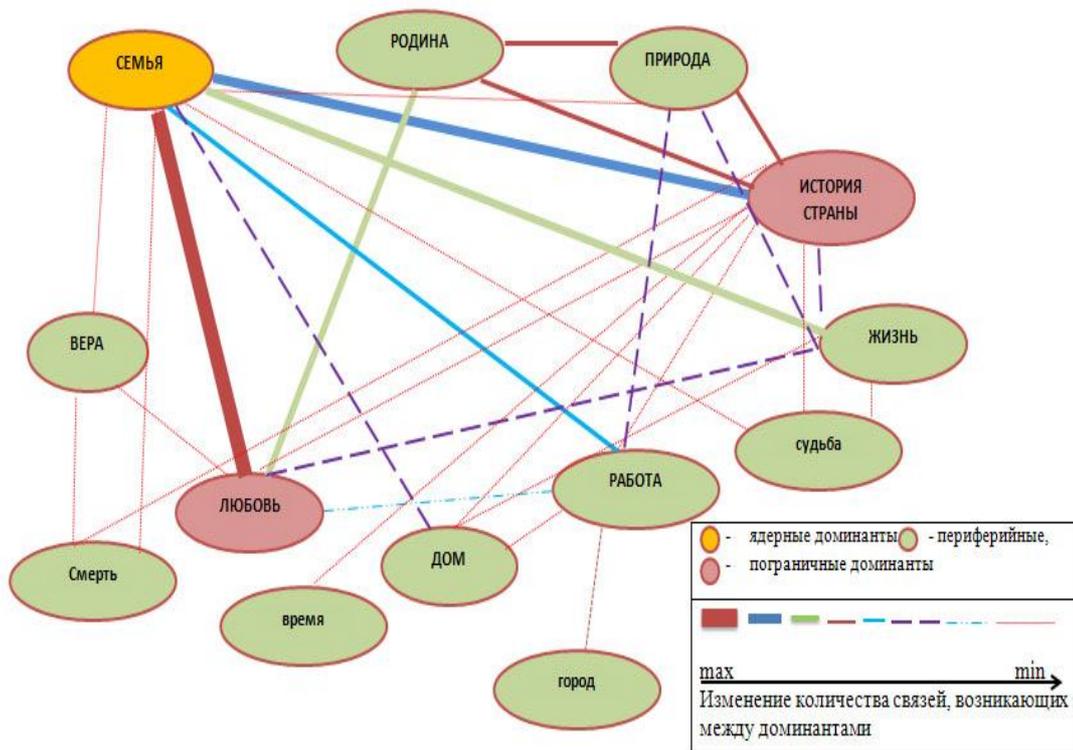

Рис. 3. Дискурсивная схема взаимодействия доминант белорусскоязычного нарративного дискурса

Рассмотрим комбинаторные способности культурно-тематических доминант на примере общей для двух лингвокультур ядерной доминанты *семья*. Данная культурно-тематическая доминанта получает наиболее частое воплощение в англоязычном дискурсе (40,7 % от общего числа реализаций всех

доминант англоязычного нарративного дискурса равного 100 %), нежели белорусскоязычном (28,6 %). Аналогичная тенденция сохраняется и в наиболее частом воплощении доминанты *семья* в монотематичных текстах на английском (20 %) нежели белорусском (7 %) языке (рис. 4).

Рис. 4. Представленность доминанты *семья* в современном англо- и белорусскоязычном нарративном дискурсе, в %

Установлено, что большинство взаимодействий доминанты *семья* в нарративном дискурсе на двух языках приходится на доминанту *любовь* (рис. 5), что обусловлено универсальностью и значимостью данных явлений для представителей англо- и белорусскоязычной лингвокультур. Например, мать уговаривает сына, пережившего неразделенную любовь, жениться: *Сыночак даражэнькі, усцеши маё сэрца. Прывядзі ў хату гаспадыньку... – А я – адналюб. Як Машка адмовіла мне...* [19, с. 73].

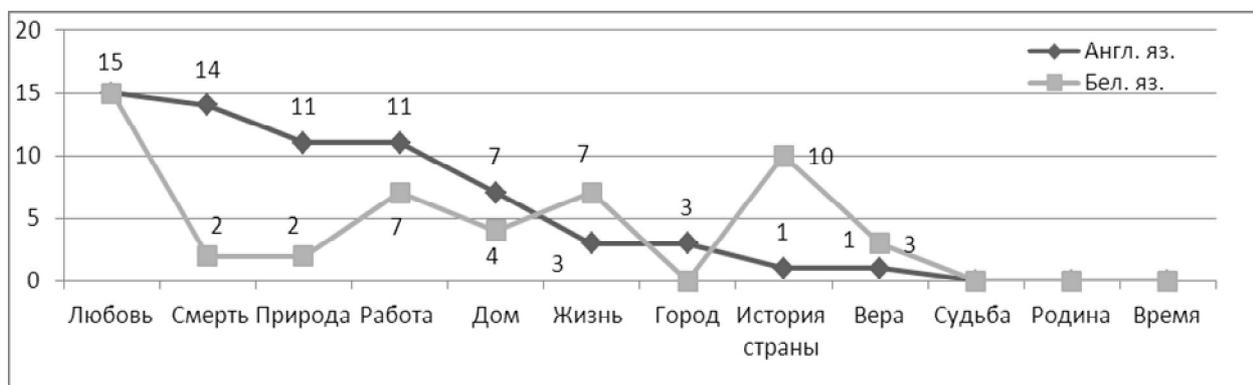

Рис. 5. Взаимодействие доминанты *семья* с другими доминантами современного англо- и белорусскоязычного нарративного дискурса

Выявленные различия в комбинаторике доминанты *семья* с другими доминантами нарративного дискурса, а также в ее представленности в монотематичных текстах обусловлены рядом причин. Во-первых, наличием некоторых расхождений в словарных дефинициях лексемы *семья* в каждой из лингвокультур. Англоязычные словари фиксирует определение партнерской семьи, включающей в свой состав супругов и их детей [20]. В белорусскоязычном – представлена традиционная (расширенная) модель семьи,

предусматривающая наличие супругов, детей и близких родственников, проживающих вместе [21]. Данные различия нашли непосредственное отражение в вербализации доминанты *семья* в нарративном дискурсе. Например, в англоязычном рассказе высоко употребительными являются имена существительные, обозначающие самых близких членов семьи (*mother* ‘мама’, *daughter* ‘дочь’, *sister* ‘сестра’), а в белорусскоязычном – как близких (*бацька, маці, дачка, сын*), так и дальних родственников (*цётка, дзядзька, брат, стрыечная сястра*).

Во-вторых, в англоязычном дискурсе воплощены два противоположных взгляда на брак. С одной стороны, семейная жизнь описана как драма (*People living their own dramas* ‘Люди проживают свои собственные трагедии’ [22, р. 88]), противостояние (*Man and wife, cat and dog* ‘Муж и жена, кот и собака’ [23, р. 82]), в связи с чем, герои не видят необходимости в официальной регистрации отношений для создания семьи. С другой стороны, семья представлена как некая тайна (*Every marriage is a secret to those outside it* ‘Каждый брак – тайна для тех, кто в нем не состоит’ [24, р. 40]). В отличие от англоязычного, в нарративном дискурсе на белорусском языке внимание сосредоточено на духовном и душевном единстве (*быць у духоўным звязе* [25, с. 101], *як жа патрэбна чалавеку блізкая душа* [26, с. 59]), на необходимости самопожертвования в семейной жизни (*клапаціцца не толькі пра сябе* [27, с. 98]).

Более того, несмотря на сходства в раскрытии социальной проблематики в контексте семьи (семейное насилие, измены, наркотическая и алкогольная зависимость и др.), в коротком рассказе на двух языках реализован разный характер повествования о семейной жизни. Англоязычные авторы представляют максимально приближенные к современности реалии семейной жизни, обеспечивая перспективность воплощения доминанты. Данный способ раскрытия доминанты *семья* обуславливает высокую ее совместную реализацию с доминантой *работа*, которая представлена неотъемлемой частью жизни протагониста. Например, *They don't know that alone in my office, I can't stop thinking of her. You see, she is everything I want in a wife. Can those men in the other offices say that?* ‘Они не знают, что оставаясь один в офисе, я не могу не думать о ней. Вы понимаете, в ней есть все, что я хочу видеть в жене. Могут ли эти люди в офисе сказать тоже?’ [29, р. 90].

В белорусскоязычном дискурсе доминанта *семья* реализована ретроспективно. Под ретроспективностью мы понимаем как максимально частотное описание событий, свершившихся задолго до повествования о них лирическим героем, так и то, что в анализируемых произведениях семья рассматривается авторами на разных временных срезах: семья, пережившая революцию 1917 года; семья, столкнувшаяся с репрессиями в 1930-х годах; семья во время Великой Отечественной войны; семья в послевоенное время; семья во время распада СССР и современная семья, что тем самым позволяет проследить влияние исторических и общественно-политических изменений на жизнь белорусской семьи. Так, во время Первой мировой войны жена

бросила семью ради военного (*збегла з нейкім рускім афіцэрам* [19, с. 103]). Данная особенность вербализации доминанты *семья* в белорусскоязычном дискурсе объясняет и высокую степень ее совместной реализации с доминантой *история страны*.

Несмотря на то, что в некоторых англоязычных текстах присутствуют реминисцентные зарисовки, выступающие предысторией к дальнейшему повествованию, в основе текста – жизнь современной семьи.

Принадлежность общей для англо- и белорусскоязычного нарративного дискурса культурно-тематической доминанты *семья* к ядерному кластеру указывает как на наличие сходств, так и различий в языковом воплощении и совместной реализации с другими доминантами нарративного дискурса, в передаче лингвоспецифичной информации. Общим является широкая комбинаторика вербализованной в нарративном дискурсе на двух языках доминанты *семья*, ее вхождение в перечень стержневых триад доминант двух лингвокультур. Различия заключаются в количестве и качестве (способы вербализации) взаимодействий с другими доминантами нарративного дискурса, что обусловлено сохранением и трансляцией лингвоспецифичной информации представителями двух лингвокультур.

Установление центров тематической организации нарративного дискурса, позволяющих выявить закономерности репрезентации значимой для представителей той или иной лингвокультуры информации, обеспечивает возможность выявления общего и лингвоспецифичного в способах трансляции лингвокультурной информации.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Барт, Р.* Миф сегодня / Р. Барт; пер. Б. П. Нарумова // Избранные работы: Семиотика. Поэтика : пер. с фр. / Р. Барт; сост., общ. ред. и вступ. ст. Г. К. Косикова. – М., 1994. – С. 72–130.
2. *Ковыршина, С. В.* Философская автобиография как форма духовного творчества, жанр дискурса и нарратив эпохи : дис. ... канд. филос. наук : 09.00.01 / С. В. Ковыршина. – Екатеринбург, 2004. – 138 л.
3. *Греймас, А.-Ж.* Структурная семантика: поиск метода / А.-Ж. Греймас; пер. Л. Зиминной. – М. : Академ. проект, 2004. – 367 с.
4. *Бахтин, М. М.* Эпос и роман : сборник / М. М. Бахтин. – СПб. : Азбука, 2000. – 300 с.
5. *Болотнова, Н. С.* Филологический анализ текста : учеб. пособие / Н. С. Болотнова. – 4-е изд. – М. : Флинта : Наука, 2009. – 520 с.
6. *Тюпа, В. И.* Нарратология как аналитика повествовательного дискурса («Архиерей» А. П. Чехова) / В. И. Тюпа. – Тверь : Твер. гос. ун-т, 2001. – 58 с.
7. *Чернявская, В. Е.* Лингвистика текста: поликодовость, интертекстуальность, интердискурсивность : учеб. пособие / В. Е. Чернявская. – М. : Директ-Медиа, 2014. – 266 с.

8. *Леонтьева, Е. А.* Точка зрения в нарративе: на материале сопоставительного анализа современных русских коротких рассказов и их переводов на немецкий язык : дис. ... канд. филол. наук : 10.02.20 / Е. А. Леонтьева. – Тюмень, 2005. – 190 л.
9. *Виноградов, В. В.* Стилистика: Теория поэтической речи. Поэтика / В. В. Виноградов. – М. : Изд-во Акад. наук СССР, 1963. – 255 с.
10. *Пономарева, Е. В.* Русская новеллистика 1920-х годов: основные тенденции развития : дис. ... д-ра филол. наук : 10.01.01 / Е. В. Пономарева. – Екатеринбург, 2006. – 487 л.
11. *Кузнецова, Т. Л.* Короткий рассказ – одна из малых форм коми прозы рубежа XX–XXI веков [Электронный ресурс] / Т. Л. Кузнецова // Вестн. Челяб. гос. ун-та. – 2011. – Вып. 55, № 17. – Филология. Искусствоведение. – Режим доступа : <http://www.lib.csu.ru/vch/232/016.pdf>. – Дата доступа : 20.06.2012.
12. *Сергеева, Ю. А.* Ритм в структуре современного короткого рассказа: на материале произведений Фей Уэлдон и Анни Сомон : дис. ... канд. филол. наук : 10.02.20 / Ю. А. Сергеева. – М., 2008. – 204 л.
13. *Балаганина, Л. Н.* Стратегии грамматической интерпретации текста (на примере категории модальности) [Электронный ресурс] / Л. Н. Балаганина, О. А. Фадеева // Languages and Literatures. – Режим доступа : <http://frgf.utmn.ru/last/No7/text7.htm>. – Дата доступа : 10.07.2014.
14. *Костычева, Л. М.* О семантической триаде художественного текста / Л. М. Костычева // Учен. зап. Казан. ун-та. Сер. Гуманит. науки. – 2008. – Т. 150, № 2. – С. 249–258.
15. *Табанакова, В. Д.* Лингводидактическая интерпретация голографической модели текста немецкого короткого рассказа / В. Д. Табанакова, Т. Н. Лапчинская // Вестн. Тюм. гос. ун-та. Гуманит. исслед. – 2009. – № 1. – С. 222–227.
16. *Торгашева, М. А.* Языковые средства выражения интертекстуальных референций [Электронный ресурс] / М. А. Торгашева // Вестн. Волж. ун-та. – 2009. – № 2. – Режим доступа : <http://cyberleninka.ru/article/n/yazykovye-sredstva-vyrazheniya-intertekstualnyh-referentsiy>. – Дата доступа : 12.06.2013.
17. *Метлушко, И. В.* Критерии выявления культурно-тематических доминант в поэтическом дискурсе / И. В. Метлушко // Вестн. Мин. гос. лингв. ун-та. Сер. 1, Филология. – 2014. – № 4. – С. 73–82.
18. *Dijk, T. A. van.* Discursive analyses of news / T. A. van Dijk // A Handbook of qualitative methodologies for mass media research. – 1999. – Vol. 5. – P. 32–37.
19. *Ліпські, У.* Чуй / У. Ліпск // Полымя. – 2013. – № 9. – С. 73.
20. *New Oxford Dictionary of English.* – 3rd ed. – Oxford : Oxford University Press, 2001. – 2176 p.
21. *Тлумачальны слоўнік беларускай мовы : у 6 т. / пад агул. рэд. К. К. Атраховіча.* – Мінск : БелСЭ, 1979. – 6 т.
22. *Seaman, E.* Saving Face / E. Seaman // The Best British Short Stories. – 2012. – 2012. – P. 88–89.

23. *Beard, A. Staff Development / A. Beard // The Best British Short Stories. – 2013. – 2013. – P. 81–83.*
24. *Rose, D. Eleanor the end notes / D. Rose // The Best British Short Stories. – 2013. – 2013. – P. 38–44.*
25. *Масарэнка, А. Холад жаночае душы / А. Масарэнка // Польшыя. – 2010. – № 8. – С. 101–102.*
26. *Арабей, Л. Бездань / Л. Арабей // Польшыя. – 2011. – № 12. – С. 58–59.*
27. *Явар, С. Мая даражэнькая / С. Явар // Польшыя. – 2011. – № 8. – С. 97–99.*
28. *Killham, N. My wife is a hyena / N. Killham // The Best British Short Stories. – 2013. – 2013. – P. 88–92.*
29. *Зарэцкая, Ю. А грэх жыве... / Ю. Зарэцкая // Польшыя. – 2012. – № 1. – С. 100–107.*

The article is devoted to the revealed cultural and thematic dominants of the modern English and Belarusian narrative discourse. The cooperation of the dominants is studied and represented in the form of thematic discourse diagrams.

Е. Й. Юрьев

МЕТАТЕКСТОВЫЕ ЭЛЕМЕНТЫ В ТЕКСТАХ УСТАВОВ НА НЕМЕЦКОМ, НИДЕРЛАНДСКОМ И РУССКОМ ЯЗЫКАХ

Статья посвящена анализу метатекстовых элементов в текстах уставов юридических лиц Республики Беларусь, Российской Федерации, Федеративной Республики Германия и Королевства Нидерландов. Выявлены особенности письменной деловой речи и роль метатекстовых элементов в реализации ее стилизованных черт. Анализируются частотность автореферентных высказываний, анафорических и катафорических конструкций и иных метатекстовых элементов в рассматриваемых текстах, выявляются наиболее типичные языковые средства их реализации. Раскрываются сходства и различия в функционировании метатекстовых элементов, обусловленные структурными особенностями языков и влиянием экстралингвистических факторов.

Усложняющиеся структуры современного общества требуют наличия эффективных механизмов, призванных регулировать деятельность различных субъектов права. Функцию такого регулирования выполняют, среди прочего, и деловые тексты. Ярким представителем данных текстов являются учредительные документы, к которым относятся, среди прочего, уставы юридических лиц. Необходимо отметить, что устав юридического лица следует отличать от иных документов с таким же названием, скажем, от уставов воинской службы, уставов межгосударственных организаций или уставов территориально-административных единиц.

Письменная деловая речь отличается рядом особенностей, например, константностью «лексических черт, стандартизацией словосочетаний и других средств» [1, с. 105]. Эти особенности обусловлены, в частности, тем, что «получатель должен понять текст при первом же его прочтении» [2, с. 121], поскольку реципиент не может расспросить автора более подробно о смысле

его высказываний, отсутствуют также и невербальные средства передачи информации. Таким образом, большое значение приобретают метатекстовые средства, которые проясняют ««семантический узор» основного текста» [3, с. 421]. Под метатекстовыми средствами обобщенно понимаются «речь в речи, высказывание в высказывании, но в то же время это речь о речи, высказывание о высказывании» [4, с. 125].

В контексте данной статьи метатекстовые элементы трактуются как совокупность высказываний, «организуемых, эксплицирующих, комментирующих содержание или форму тех или иных компонентов дискурса» [5, с. 54].

Для исследования было отобрано по 50 уставов юридических лиц Беларуси, России, Германии и Нидерландов, составленных, соответственно, на русском, немецком и нидерландском языках. Юридические лица, уставы которых стали объектом изучения, функционируют в разных сферах общественной жизни, а именно в области образования, банковского дела, производства, некоммерческой деятельности и жилищно-коммунального сектора. Таким образом, выявленные особенности метатекстовых элементов не привязаны к одной тематической сфере и обобщенно отражают универсальные особенности метатекстовой организации уставов юридических лиц в разных лингвокультурах.

Среди метатекстовых элементов, вплетенных в канву основного текста, следует главным образом выделить автореферентные высказывания, имеющие своим предметом весь документ целиком (макрореференция) или некоторую его часть – главу, статью, пункт и т.п. (микрореференция). Примерами макрореференций могут послужить такие конструкции, как *im Rahmen der Vorschriften dieser Satzung* ‘в рамках предписаний настоящего устава’ или *door deze Statuten voorgeschreven rechten en plichten* ‘указанные в настоящем Уставе права и обязанности’. В качестве микрореференций выступают такие выражения, как *Bij de toepassing van dit lid* ‘при выполнении положений данного пункта’ или *za uitsluiting van dit lid* ‘за исключением случая, предусмотренного абзацем вторым пункта 6.7. Устава’.

Употребительность автореферентных высказываний является специфичной в различных лингвокультурах. Частотность макро- и микрореференций на 1000 слов в уставах разных стран приведена в табл. 1.

Т а б л и ц а 1

Частотность автореферентных высказываний
в уставах на разных языках (на 1000 слов)

Группа документов	Макрореференции	Микрореференции
Уставы Беларуси	3,5	1,4
Уставы России	3,6	1
Уставы Германии	1,9	4,3
Уставы Нидерландов	2,5	4,5

Анализ данных, приведенных в табл. 1, позволяет сделать вывод о преобладании макрореференций в обнаруживающих большую близость между собой русскоязычных текстах. В то же время в уставах на немецком и нидерландском языках намного большее распространение имеют микрореференции, частотность которых превышает аналогичный показатель в русскоязычных документах более чем вдвое. Следует отметить, что в этих документах выше также и общее количество автореферентных высказываний. Насыщенность уставов Германии и Нидерландов микрореференциями можно объяснить стремлением облегчить реципиенту ориентацию в тексте документа путем указания конкретного пункта или параграфа с содержащейся информацией.

Главными дискурсивными маркерами макрореференций в русскоязычных документах послужили слова *Устав* и *настоящий Устав*. В роли основного дискурсивного маркера в уставах на немецком языке чаще всего выступают слова *Grundordnung* ‘устав’ либо *Satzung* ‘устав’, которым в ряде случаев предшествует определение *diese* ‘настоящий’. В документах на нидерландском языке схожим образом дискурсивным маркером является наименование документа – *reglement* ‘устав’ или *statuten* ‘устав’, в некоторых случаях предваряемое определением *dit* ‘этот’ или, в зависимости от рода, *deze* ‘этот’. Следует отметить, что в нидерландских и германских текстах упомянутые маркеры могут выступать как отдельным словом, так и компонентом сложного слова. Такая особенность объясняется свойствами структуры данных языков.

Особенностью русскоязычных текстов является написание маркеров макрореференций с большой буквы. В немецких текстах такой прием невозможен по причине особенностей орфографии, предписывающей написание всех существительных с большой буквы. В нидерландских текстах заглавное написание дискурсивных маркеров макрореференций встречается только в одном тексте, однако широкого распространения также не имеет.

Выделить дискурсивные маркеры микрореференций затруднительно по причине их нестандартизированности. Такие микрореференции, как правило, представляют собой указание конкретной статьи или пункта в документе.

Следующим важным метатекстовым элементом являются слова с анафорической функцией, отсылающие реципиента текста к словам, упомянутым ранее. В рамках данного исследования к ним отнесены индексальные слова, обладающие смыслом только в непосредственном контексте своего применения, например, личные и притяжательные местоимения.

Индексальные слова можно условно разделить на две группы. К первой группе относятся слова со значением ‘упомянутый ранее’, например «этот», «такой», «данный», «упомянутый», «названный», «указанный», «вышеназванный», «вышеупомянутый» и их иноязычные аналоги, такие как *dieser* ‘этот’, *solcher* ‘такой’ (нем.), *deze* ‘этот’, *zodanig* ‘такой’ (нидерл.). Функцией

индексальных слов такого рода является обеспечение связности текста путем выстраивания метатекстовых нитей, отсылающих реципиента к вышестоящим фрагментам текста. Например:

Die vorstehenden Regelungen sind erstmals für das am 1. Januar 2013 beginnende Geschäftsjahr <...> anwendbar ‘**Вышеупомянутые** положения впервые должны быть применены в отношении хозяйственного года <...>, начинающегося 1 января 2013 г.’ [УФРГ1, с. 9].

Схожую функцию выполняют слова второй группы, к которым можно отнести лексические единицы со значением ‘иной, нежели упомянутый ранее’. В их роли выступают слова «другой», «иной», «прочий», «остальной» и их соответствия в немецком и нидерландском языках, такие как *ander* ‘другой’ (нем.), *overig* ‘прочий’ (нидерл.), например, *de vaststelling van de bezoldiging en de overige arbeidsvoorwaarden* ‘определение размера оплаты и **иные** условия труда’ [УКН, с. 23].

Анализ распространенности индексальных слов обеих групп, личных и притяжательных местоимений, а также местоименных наречий представлен в табл. 2.

Т а б л и ц а 2

Насыщенность уставов юридических лиц на разных языках словами с анафорической функцией (количество употреблений на 1000 слов)

Группа документов	Индексальные слова		Личные/притяжательные местоимения	Наречия с функцией местоимения
	1-я группа	2-я группа		
Уставы Беларуси	4,2	8,2	16,9	–
Уставы России	4,7	7,6	14,5	–
Уставы Германии	3,5	3,5	14,8	10,5
Уставы Нидерландов	2,5	2,8	7	5

Из табл. 2 видно, что индексальные слова обоих типов намного чаще встречаются в уставах юридических лиц на русском языке, особенно ярко заметна разница в употребительности индексальных слов второй группы. Это можно объяснить стремлением обеспечить более высокую когерентность текста, насытив его косвенными отсылками к ранее упомянутым словам и понятиям.

Основными дискурсивными маркерами индексальных слов первой группы в уставах на русском языке являются формы слов *этот*, *такой*, *указанный* и *данный*, изредка встречаются слова *вышеперечисленный*, *названный*. В роли дискурсивных маркеров индексальных слов второй группы выступают формы слов *иной*, *другой* и *прочий*. В немецкоязычных текстах индексальные выражения первой группы представлены формами слов *dieser*

‘этот’ и *solcher* ‘такой’. В единичных случаях встречаются маркеры *genannt* ‘названный’ и *vorstehend* ‘вышеупомянутый’. Индексальные слова второй группы выражены словами *anderer* ‘другой’, *übrig* ‘остальной’ и *sonstig* ‘прочий’. Главным дискурсивным маркером для индексальных слов первой группы в нидерландских уставах юридических лиц выступают, в зависимости от рода, местоимения *deze/dit* ‘этот’. Распространенными дискурсивными маркерами являются также местоимения *zodanig* ‘такой’, *zulk* ‘такой’ и *genoemd* ‘названный’.

Частотность личных и притяжательных местоимений приблизительно равна в уставах на русском и немецком языках. В то же время нидерландские документы обнаруживают наименьшее распространение как личных и притяжательных местоимений, так и иных слов с анафорической функцией.

Следует отметить, что функции, выполняемые в русском языке личными и указательными местоимениями, в немецком и нидерландском языках также осуществляют и указательные местоименные наречия. Например:

*Zu den Verbindlichkeiten gehören insbesondere <...> alle Pensionsverpflichtungen <...>. **Hierzu** gehören nicht die <...> nach dem 31.12.1951 vorgenommenen Pensionierungen* ‘К обязательствам относятся, в частности, все обязательства по пенсионному обеспечению. **К ним** не относятся случаи выхода на пенсию после 31.12.1951’ [УФРГ1, с. 13]; *Rabobank Nederland en de **daarmee** verbonden ondernemingen* ‘Банк Rabobank Nederland и связанные с **ним** предприятия’ [УКН, с. 22]. Данная особенность связана со структурно-системными отличиями сравниваемых языков.

Наряду с анафорическими конструкциями важным метатекстовым элементом, упрощающим ориентацию в тексте документа, являются катафорические конструкции, отсылающие читателя к нижестоящим элементам текста. Их функция заключается в подготовке реципиента к получению новой информации, например:

2.1. *Банк вправе осуществлять следующие банковские операции: <...>* [УРФ1, с.5]; *Für Mitgliedschaft und Vorsitz in den Ausschüssen des Aufsichtsrats werden zusätzliche feste jährliche Vergütungen **wie folgt** gezahlt: <...>* ‘За членство и председательство в комитетах наблюдательного совета дополнительные фиксированные ежегодные вознаграждения выплачиваются **следующим образом: <...>**’ [УФРГ1, с. 8].

Зачастую такие конструкции являются эллиптическими, и их катафорический потенциал раскрывается графически (через двоеточие), например:

117. *Ректор Университета [выполняет следующие функции]:
действует от имени Университета <...>;
организует работу Университета;
утверждает структуру и штатное расписание Университета;
обеспечивает выполнение Устава Университета <...>* [УРБ, с. 31].

Эллиптические катафорические конструкции встречаются и в зарубежных документах, например:

Het lidmaatschap kan door Rabobank Nederland [in de volgende gevallen] aan een lid worden opgezegd:

a) *wanneer het lid heeft opgehouden te voldoen aan de vereisten <...>*;
 b) *wanneer redelijkerwijze van Rabobank Nederland niet kan worden geveerd het lidmaatschap te laten voortduren.*

‘Банк Rabobank Nederland может [в следующих случаях] отказать члену в членских правах:

а) если член перестал соответствовать требованиям <...>;
 б) если к банку Rabobank Nederland не может быть выдвинуто обоснованное требование продлить членство’ [УКН, с. 6].

В табл. 3 представлены показатели частотности катафорических конструкций в проанализированных группах уставов.

Т а б л и ц а 3

Частотность катафорических конструкций на 1000 слов
 в уставах юридических лиц на разных языках

Группа документов	Катафорические конструкции	
	вербализованные	невербализованные
Уставы Беларуси	0,6	3
Уставы России	0,6	2,3
Уставы Германии	0,4	1,6
Уставы Нидерландов	0,3	1,7

Таким образом, количество катафорических конструкций обоих видов в русскоязычных уставах превышает количество таковых в уставах юридических лиц Германии и Нидерландов. В то же время разрыв в частотности вербализованных конструкций меньше, нежели в случае с эллиптическими конструкциями. Для уставов на всех языках характерно абсолютное доминирование невербализованных катафорических конструкций.

Основным дискурсивным маркером русскоязычных документов является слово *следующие* и его грамматические формы. Спорадически встречаются также маркеры *нижеуказанные*; *указанные ниже*; *перечисленные ниже* и иные. В роли дискурсивных маркеров в немецкоязычных текстах выступают формы глагола *folgen* ‘следовать’, а именно причастие *folgende* ‘следующие’ и оборот *wie folgt* ‘следующим образом’. В текстах на нидерландском языке маркером катафорических конструкций является причастие *volgende* ‘следующие’. Спорадически представлено родственное слово *navolgende* с тем же значением, наречие *hierna* ‘в последующем’ и сочетание *als volgt* ‘следующим образом’.

Один из научных подходов рассматривает метатекст как вербальную экспликацию по поводу лексической единицы, представляющую собой «разнообразный комментарий к выбору слова» [6, с. 40]. К метатекстовым элементам относят также синонимические замены, перифразы, сравнения, метатекстовый комментарий [7, с. 223] и дефиниции, метатекстовому

потенциалу которых посвящено, в частности, исследование Е. В. Шиловой, рассматривающее определения как особую когнитивно-информационную структуру, обладающую метатекстовым потенциалом [8, с. 141].

В контексте вышесказанного в рамках данного исследования к метатекстовым элементам отнесены толкования понятий, уточнения, вводы более кратких форм слов, а также компонент *и/или* и его иноязычные аналоги. Частотность данных элементов метатекста представлена в табл. 4.

Т а б л и ц а 4

Частотность различных метатекстовых элементов
в уставах юридических лиц (на 1000 слов)

Группа документов	Толкования понятий	Уточнения	Вводы кратких форм	Компонент <i>и (или)</i>
Уставы Беларуси	0,4	8	10	2
Уставы России	0,4	9	8	1
Уставы Германии	0,2	2	2	0,5
Уставы Нидерландов	0,5	2	2	0,5

Анализ табл. 4 показывает, что распространенность рассеянных по тексту устава толкований приблизительно одинакова во всех исследованных группах документов, и лишь тексты на немецком языке обнаруживают меньшее распространение этого элемента метатекста. Примером такого вплетенного в основной текст устава толкования может послужить следующий фрагмент:

8.3. *В составе движимого имущества ВУЗа выделяется особо ценное движимое имущество.*

Под особо ценным движимым имуществом понимается движимое имущество, без которого осуществление ВУЗом своей уставной деятельности будет существенно затруднено. <...> Виды такого имущества определяются Учредителем [УРФ2, с. 39].

Следующим метатекстовым элементом являются уточнения употребляемых понятий, приводимые в скобках, в роли которых могут выступать парафраз, буквенное дублирование чисел, и т.п. Например: *экономическая несостоятельность (банкротство), de (jaarlijkse) begroting* ‘(годовой) бюджет’ (нид.), *eine feste jährliche Vergütung („Aufsichtsratsvergütung“)* ‘фиксированное ежегодное вознаграждение («вознаграждение попечительского совета»)» (нем.). Анализ табл. 4 демонстрирует более высокую частотность подобных уточнений в русскоязычных уставах юридических лиц по сравнению с уставами на немецком и нидерландском языках.

Отдельного упоминания заслуживают уточнения словоупотреблений, вводящих впервые в текст документа более краткую форму того или иного понятия, например: *Открытое акционерное общество «Белагропромбанк» (далее – Банк)*; *Jeder Eigentümer oder Miteigentümer <...> (nachfolgend <...> „Eigentümer“ genannt)* ‘каждый собственник или совладелец <...> (далее – «собственник»)» (нем.) или *Bigbank AS (hierna genoemd de Bank)* ‘Bigbank AS (в последующем именуемый Банк)’ (нид.). Табл. 4 показывает более высокую распространенность данного метатекстового элемента в уставах Беларуси и России по сравнению с аналогичными документами Германии и Нидерландов. Следует заметить, что малоупотребительность рассматриваемого метатекстового элемента в нидерландских уставах юридических лиц может быть отражением более высокой частотности обычных дефиниций, в результате которой отпадает необходимость дополнительного уточнения употребляемых понятий.

Ключевым дискурсивным маркером метатекстовых уточнений, вводящих краткую форму понятия в русскоязычный текст, выступает слово *далее*, в редких случаях употребляется сочетание *в дальнейшем*. В текстах на немецком языке в роли дискурсивного маркера одинаково часто выступают сочетания *nachfolgend* ‘в последующем’ и *im Folgenden* с тем же значением. В уставах Нидерландов рассматриваемый элемент метатекста представлен конструкциями *hierna te noemen* ‘в последующем именуется’, *verder te noemen* ‘далее именуется’, *hierna* ‘в последующем’.

К проанализированным выше элементам метатекста примыкает также конструкция *и (или)* и ее иноязычные соответствия, с помощью которой автор оставляет на усмотрение реципиента выбор того или иного компонента данной пары союзов, например: *торговля на товарных и (или) финансовых рынках*; *im Aufsichtsrat und/oder seinen Ausschüssen* ‘в наблюдательном совете **и/или** его комитетах’ (нем.); *interfacultaire onderzoekinstituten en/of onderzoekscholen* ‘межфакультетские исследовательские институты **и/или** исследовательские школы’ (нид.). Анализ табл. 4 показывает, что распространенность рассматриваемого метатекстового элемента в русскоязычных документах выше, чем в уставах юридических лиц Германии и Нидерландов, хотя разрыв не так существенен, как в частотности уточняющих конструкций. Следует отметить, что в роли дискурсивного маркера в русскоязычных документах выступает союз *или*, взятый в скобки, в то время как в уставах юридических лиц на немецком и нидерландском языках компоненты *и* и *или* разделяются косой чертой.

Отдельного упоминания заслуживает еще одна метатекстовая черта, не обнаруженная в текстах уставов на русском языке и связанная, очевидно, с политикой гендерного равноправия. В некоторых текстах уставов юридических лиц Федеративной Республики Германия активно используется уточнение следующего характера: *der Mitarbeiter oder die Mitarbeiterin* ‘сотрудник или сотрудница’; *er oder sie*; ‘он или она’. В уставах юридических

лиц на нидерландском языке уточнения рода *hij/zij* ‘он/она’ также представлены в ряде документов. В отдельных немецкоязычных текстах встречается примечание, оговаривающее гендерно-нейтральное употребление наименований лиц, например:

Alle Personen- und Funktionsbezeichnungen in der Grundordnung gelten für Frauen und Männer in gleicher Weise. ‘Все обозначения лиц и должностей в уставе имеют равную силу для женщин и мужчин’ [УФРГ2, с. 7].

Отсутствие подобных гендерно-нейтральных выражений в русскоязычных документах можно объяснить меньшей актуальностью вопроса гендерного равноправия в общественно-политической повестке дня Республики Беларусь и Российской Федерации.

Вышесказанное позволяет сделать ряд выводов о лингвокультурной специфике метатекстовой организации уставов юридических лиц Беларуси, России, Германии и Нидерландов. В первую очередь обращает на себя внимание большая степень сходства в частотности метатекстовых элементов и их дискурсивных маркеров в документах Беларуси и России, составленных на русском языке. Среди свойственных русскоязычным уставам и нехарактерных для документов на немецком и нидерландском языке черт следует выделить более высокую частотность макрореференций, индексальных слов, катафорических конструкций, толкований понятий, уточнений и компонента *и (или)*. В то же время для документов на немецком и нидерландском языках типично большее распространение микрореференций, интенсивное использование местоименных наречий, частично выполняющих функцию личных местоимений, а также активное применение гендерно-нейтральных выражений.

Осуществленный анализ дает основание сделать вывод о том, что русскоязычные уставы юридических лиц обнаруживают большую частотность метатекстовых элементов разного вида, благодаря чему обеспечивается более высокая точность транслирования реципиенту авторского замысла. В то же время в уставах на немецком и нидерландском языках активно употребляются нехарактерные для русскоязычных документов гендерно-нейтральные выражения, задача которых состоит в практической реализации политики гендерного равноправия.

ЛИТЕРАТУРА

1. Медведь, Н. С. Особенности лексикона официально-делового стиля / Н. С. Медведь // *Austrian Journal of Humanities and Social Sciences*. – 2014. – № 1–2. – Т. 1. – С. 104–108.
2. Замуруева, Н. А. Жанровые особенности официально-делового стиля речи / Н. А. Замуруева // *Ученые записки Орлов. гос. ун-та. Сер. Гуманит. и соц. науки*. – 2010 – № 3-2. – С. 120–123.
3. Вежбицка, А. Метатекст в тексте / А. Вежбицка // *Новое в зарубежной лингвистике* : сб. науч. тр. – М. : Прогресс, 1978. – Вып. 8: Лингвистика текста. – С. 402–423.
4. Волошинов, В. Н. [Бахтин, М. М.] Марксизм и философия языка. – М., 1993. – 188 с.

5. *Гурочкина, А. Г.* Метаязык, метакоммуникация, метатекст (к объему содержания понятий) / А. Г. Гурочкина // Когнитивные исследования языка : сб. науч. тр. – М.-Тамбов : Изд. дом Тамбов. гос. ун-та, 2009. – Вып. 5: Исследование познавательных процессов в языке. – С. 52–57.
6. *Норман, Б. Ю.* Грамматика говорящего / Б. Ю. Норман. – СПб., 1994. – 228 с.
7. *Гаврилова, А. А.* Метаязык, метатекст и метатекстовые компоненты в научном тексте / А. А. Гаврилова // Личность – Язык – культура: материалы всерос. науч.-практ. конф., 28–29 ноября 2007 г. – Саратов : Наука, 2008. – С. 219–225.
8. *Шилова, Е. В.* Метатекст терминологической дефиниции как способ репрезентации старого знания / Е. В. Шилова // Язык и культура : Материалы междунар. науч.-практ. конф. – Вестн. УГТУ-УПИ. – Вып. 6 (36). – Екатеринбург : Изд-во УГТУ-УПИ, 2004. – С. 140–146 с.

ИСТОЧНИКИ ПРИМЕРОВ

УРБ – Устав учреждения образования «Белорусский государственный медицинский университет» // Белорусский государственный медицинский университет [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <http://www.bsmu.by/downloads/universitet/ustav.pdf>. – Дата доступа : 12.12.2015.

УРФ1 – Устав Акционерного общества коммерческого банка «Северный кредит» // АО КБ «Северный кредит» [Электронный ресурс]. – Режим доступа : http://sevcred.ru/uploads/bank/ustav/ustav_bank_16062015.pdf. – Дата доступа: 12.12.2015.

УРФ2 – Устав федерального государственного бюджетного образовательного учреждения высшего профессионального образования «Российский экономический университет имени Г. В. Плеханова» // Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего профессионального образования «Российский экономический университет имени Г. В. Плеханова» [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <http://www.rea.ru/ru/Documents/Ustavs/ustav.pdf>. – Дата доступа : 12.12.2015.

УФРГ1 – Satzung der Deutschen Bank Aktiengesellschaft // Deutsche Bank AG [Электронный ресурс]. – Режим доступа : https://www.db.com/ir/de/images/Satzung_5_Juni_2014_HV_22_Mai_2014.pdf. – Дата доступа : 12.12.2015.

УФРГ2 – Grundordnung der Universität Regensburg // Universität Regensburg [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <http://www.uniregensburg.de/rechtsgrundlagen/medien/grundordnung.pdf>. – Дата доступа: 12.12.2015.

УКН – Statuten van Coöperatieve Centrale Raiffeisen-Boerenleenbank B.A. // Rabobank [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <https://www.rabobank.com/nl/images/20150622-statuten-cooperatieve-centrale-raiffeisen-boerenleenbank.pdf>. – Дата доступа : 12.12.2015.

The article considers metatext elements in Russian-, German- and Dutch-language statutes of legal entities. The research is focused on the analysis of both semantic and formal sides of the metatext elements in the official documents of Belarus, Russia, Germany and the Netherlands. Some similarities and differences in the types and functions of the metatext elements in official texts are exposed, typical language features are identified.

ГРАММАТИЧЕСКИЕ ЕДИНИЦЫ И КАТЕГОРИИ В КОНТРАСТИВНОМ АСПЕКТЕ

О. А. Гергиев

АНАФОРИЧЕСКИЙ ПОВТОР В ПУБЛИЧНОЙ РЕЧИ НА АНГЛИЙСКОМ И БЕЛОРУССКОМ ЯЗЫКАХ

Статья посвящена рассмотрению анафорического повтора в публичной речи на английском и белорусском языках. Освещаются теоретические взгляды ученых на стилистический прием повтора в целом и анафоры как разновидности повтора в частности. Показано, что анафора должна изучаться на всех языковых уровнях. Рассмотрены основные функции анафоры, а именно усилительно-выделительная, экспрессивно-эмотивная, ритмообразующая и связующая. Установлено, что в англоязычной публичной речи анафора встречается чаще, чем в белорусскоязычной, что связано с большей частотой употребления в англоязычной публичной речи стилистических приемов, выполняющих синтаксическую функцию.

Общеизвестно, что в различных ситуациях язык как средство общения используется по-разному. Речь, обращенная к ребенку, отлична от разговора с пожилым человеком, выбор языковых средств преподавателя не совпадает с тем выбором, который осуществляет студент, выступление на научной конференции перед большой аудиторией разнится от беседы за праздничным столом. В процессе общения говорящему постоянно приходится тщательно подходить к выбору языковых средств. В противном же случае возникают коммуникативные неудачи, когда намерение говорящего полностью или частично не осуществляется [1, с. 75].

Особенно важен такой выбор в публичном выступлении, основной целью которого является убеждение. Как метко отметила Л. С. Чикилева, «публичная речь влияет на слушателей интеллектуально и эмоционально, если оратор хорошо знает психологию аудитории и учитывает ее. Искусство публичной речи глубоко психологично и глубоко социально, поэтому эффективность речи во многом зависит от того, каким языком говорит оратор» [2, с. 268]. Действительно, успех любой личности в профессиональной и общественной деятельности в большой степени определяется тем, насколько хорошо она владеет речью.

Важнейшим условием реализации прагматической установки воздействия публичной речи является использование оратором стилистических приемов. Один из таких приемов – повтор. Данный стилистический прием полифункционален. Повтор является средством экспрессии, стилизации, выполняет ритмообразующую функцию, может уточнять сказанное [3; 4; 5; 6]. Как отмечают многие лингвисты, кроме стилистических функций повтор выполняет еще и синтаксическую функцию, т.е. выступает средством связи на уровне фразы, предложения и всего текста. «Такой повтор может обладать экспрессивностью, но не в этом его основная роль» [7, с. 38]. На текстообразующую

функцию повторов обращал внимание В. Г. Гак. Он определял повтор как «текстообразующий прием, основанный на сознательном двукратном, а иногда и многократном формальном или семантическом воспроизведении одних и тех же, подобных или противоположных языковых единиц в той же или измененной последовательности в таких условиях, чтобы их можно было заметить (в составе одного предложения, абзаца или целого текста)» [8, с. 97].

Однако, несмотря на достаточную изученность функций повтора, в научной литературе нет единого мнения по поводу того, к какому языковому уровню его относить. Ровным счетом нет и единой общепринятой классификации повторов. Разные определения повтора обусловлены разнообразными подходами к его изучению.

Традиционно повтор рассматривается в разделе «Синтаксис». Так, авторитетный советский лингвист И. Р. Гальперин определяет повтор «как выразительное средство языка, используемое в случае, когда говорящий находится в возбужденном состоянии», т.е. под действием какой-то сильной эмоции. Однако он отмечает, что «в логическом языке повтор становится средством грамматики» [3, с. 258].

К синтаксическим стилистическим фигурам повтор относит и В. А. Кухаренко, поскольку, по ее мнению, «функция повтора, как и подавляющего большинства синтаксических стилистических приемов, заключается в выдвигании определенной единицы высказывания на первый план за счет ее специфического расположения» [9, с. 62].

Ученый Ю. М. Скребнев считает, что повтор представляет собой лексико-стилистическую фигуру, т.к. «в повторах воспроизводятся не синтаксические позиции, а лексически идентичные элементы и группы элементов: слова, словосочетания, предложения» [10, с. 65].

Исследователь И. В. Арнольд пишет, что повтор состоит в «повторении звуков, слов, морфем, синонимов или синтаксических конструкций в условиях достаточной тесноты ряда» [6, с. 182]. Важно отметить то, что повтор, в трактовке И. В. Арнольд, должен рассматриваться на всех языковых уровнях. В стилистическом словаре под редакцией К. Уэльс также делается акцент на важности изучения повтора на всех уровнях языка [11, с. 341]. Действительно, повтор выходит за пределы синтаксиса. Еще В. М. Жирмунский заметил, что проблема повторов «хотя и относится к области синтаксиса, но частично за область синтаксиса выходит» [12, с. 362].

Такая позиция нашла свое отражение в уровневой классификации повторов [13]. Однако в данной классификации не нашлось места анафоре как одной из разновидностей повтора. Анафора не принадлежит какому-то одному конкретному языковому уровню. Ведь, как отмечает В. П. Москвин, «можно говорить об анафоре звуковой, лексической, фразовой и т.д.» [Там же, с. 426]. Анафора, наряду с эпифорой, хиазмом, кольцевым повтором и подхватом, входит в позиционную классификацию повторов, где основным критерием объединения данных стилистических приемов является одна и та же позиция повторяющегося элемента в речевых единицах [Там же].

Звуковая анафора в большей степени характерна для поэтического текста, поэтому в данной статье на материале англоязычных и белорусскоязычных публичных речей мы рассмотрим анафору на уровне отдельных слов, словосочетаний и предложений.

Под анафорой мы, вслед за В. П. Москвиным, понимаем «стилистический прием, заключающийся в повторении начальной части речевых единиц» [13, с. 426]. Будучи разновидностью повтора, анафора также выполняет множество функций. Среди стилистических функций анафоры приоритетными языковеды называют усилительно-выделительную и экспрессивно-эмотивную функции. Чаще всего повторяется не любое, произвольно выбранное слово, а то, «которое подчеркнуто смыслом, несет на себе логическое ударение» [14, с. 57]. Это иллюстрирует следующий пример из выступления министра по делам бизнеса, инноваций и профессионального образования Великобритании Саджида Джавида: *So yes, my policies are driven by capitalist ideology. An ideology that has made Britain and the world freer, happier and more prosperous. An ideology that has given us the means to enjoy our lives and the time with which to do so. An ideology that I will fight tooth and nail to defend* [J1] ‘Поэтому, да, мой политический курс основывается на идеологии капитализма. Такой идеологии, которая дала Британии и всему миру свободу, счастье и процветание. Такой идеологии, которая дала нам повод и время наслаждаться жизнью. Такой идеологии, которую я буду стараться изо всех сил защищать’. В данном примере, как и во всем своем выступлении, оратор говорит о капитализме как о положительном явлении. Поэтому анафорический повтор слова *ideology* помогает выделить ключевое слово, еще раз привлечь к нему внимание аудитории и в конечном итоге выполнить прагматическую установку воздействия, т.е. убедить слушателей в своей правоте.

То же мы наблюдаем и в примере из белорусскоязычной публичной речи: *Форум – гэта падвядзенне вынікаў і магчымасць вызначыць лепшых у музейнай справе. Форум будзе спрыяць прыцягненню большай цікавасці і ўвагі да нашых музеяў, прастымулюе з’яўленне новых музейных праектаў* [L1]. Многократный повтор слова *форум* передает важность создания и проведения подобного мероприятия.

Что же касается экспрессивно-эмотивной функции, то она, как правило, заключается в выражении эмоционального состояния говорящего. «Повторы способствуют передаче таких субъективно-модальных значений, как раскаяние, одобрение, умиление, сожаление и т.д.» [7, с. 35]. Приведем пример: *I believe that culture is for everyone. I believe that the colour of your skin, the size of your bank balance and the town where you live should not be a barrier to participation and progress. And I believe that, as a sector, we can and we must do more to make that vision a reality* [J2] ‘Я считаю, что культура создана для всех. Я считаю, что цвет кожи, сумма на банковском счете и город, в котором вы живете, не должны быть барьером для вашего активного участия и развития. И я считаю, что мы, как представители правительства, можем и должны сделать все возможное, чтобы воплотить это видение в реальность’. В данном случае анафора передает

обеспокоенность оратора состоянием культуры, его веру в светлое будущее. В последнем предложении анафора находится в наиболее сильной позиции, что позволяет выступающему убедить аудиторию в скором решении возникших проблем.

Приведем еще несколько примеров: *We will continue to support you. We will intervene where we need to – but we will always work with you. We will build the infrastructure for the future that we all need. And we will build an environment in which you can all succeed* [V] ‘Мы продолжим поддерживать вас. Мы будем вмешиваться только туда, где наше вмешательство необходимо, но мы всегда будем с вами сотрудничать. Мы построим всю необходимую инфраструктуру, в которой мы все так нуждаемся. И мы построим такую среду, в которой каждый из вас сможет достичь успеха’; *У 2011 годзе пашырылася геаграфія дзельных партнёраў кінастудыі. <...> У 2011 годзе кінастудыяй сумесна с замежнымі партнёрамі створаны 2 поўнаметражныя мастацкія фільмы: <...>. У 2011 годзе запушчаны ў вытворчасць 5 сумесных мастацкіх фільмаў, завяршэнне якіх запланавана ў 2012 годзе: <...>* [L2]. Нередко ораторы в своей речи прибегают к анафоре, пытаясь убедить аудиторию в масштабности достигнутых результатов или заверить в своей решимости действовать на благо общества.

Еще одной функцией анафоры, которая довольно часто реализуется в публичной речи, является функция нарастания, или градации. Нарастание выражает постепенное увеличение силы эмоций. «Повторенное слово, – пишет Ю. М. Лотман, – всегда экспрессивно сильнее предыдущего, создает эффект градации, эмоционального нагнетения» [15, с. 41]. Следующие примеры наглядно отражают эту идею: *This is a decision that cannot be reversed or undone. This is a decision from which there is no going back. This is a decision when once it's done, it's done* [B] ‘Это такое решение, которое нельзя отменить. Это такое решение, после принятия которого нет пути назад. Это такое решение, которое однажды принято – принято навсегда’; *Памяць – гэта трывожны звон Гісторыі. Ён напярэджвае сусвет, што любая вайна – гэта вар’яцтва. Ён напярэджвае, што ні адна мэта не варта чалавечага жыцця. Ён напярэджвае, што любога агрэсара рана ці позна спасцігне ганебны крах* [AL]. Как видим, в данных примерах степень эмоционального напряжения постепенно растет и достигает своего пика в последнем предложении. Стоит также отметить, что анафора здесь сопряжена с синтаксическим параллелизмом. Такая конвергенция стилистических приемов многократно умножает силу воздействия и эмоционально-экспрессивный потенциал высказывания.

Ритмообразующая функция анафорического повтора гораздо чаще наблюдается в поэтическом тексте, однако и в публичной речи ее тоже можно встретить. Анафора «создает четкий ритмический рисунок текста и придает ему некоторую музыкальность» [7, с. 42]. Например: *Whatever colour rosette you're wearing in the election... You'll want your local sports team to be successful... You'll want your local athletes to go onto great things... And you'll want your local facilities to be well used...<...>* [J3] ‘Какую бы партию вы ни выбрали на выборах... Вы хотите, чтобы местная команда одерживала

победы... Вы хотите, чтобы местные атлеты достигали невероятных высот... Вы хотите, чтобы местные спортивные залы были должным образом оснащены...'. За счет повтора выделенной части, в особенности местоимения и вспомогательного глагола, и параллельной конструкции создается особый ритм, речь становится более мелодичной.

Нельзя не отметить то, что анафорический повтор выполняет и связующую функцию. Эта функция проявляется как на уровне предложений, так и на уровне всего дискурса. На уровне предложений анафора принимает участие в линейном сцеплении контактно расположенных предложений в абзаце. С помощью анафоры оратор сохраняет тематическую цельность дискурса. Например: *I like Star Trek. I like U2. And although I fear the feeling is not reciprocated, I really do like Michael Rosen* [J2] 'Я люблю «Звездный путь». Я люблю U2. И хотя с моими предпочтениями могут и не согласиться, но я действительно очень люблю Майкла Розена'; *І многія амерыканцы, нават вядомыя, маюць свае карані ў Беларусі, і яны зараз вельмі зацікаўлены, каб знайсці тых мясціны, дзе нарадзіліся іх продкі. Хтосьці знайшоў нават разбураны млын у Новай Мышы пад Баранавічамі, і ён ганарыцца гэтым. Хтосьці адшукаў у Нацыянальным архіве нейкія рэчы, звязаныя з продкамі* [М].

Анафора выполняет связующую функцию в дискурсе как на уровне когезии, так и на уровне когерентности, т.е. на синтагматической и парадигматической осях [7]. Так, в следующих примерах анафорический повтор скрепляет несколько абзацев, тем самым обеспечивая структурную и тематическую цельность дискурса: *And let us tell the undecided <...>. And let us tell also those people who <...>. And let us tell the people of Scotland<...>. And let us tell these people <...>. But let us tell people <...>* [B] 'И давайте скажем тем, кто еще не определился с выбором <...>. И давайте скажем также тем людям, кто <...>. И давайте скажем шотландскому народу <...>. И давайте скажем этим людям <...>'; *Мы будзем захоўваць і развіваць традыцыі правядзення фестываляў народнай творчасці. <...> Мы будзем захоўваць нацыянальныя традыцыі, ладзіць нацыянальныя святы. <...>* [L3]. Помимо этого, связывание абзацев придает дискурсу большую динамичность.

Наконец, анафора, как и в целом повтор, служит для лучшего восприятия сказанного. Это связано с тем, что публичная речь, будучи по своей форме устной, воспринимается с большим трудом, чем письменная, дающая возможность размышлений над прочитанным и возможность повторного прочтения.

В сопоставительном аспекте в англоязычной публичной речи встречается гораздо больше анафорических повторов, чем в публичной речи на белорусском языке. Обусловлено это тем, что в англоязычной публичной речи чаще используются стилистические приемы, выполняющие синтаксическую функцию.

Таким образом, анафорический повтор следует рассматривать на всех уровнях языка. В публичной речи анафора выполняет не только стилистическую функцию, но и ритмообразующую и связующую функции.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Лебедева, И. Г.* Просодические характеристики подготовленной публичной речи у французов, белорусов и россиян / И. Г. Лебедева // Вестн. Полоцк. гос. ун-та. Сер. А, Гуманит. науки. – 2011. – № 2. – С. 75–80.
2. *Чикилева, Л. С.* Когнитивно-прагматические и композиционно-стилистические особенности публичной речи : дис. ... д-ра филол. наук : 10.02.04 / Л. С. Чикилева. – М., 2005. – 508 л.
3. *Гальперин, И. Р.* Очерки по стилистике английского языка / И. Р. Гальперин. – М. : Издательство литературы на иностранных языках, 1958. – 459 с.
4. *Васильева, Ю. В.* Повтор как принцип организации фольклорного текста: Лексико-синтаксический повтор русского и англо-шотландского фольклора : дис. ... канд. филол. наук : 10.02.19 / Ю. В. Васильева. – Саратов, 2004. – 213 л.
5. *Скребнев, Ю. М.* Очерк теории стилистики : учеб. пособие для студентов и аспирантов филологических специальностей / Ю. М. Скребнев. – Горький, 1975. – 175 с.
6. *Арнольд, И. В.* Стилистика современного английского языка (стилистика декодирования) : учеб. пособие для студентов пед. ин-тов по спец. «Иностр. яз.» / И. В. Арнольд. – 3-е изд. – М. : Просвещение, 1990. – 300 с.
7. *Ковальчук, И. Ю.* Повтор и его функции в тексте : дис. ... канд. филол. наук: 10.02.05 / И. Ю. Ковальчук. – Пятигорск, 2004. – 149 л.
8. *Гак, В. Г.* Повторная номинация на уровне предложения / В. Г. Гак // Синтаксис текста : сб. ст. / АН СССР, Ин-т рус. яз; отв. ред. Г. А. Золотова. – М., 1979. – С. 91–102.
9. *Кухаренко, В. А.* Интерпретация текста : учеб. пособие для студентов по спец. «Иностр. яз.» / В. А. Кухаренко. – 2-е изд., перераб. – М. : Просвещение, 1988. – 192 с.
10. *Скребнев, Ю. М.* Тропы и фигуры как объект классификации / Ю. М. Скребнев // Проблемы экспрессивной стилистики : сб. науч. тр. – Ростов : Изд-во Ростов. ун-та, 1987. – С. 60–65.
11. *Wales, K.* A dictionary of stylistics / K. Wales. – London : Pearson Education limited, 2001. – 2nd ed. – 219 p.
12. *Жирмунский, В. М.* Введение в литературоведение : курс лекций / В. М. Жирмунский; под ред. З. И. Плавскина, В. В. Жирмунской. – СПб.: Изд-во С.-Петербург. ун-та, 1996. – 440 с.
13. *Москвин, В. П.* Стилистика русского языка: теоретический курс / В. П. Москвин. – 4-е изд. – Ростов н/Д : Феникс, 2006. – 640 с.
14. *Солганик, Г. Я.* Синтаксическая стилистика (Сложное синтаксическое целое) / Г. Я. Солганик. – М. : Высшая школа, 1973. – 214 с.
15. *Лотман, Ю.* Об искусстве / Ю. М. Лотман. – СПб. : Искусство-СПБ, 2005. – 752 с.

ИСТОЧНИКИ ПРИМЕРОВ

1. J1 – In defence of the c-word: why capitalism is a force for good [Electronic resource]. – Mode of access : <https://www.gov.uk/government/speeches/in-defence-of-the-c-word-why-capitalism-is-a-force-for-good>. – Date of access : 07.09.2015.
2. L1 – Выступленне Міністра культуры П. П. Латушкі на ўрачыстым пасяджэнні з нагоды святкавання Дня работнікаў культуры [Электронны рэсурс]. – Рэжым доступу : <http://www.kultura.by/news/vystuplenne-m-n-stra-kultury-latushkpp-na-rachystym-pasyadzhenn-z-nagody-svyatkavannya-dnya-ra>. – Дата доступу : 18.10.2015.
3. J2 – Sajid Javid’s Culture For All Speech [Electronic resource]. – Mode of access : <https://www.gov.uk/government/speeches/culture-for-all>. – Date of access : 07.11.2015.
4. V – Ed Vaizey’s speech to the Oxford Media Convention 2015 [Electronic resource]. – Mode of access : <https://www.gov.uk/government/speeches/ed-vaizeys-speech-to-the-oxford-media-convention-2015>. – Date of access : 25.09.2015.
5. L2 – Выступленне Міністра культуры П. П. Латушкі на выніковай калегіі «Аб развіцці сферы культуры ў 2011 годзе і прыярытэтах на 2012 год» [Электронны рэсурс]. – Рэжым доступу : <http://www.kultura.by/news/-vystuplenne-m-n-stra-kultury-latushk-pp-na-vyn-kovai-kaleg-ab-razv-tsts-sfery-kultury-2011-godz>. – Дата доступу : 18.08.2015.
6. B – “Silent no more”: Watch Gordon Brown’s patriotic and passionate Scotland speech [Electronic resource]. – Mode of access : <http://www.newstatesman.com/politics/2014/09/silent-no-more-watch-gordon-browns-patriotic-and-passionate-scotland-speech>. – Date of access : 14.11.2015.
7. AL – Выступленне А. Г. Лукашэнко на торжественном собрании в честь Дня Независимости и 70-летия освобождения Беларуси [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <http://www.belta.by/president/view/vystuplenie-lukashenko-na-torzhestvennom-sobranii-v-chest-dnja-nezavisimosti-i-70-letija-osvobozhdenija-48706-2014>. – Дата доступа : 05.11.2015.
8. J3 – Culture Secretary Sajid Javid sets out his vision for UK sport [Electronic resource]. – Mode of access: <http://www.sajidjavid.com/news/culture-secretary-sajid-javid-sets-out-his-vision-uk-sport>. – Date of access: 02.10.2015.
9. J4 – Sajid Javid’s speech at the Union of Jewish Students’ Annual Conference 2014 [Electronic resource]. – Mode of access: <http://www.sajidjavid.com/news/sajid-javids-speech-union-jewish-students-annual-conference-2014>. – Date of access: 11.10.2015.
10. M – Выступленне Міністра замежных спраў Рэспублікі Беларусь У. У. Макея на першым пасяджэнні Кансультацыйнага савета па справах беларусаў замежжа пры Міністэрстве замежных спраў Рэспублікі Беларусь (1 ліпеня 2015 г., г. Мінск) [Электронны рэсурс]. – Рэжым доступу : <http://mfa.gov.by/by/-press/-statements/d99cc37b47b41c80.html>. – Дата доступу : 15.11.2015.

11. L3 – Выступленне Міністра культуры на ўрачыстым сходзе з нагоды Дня работнікаў культуры [Электронны рэсурс]. – Рэжым доступу : <http://www.kultura.by/news/vystuplenne-m-n-stra-kultury-na-rachystym-skhodze-z-nagody-dnya-rabotn-ka-kultury>. – Дата доступу : 07.11.2015.

The article focuses on anaphora in English and Belarusian public speeches. It is shown that anaphora should be studied at all language levels. This stylistic device serves the purpose of emphasizing ideas, appealing to the audience's emotions, adding rhythm to the speech and binding different syntactic elements together. Anaphora is more frequently used in English public speeches than in Belarusian ones because there are more stylistics devices, performing a syntactic function, in English public speeches.

Т. Н. Гребень

СТРУКТУРНАЯ ОРГАНИЗАЦІЯ ВОПРОСИТЕЛЬНЫХ ПРЕДЛОЖЕНИЙ В МЕДИАДИСКУРСЕ НА БЕЛОРУССКОМ И АНГЛИЙСКОМ ЯЗЫКАХ

В контрастивном аспекте рассматриваются структурные типы вопросительных предложений (включая вопросно-ответные комплексы) как одно из средств разговорного синтаксиса, способствующего диалогизации медийного дискурса. На материале очерков и репортажей на белорусском и английском языках были выявлены вопросы, образованные на основе невопросительных предложений, и вопросы, построенные по собственным синтаксическим образцам, с дальнейшей их детализацией. Выявлена количественная представленность вопросительных предложений каждого типа в очерках и репортажах на двух языках. Установлен характер связи структурных типов вопросительных предложений с выполняемой ими прагматической нагрузкой.

Характерной чертой современного медийного дискурса является его активная коллоквиализация, т.е. использование в медиадискурсивном пространстве разговорных языковых единиц. Данная тенденция связана, главным образом, со стремлением СМИ оказывать воздействие на аудиторию на эмоциональном уровне, быть ближе к адресату, что влечет за собой необходимость говорить с ним на одном языке. В этой связи как на страницах печатных средств массовой информации, так и на просторах сети Интернет нередко отмечается наличие эллиптических структур, присоединительных конструкций, вопросов и вопросно-ответных комплексов, разговорного порядка слов в предложениях и пр., другими словами, все то, что типично для повседневной разговорной речи читательской аудитории.

При анализе очерков и репортажей, отобранных из качественной белорусско- и англоязычной прессы («Народная газета», «Звезда», «Настаўніцкая газета», «Культура», «The Guardian», «The Independent», «The Telegraph», «The Observer»), мы обратились к вопросительным предложениям (включая вопросно-ответные комплексы) как одному из средств разговорного синтаксиса, активно участвующему в диалогизации медийного дискурса. Исходя

из того, что строение вопросов тесно связано с их прагматическим потенциалом, мы поставили цель выявить особенности их структурной организации в медийном дискурсе на двух языках.

В основе структурной типологии вопросительных предложений лежит способ их образования. Так, согласно фундаментальному труду «Русская грамматика», по формальной устроенности вопросы могут быть образованы на основе невопросительных предложений или построены по собственным синтаксическим образцам [1]. Несмотря на то, что данная классификация была разработана применительно к русскому языку, ее использование для вопросительных предложений на белорусском языке в силу их близкородственности абсолютно уместно. Английский, являясь языком другого грамматического строя, несколько сужает возможности полного переноса применяемой типологии вопросительных предложений, однако, существенно не ограничивает ее применение.

Вопросительные предложения, образованные на основе невопросительных, делятся на три группы: 1) полностью совпадающие с невопросительными, 2) содержащие вопросительные частицы и 3) имеющие в своем составе вопросительные местоименные слова. Среди вопросов, построенных по собственным синтаксическим образцам, различают предложения 1) с лексически свободными компонентами и 2) фразеологизированной структуры [Там же, с. 389–395] (рис. 1).

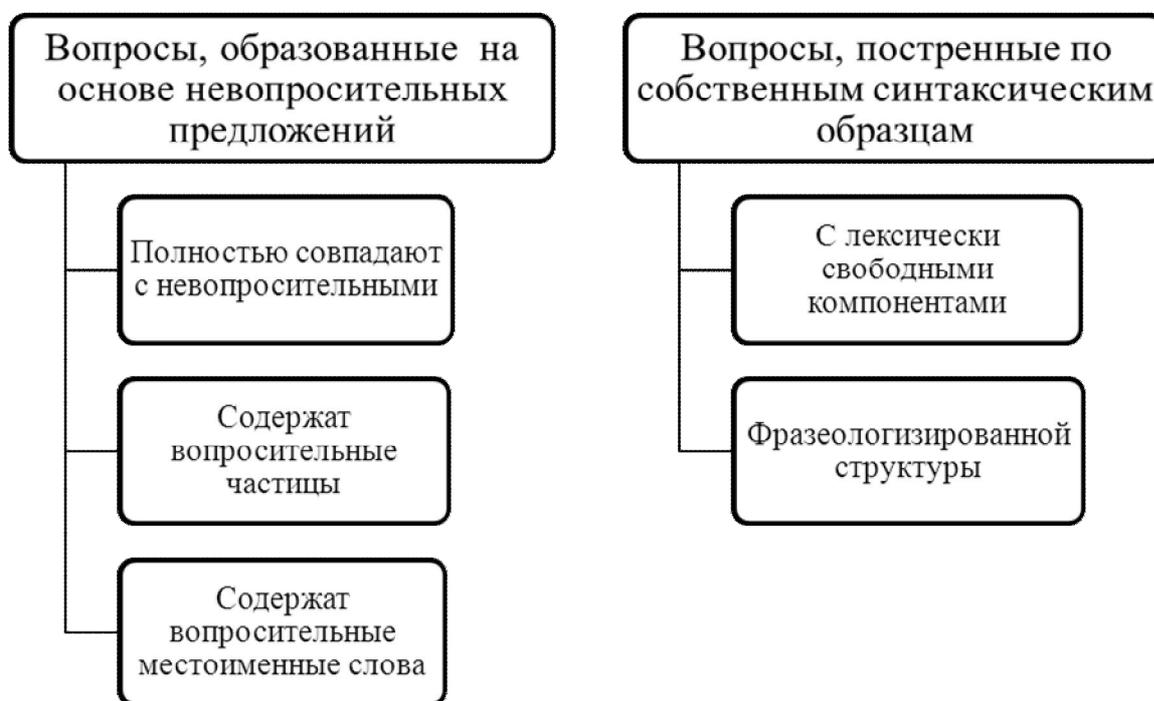

Рис. 1. Структурная типология вопросительных предложений

Проведенный анализ 200 очерков и репортажей на двух языках показал, что наиболее употребительным структурным типом вопросительных предложений в них являются вопросы, содержащие вопросительные местоименные

слова – местоименные вопросы (50,7 % в очерках и 40,7 % в репортажах на белорусском языке; 51,8 % в очерках и 61,5 % в репортажах на английском языке) (рис. 2). Данные структуры запрашивают информацию и требуют наличия новизны в ответе. Так, вопрос, встретившийся в путевом очерке о Барселоне, не требует развернутого ответа, тем не менее, в нем должно содержаться новое сообщение, способное восполнить информационный пробел: *Дык што ж такога збудаваў Гаўдзі, што вабіць у Барселону мільёны турыстаў?* (Народная газета, 11.09.2010). В то же время вопросительное предложение данного типа из англоязычного медиадискурса предполагает обстоятельный и содержательный ответ: *Duchess of Cambridge's home village are being warned by police to lock up their houses and hide away shovels, loose paving slabs and all other potential weapons from view. Why?* (The Telegraph, 22.02.2012) 'Полиция предупреждает жителей родного села герцогини Кембриджской запереть свои дома и спрятать лопаты, плохо закрепленную тротуарную плитку и убрать из поля зрения все другие потенциально опасные предметы. Почему?'. Высокая продуктивность местоименных вопросов, не допускающих в качестве ответа подтверждение (*Да/Yes*) или отрицание (*Нем/No*), обусловлена их значительным прагматическим потенциалом. Запрашивая у читателя более содержательный, развернутый ответ, они в большей степени вовлекают его в диалог, заставляют серьезно задуматься, т.е. обладают высокой степенью суггестивности, что отвечает требованиям современного медиадискурса.

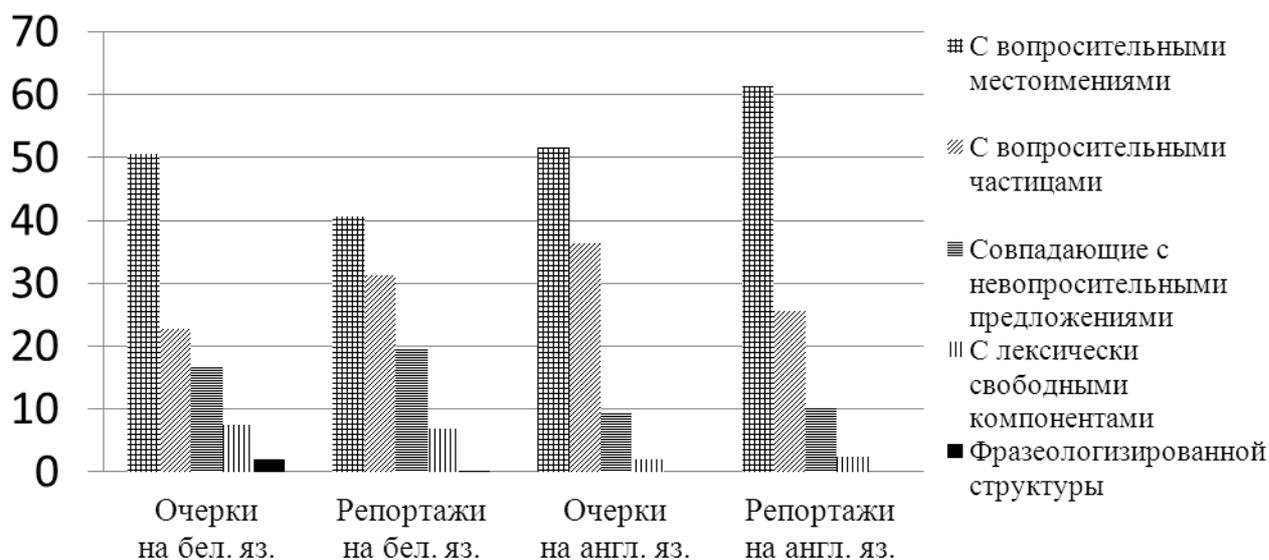

Рис. 2. Количество и соотношение структурных типов вопросительных предложений в медиадискурсе на двух языках

Второй по употребительности группой вопросов (рис. 2) являются предложения, содержащие вопросительные частицы *хіба, няўжо, ці, а калі*, стоящие в финальной позиции *а, так, ці не так, праўда* и др. В английском языке это слова *really, what if, ha*, а также вторая часть разделительных вопросов (*tag*). Рассмотрим некоторые примеры вопросов, относящихся к данному структур-

ному типу. Так, белорусскоязычный очерк, посвященный актерам народного театра, содержит следующую информацию: *Няўжо я, даярка з Хацанетаўкі, у такой зале выступала ды Прэзідэнта бачыла побач?* (Звязда, 26.01.2013). Здесь вопросительная частица *няўжо* придает тексту оттенок удивления. При помощи вопросительных частицы *хіба* и *няўжо* автор может также выразить сомнение, недоумение, недовольство, недоверие и т.д., т.е. несоответствие ожидаемого действительности. Встретившаяся в репортаже фраза *Ці ажыве пад Гроднам радавое гняздо «каралевы жывога слова»?* (Народная газета, 08.09.2011) ставит вопрос о возможности реставрации и возрождения имени Элизы Ожешко в деревне Мильковщина Гродненского района. Как правило, частица *лі* придает вопросительному предложению значение неуверенности, сомнения.

В англоязычном медийном дискурсе вопросительные предложения, относящиеся к данному типу, представлены, главным образом, вопросами, начинающимися с *what if*, и разделительными вопросами. Так, в отдельном репортаже встречаем текст: *What if there was a bookshop I could go to, across the sea in Scotland?* ‘А что если книжный магазин, который я бы могла посещать, находился на другом берегу в Шотландии?’ (The Guardian, 12.01.2013). Проблемный же очерк, посвященный школьному образованию в Великобритании, содержит вопросительное предложение *When you look for a house, school catchment area is pretty much the thing, isn't it?* (The Guardian, 04.01.2013) ‘Когда вы ищите дом [с целью покупки – Т. Г.], очень важным является то, к какой школе относится ваш район, не так ли?’. Хотя с формальной точки зрения предполагаемый ответ должен быть *да* или *нет*, структура разделительного вопроса указывает на то, что здесь имеет место утверждение, и говорящий ожидает, скорее, согласия собеседника со своим мнением.

Вопросительность в предложениях, полностью совпадающих с невопросительными предложениями, в устной речи выражается интонацией, а на письме – знаком вопроса. При этом других показателей вопросительности в виде лексических единиц такие структуры не имеют. *Смех – за брэнд?* (Народная газета, 31.07.2012); *Чытаць няма калі?* (Народная газета, 19.10.2011); *So, that didn't happen to her?* (The Guardian, 26.01.2013) ‘Итак, с ней этого не случилось?’; *A classic case of sibling rivalry, then?* (The Guardian, 15.10.2011) ‘Классический случай соперничества между детьми?’. Вопросы данной формальной устроенности так же, как и рассмотренные выше, предполагают ответ в виде согласия или несогласия, однако, это не лишает их некоторой прагматической нагрузки. Так, в заглавии проблемного очерка, посвященного статусу белорусского языка в обществе, встретился следующий вопрос, который не столько обращен к читателю с целью получения ответа, сколько поднимает обозначенную проблему, задает тон дальнейшим рассуждениям, очерчивает проблемную область: *Родная мова – не папулярная. Пакуль?* (Звязда, 29.10.2011).

В медийном дискурсе на двух языках вопросительные предложения с лексически свободными компонентами представлены немногочисленными

примерами. Наиболее продуктивными в рамках данной группы являются вопросы с существительным в именительном падеже в сочетании с союзом *a*. Например: *Калі-небудзь іх [урны – Т. Г.] збяруць і пахаваюць у агульнай «брацкай» магіле без усялякіх апазнавальных знакаў. І душы памерлых, нарэшце, знойдуць вечны спакой. А душы жывых?..* (Звязда, 10.09.2011); *When I embarked on this project, some words gave me no choice. They just had to be in – such as the earliest example of a written word in the language. Thanks to an exciting archaeological find, we know this to be roe. That starts the story. **And the latest word to arrive?*** (The Telegraph, 14.10.2011) ‘Когда я приступил к этому проекту, некоторые слова не оставили мне выбора. Они просто должны были попасть в него – такие, как самые ранние примеры написанного в языке слова. Благодаря увлекательной археологической находке, мы знаем, что это слово *roe*. И с этого начинается история. А последнее появившееся слово?’. Такие конструкции напоминают о важном, существенном. Нередко изучаемые типы вопросов располагаются в начальной позиции текста, в котором рассматривается упомянутый в вопросе объект. Например: *Вы чулі, каб у вясковым доме быў... ліфт? А 53-метровая антэна? А двухрэжымныя выключальнікі?* (Звязда, 29.11.2012).

Наименее представленными – единичными примерами – выступают вопросы фразеологизированной структуры, т.е. «предложения, в состав которых входят устойчивые сочетания, выполняющие функцию вопросительных частиц», и «предложения, строение которых не может быть объяснено современными синтаксическими правилами» [Там же, с. 395]. Одним из примеров данного структурного типа может послужить следующий вопрос, в котором вопросительная часть начинается с сочетания *чаму б не* с последующим инфинитивом: *Вядома, для замены старых рускамоўных [шыльд – Т. Г.] патрабуюцца выдаткі, але чаму б не зрабіць новыя на беларускай мове?* (Звязда, 29.10.2011). Фразеологизированная структура в вопросе *Што за спорт такі?* (Звязда, 16.11.2011) заключается в наличии в нем устойчивого сочетания *што за* и имени в именительном падеже. Такие предложения являются вопросами о признаке предмета, и нередко они могут приобретать экспрессивно-оценочное значение. В англоязычном медиадискурсе вопросы, относящиеся к данному структурному типу, хотя теоретически и возможны, но не представлены в исследуемых медиажанрах.

В ряде случаев авторы прибегают к использованию целого блока вопросительных предложений, состоящего из двух и более вопросов, что интенсифицирует диалог автора и потенциального читателя. Вопросительные предложения в таких блоках могут быть как одинаковыми, так и различными по своей формальной устроенности. Например: *Вось праз нейкія 2,5 месяцы пачне дзейнічаць Адзіная эканамічная прастора, а што яна нясе грамадзянам Беларусі, якія працуюць у Расіі? Якія будуць іх правы? А можа застанецца ўсё, як раней, і расійская паліцыя будзе «шманаць» беларусаў на вакзалах, як замежных грамадзян?* (Звязда, 11.10.2011). В следующем примере последовательность вопросов помогает их автору в эмоциональной форме отреагировать

на неожиданный итог церемонии награждения «Золотой глобус»: *What are they, nuts? Has everyone forgotten Gigli?* (The Independent, 15.01.2013) ‘Они что, с ума посходили? Все забыли Джигли?’. Наиболее распространенными в рассматриваемых медиажанрах на двух языках являются блоки из двух вопросительных предложений, а максимальное их количество в исследуемых очерках и репортажах может достигать пяти. Использование нескольких вопросительных предложений подряд словно нагнетает ситуацию, повышая воздействующую силу текста, что является типичным для жанра *очерк*. Как свидетельствуют статистические данные, очерки на двух языках характеризуются бóльшим количеством таких вопросительных блоков (9,6 % в очерках на белорусском языке и 18 % в очерках на английском языке). Еще одним важным наблюдением является то, что рассматриваемые синтаксические разговорные единицы находят более широкое применение в англоязычных медиажанрах, сохраняя при этом межжанровую разницу в своем количестве. В заключение отметим, что авторы медийных текстов на английском языке используют последовательность вопросительных предложений в монологической речи в качестве эффективного средства воздействия, способного управлять сознанием массовой аудиторией.

Таким образом, проведенный анализ вопросительных предложений в медийном дискурсе на белорусском и английском языках позволяет сделать вывод о том, что структурные типы вопросов в очерках и репортажах в рамках каждого из языков представлены достаточно синхронно. Так, в рассматриваемых медиажанрах на двух языках наиболее продуктивны вопросительные предложения, содержащие вопросительные местоименные слова, поскольку такие вопросы обладают наибольшим прагматическим потенциалом за счет запроса содержательного ответа. Основные выявленные различия затрагивают вопросы фразеологизированной структуры, которые не представлены в материале выборки на английском языке. Однако при этом спецификой очерков, прежде всего англоязычных, является наличие в них большего числа целых блоков вопросительных предложений, которые повышают воздействующую силу повествования, что характерно для данного жанра.

ЛИТЕРАТУРА

1. Русская грамматика: в 2-х т. / редкол.: Н. Ю. Шведова (гл. ред.) [и др.]; – М. : Наука, 1980. – Т. 2. – 790 с.

The paper deals with the contrastive study of structural types of interrogative sentences (including question-answer units) as a dialogical means of colloquial syntax. Different structural types and their quantity in feature articles and reports in Belarusian and English are revealed and relations between their structure and pragmatics are defined.

СЕМАНТИКА ОБОБЩАЮЩИХ ВЫСКАЗЫВАНИЙ В НАУЧНЫХ ТЕКСТАХ НА АНГЛИЙСКОМ И БЕЛОРУССКОМ ЯЗЫКАХ

В статье выявляются формально-семантические особенности обобщающих высказываний выводного характера, функционирующих в научных текстах на английском и белорусском языках. Анализ проводится с позиций подхода, предполагающего разделение семантической структуры высказывания на модусный и диктумный компоненты. На основе учета характера предиката выделяются следующие типовые значения диктумов научных обобщений: каузирующее воздействие, взаимные отношения, существование, функциональное назначение и качественная характеристика. В результате сопоставительного анализа научных обобщений на английском и белорусском языках устанавливаются общие и отличительные черты их формальной реализации и смыслового наполнения.

В последние десятилетия общество претерпевает колоссальные изменения в самых различных аспектах своего функционирования. Одним из ярких подтверждений этому является информационная сфера: уже никого не удивляет, что создание и накопление информации на современном этапе происходит лавинообразными темпами. Благодаря стремительному развитию средств массовой информации объемы сведений, которые ежедневно приходится перерабатывать человеку, увеличились в разы по сравнению с прошлым. Проблема информационной избыточности коснулась также таких социально значимых областей, как наука, культура, экономика и т.д.

Соответственно, чтобы продолжать успешно справляться с многократно возросшими потоками информации, обществу необходимо оптимизировать пути их обработки. В первую очередь это касается совершенствования методик обобщенного изложения информации, что важно как на этапе создания текстов (умение кратко сообщить суть вопроса), так и при их восприятии (способность выделить главное). Для решения поставленной задачи должны привлекаться данные самых различных дисциплин: психологии, нейрофизиологии, педагогики, когнитивистики, информатики, теории искусственного интеллекта и др.

Помимо этого, в установлении закономерностей сжатия информации может помочь чисто лингвистический анализ. Такая возможность появляется при изучении языковых единиц, так или иначе сопряженных с выполнением обобщающей функции: оглавления, заголовка, подзаголовков, начальной и заключительной части текста, аннотации, а также ключевых предложений абзацев [1]. К этому списку необходимо также добавить *обобщающие высказывания выводного характера* – высказывания, которые логически вытекают из предшествующего текста, передавая его содержание в краткой форме [2].

Анализ выводных обобщений представляется достаточно перспективным направлением в разработке средств формально-смысловой компрессии. В отличие от заголовка и аннотации, обобщающие высказывания могут показывать динамические связи обобщаемых и обобщающих фрагментов, помогая вскрыть и формализовать конкретные механизмы перехода от единиц частных к более

общим [3]. Тем самым результаты изучения выводных обобщений могут быть использованы не только для совершенствования методик обучения обобщенному изложению информации (аннотирование, реферирование текстов, составление резюме), но и с целью оптимизации компьютерных программ смыслового свертывания текстов и автоматического поиска информации.

Основной целью данной статьи является исследование семантики научных обобщений. В частности, внимание будет сосредоточено на регулярных семантических характеристиках выводных обобщений и средствах их языкового выражения.

Материалом для исследования послужили 692 обобщающих высказывания выводного характера из 40 научных статей на английском языке, а также 670 обобщающих высказываний из 65 статей на белорусском языке. Анализируемые статьи выбирались из таких авторитетных рецензируемых изданий лингвистического профиля, как *Style, Syntax, Pragmatics, Journal of English studies, English Studies, Discourse Processes; Весці АН Беларусі, Беларуская лінгвістыка, Веснік Беларускага дзяржаўнага ўніверсітэта* и др. Выявление формально-семантического своеобразия обобщающих высказываний в разносистемных языках представляется актуальным для обнаружения общего и специфического в их реализации.

Прежде всего, рассмотрим необходимый терминологический аппарат, обоснуем исходную концепцию исследования и очертим процедуру семантического анализа высказывания.

С точки зрения выбора исходной терминологии план содержания высказывания целесообразно обозначать не просто как семантику, а как *семантическую структуру* (в широком смысле данного понятия) [4]. Дело в том, что смысловое наполнение высказывания неоднородно и включает достаточно разноплановые элементы. В самом общем виде это, во-первых, – отражение некоторой внеязыковой ситуации (фрагмента действительности), и, во-вторых, – та или иная информация о самом говорящем.

В лингвистической литературе эти два элемента получили множество наименований. С одной стороны, компонент, представляющий некоторую объективную ситуацию, характеризовали как *предмет речи* (В. Г. Гак), *пропозицию, предметное содержание, фактуальное содержание, объективное содержание, тематический компонент*. С другой стороны, компонент, репрезентирующий авторскую позицию, называли как *Я субъекта сообщения, Я модусная рамка* (Г. А. Золотова), *установка на пропозициональное содержание* (Е. В. Падучева, А. А. Зализняк). Деление содержания высказывания на две зоны – собственно сообщение и отношение к нему автора – получило последовательное осуществление в трудах Ш. Балли и нашло свое выражение в терминах *диктум* и *модус* [5]. Таким образом, принципиальное отличие диктума от модуса заключается в том, что в диктумном компоненте отражается некоторое объективное положение дел. В то же время центральной характеристикой модуса является его субъективность, предполагающая указание на «все возможные формы участия говорящего в сообщении» [6, с. 17].

Специфика научного текста предопределяет особый характер отображаемых в нем ситуаций. Поэтому диктумы обобщающих высказываний в языке науки представляют не просто некоторые внешние ситуации, а скорее результаты авторской познавательной активности по освоению окружающего мира. Например: *One conclusion is that the to- infinitive refers to a non-actual event* 'Один из выводов заключается в том, что инфинитив относится к событию, не имеющему места в действительности' [Z. H., p. 463]. В данном высказывании диктум – это сообщение автора о некоторой открытой им объективной закономерности (*the to- infinitive refers to a non-actual event*). В то же время модус данного высказывания – это *One conclusion is that*, поскольку данная часть высказывания содержит указание на авторскую позицию относительно самого сообщения, раскрывая его коммуникативную цель (формулирование вывода) и задавая тем самым определенный ракурс его подачи и рассмотрения.

Целесообразность двухуровневого подхода к анализу семантики высказывания подтверждается разделением главных функций языка на денотативную, с одной стороны, и эмотивную, фатическую и метаязыковую, с другой [7]. Первая «отражает связь высказывания с референтом» [8, с. 251], в то время как комплекс остальных функций находит выход в личностно окрашенный модусный компонент. Сходную идею выдвигает и М. Хэллидей, предлагая отграничивать концептуальную языковую функцию (отражающую результат восприятия автором действительности) от текстовой и оценочно-коммуникативной функций [9]. По сути, модусная информация не является строго необходимой для полноты передачи предметного содержания, и ее основное назначение состоит в наделении высказывания прагматико-коммуникативной определенностью.

В фокусе данной статьи будут находиться только диктумы научных обобщений. Известно, что диктумный компонент высказывания (пропозиция) представляет собой сущность достаточно высокой степени абстракции. Помимо того, что это содержание лишено модально-временной определенности (входящей в сферу компетенции модуса), оно также отражает не конкретную, а типовую, обобщенную, ситуацию, характерную для целого ряда высказываний [10].

Для любой типовой ситуации, лежащей в основе диктума (пропозиции), характерно наличие заданного набора участников, между которыми устанавливаются некоторые отношения (либо приписываются определенные свойства). На языковом уровне типовая ситуация достаточно точно представляется с помощью *ролевой (предикатно-аргументной) структуры*, где участникам ситуации соответствуют аргументы (актанты), а существующие между ними отношения (или приписываемые им свойства) передаются с помощью предиката [11]. Доказательством того, что предикатно-аргументная структура выражает не конкретное, а типовое, обобщенное, значение, является тот факт, что один и тот же состав аргументов и связывающих их отношений можно обнаружить у целого ряда отдельных высказываний.

Вслед за У. Чейфом мы исходим из вербоцентрического подхода к анализу семантики высказывания. Согласно данной точке зрения, смысловым и структурным центром высказывания считается предикат, организующий вокруг себя зависящие от него компоненты. Соответственно, можно полагать, что семантика предиката в значительной мере предопределяет содержание всей диктумной части высказывания [12]. Поэтому при семантическом анализе диктума обобщающих высказываний мы отталкиваемся от значения предиката (который может быть выражен как глагольным, так и именным сказуемым).

В связи с этим в большинстве случаев предикат можно использовать в качестве эксплицитного индикатора того или иного типового значения. В случае отсутствия очевидных указателей или их многозначности необходимо дополнительное диагностическое тестирование, которое позволяло бы разрешать возникающие сомнения. Контрольным тестом для выявления каждого типового значения является своя эксплицитная перифраза, включающая наиболее показательный глагольный предикат в сопровождении предопределяемого им окружения. Рассмотрим следующий пример: *Гэта сінтаксічная адзінка з'яўляецца сродкам фарміравання інфармацыі*. Поскольку в основе данного высказывания лежит именная модель, для уточнения его типового значения необходимо применение глагольной перифразы: «Объект / ситуация А (*сінтаксічная адзінка*) воздействует (может воздействовать) на мир таким образом, что начинает свое существование объект / ситуация В (*інфармацыя*)». Тем самым подтверждается принадлежность значения высказывания к типу 'созидающее каузирующее воздействие'.

Из сказанного выше следует, что для формального представления типового значения диктума может служить не только условная запись в виде предикатно-аргументной структуры, но и перифраза. Так, типовое значение «воздействие агенса на объект» можно представить либо как ролевую структуру (агенса – действие – объект), либо как перифразу типа «кто делает что» [13]. Запись в виде перифразы обладает рядом преимуществ по сравнению с реляционной схемой, поскольку позволяет представить значение высказывания в достаточно эксплицитном виде, давая тем самым возможность его проверки в «эталонном» контексте, с учетом типичных синтагматических связей задействованных единиц [14].

Перейдем к рассмотрению специфики семантического наполнения обобщающих высказываний выводного характера в научных текстах на английском и белорусском языках.

В ходе анализа фактического материала были выделены следующие пять типовых значений, наиболее характерных для диктумов обобщающих высказываний: *каузирующее воздействие, взаимные отношения, существование, функциональное назначение и качественная характеристика*. Первые два значения (*каузирующее воздействие* и *взаимные отношения*) по своей природе неоднородны и включают целый ряд подтипов.

Группа обобщающих высказываний со значением *каузирующего воздействия* включает следующие три подтипа: *неспецифическое каузирующее воздействие*, *созидающее каузирующее воздействие* и *качественно преобразующее воздействие*. Все три значения можно объединить за счет наличия предиката с семантическим признаком ‘cause / каузировать, быть причиной чего-л.’. Для экспликации инвариантного значения служит следующая перифраза: «Объект / ситуация А **воздействует** на объект / ситуацию В таким образом, что объект / ситуация В **начинает претерпевать некоторые изменения**». Как можно видеть, в ролевой структуре диктумов со значением каузирующего воздействия используются два основных актанта: каузатор (агенс) и объект воздействия (пациенс).

Как уже отмечалось, общее значение каузирующего воздействия можно детализировать с помощью определенных вариантов. Так, подтип *неспецифическое каузирующее воздействие* можно представить с помощью следующей формулы: «Объект / ситуация А **воздействует** на объект / ситуацию В таким образом, что объект / ситуация В **начинает претерпевать некоторые, не уточняемые в контексте данного высказывания, изменения**». Эксплицитными маркерами высказываний с данным значением являются такие предикаты, как *determine* ‘обуславливать, определять’, *influence* ‘влиять, воздействовать’, *induce the effect (on)* ‘оказывать влияние на что-л.’; *абумоўліваць, аказваць уплыў (на), упываць (на)*; *depend (on)* ‘зависеть от чего-л.’, *be determined (by)* ‘определяться чем-л.’, *hinge (on)* ‘зависеть от чего-л.’; *зазнаваць уплыў, залежыць (ад), пападаць пад уздзеянне*. Например: *The dependencies underlie grammatical well-formedness* ‘Эти зависимости лежат в основе грамматической правильности’ [Р. Н., р. 98] или *Магчымасць пашырэння складаназалежных сказаў у значнай ступені залежыць ад спосабу ўзаемнага размяшчэння галоўнага і даданных сказаў* [Т. Ш., с. 78].

В основе второй подгруппы обобщений каузирующего воздействия лежат диктумы со значением *созидающего каузирующего воздействия*, которые можно уточнить с помощью перифразы «Объект / ситуация А **воздействует** на мир таким образом, что **начинает свое существование** объект / ситуация В». Основными предикатами в данной группе выступают *give* ‘производить, быть источником’, *give rise (to)* ‘вызывать, порождать’, *make smth possible* ‘делать возможным’, *establish* ‘создавать’, *bring about* ‘вызывать, быть причиной’, *result (in)* ‘приводить, иметь следствием’, *trigger* ‘дать начало чему-л.’, *enable* ‘делать возможным’; *вызначаць, весці (да), утвараць, ляжаць у аснове, фарміраваць*: *This approach is generating so many specific applications* ‘Этот подход порождает множество конкретных способов применения’ [С. Р., р. 376].

Диагностической перифразой для третьей подгруппы обобщений каузирующего воздействия – высказываний со значением *качественно преобразующего воздействия* – является «Объект / ситуация А **воздействует** на объект / ситуацию В таким образом, что **качественные характеристики** объекта / ситуации В **начинают претерпевать определенные изменения**». Эксплицитными маркерами таких обобщающих высказываний являются предикаты типа

make explicit ‘делать ясным’, *transform* ‘преобразовывать’, *weaken* ‘ослаблять’; *развіваць*, *узмацняць*. Данные глагольные лексемы не только указывают на некоторое каузирующее воздействие, но и содержат в себе информацию о том, какие качественные характеристики объектов меняются под этим воздействием: *Semantic dimensions also make incompatible implications explicit* ‘Решение проблемы в семантическом ключе также делает очевидными несовместимые скрытые смыслы’ [S. В., p. 55].

В целом, все три подгруппы высказываний каузирующего воздействия описывают ситуацию с точки зрения субъектно-объектных отношений между двумя участниками [15]. При этом объект воздействия (пациент) предстает как зависимый элемент, подвергающийся некоторому воздействию со стороны субъекта каузации (агенса).

Во второй группе обобщений (*взаимные отношения*) устанавливаются не однонаправленные, а взаимно-равноправные отношения между объектами. Группа взаимных отношений неоднородна по своему составу, но объединяет своих участников за счет общей семы ‘relation / отношение’. Семантику данных высказываний можно эксплицитно представить с помощью следующей перифразы: «Объекты / ситуации А и В вступают друг с другом в некоторые отношения». В зависимости от конкретного значения предиката здесь выделяются подгруппы с такими смыслами, как *взаимосвязь объектов / явлений*, *сопоставление* и отношения *партиципности*. Рассмотрим каждую из выделенных подгрупп подробнее.

Взаимосвязь объектов / явлений может иметь как неспецифический (неопределенный), так и уточненный характер. Неспецифический вид связи указывает только на сам факт наличия взаимных отношений между двумя объектами (‘be related with / состоять в отношениях с’). В высказываниях с данным значением могут использоваться такие двуместные предикаты, как *be associated (with)* ‘быть связанным с чем-л.’, *be connected (with)* ‘быть связанным с чем-л.’, *correlate (with)* ‘находиться в связи’, *interact* ‘взаимодействовать’, *be linked (to)* ‘быть связанным с чем-л.’, *be related (to / with)* ‘быть связанным с чем-л.’; *быць звязаным (з)*, *спалучацца (з)*: *Дыяхранічныя даследаванні досыць цесна звязаны з лінгвістычным мадэліраваннем* [А. Р., с. 37].

Вместе с тем автор может уточнить характер выявленных взаимосвязей. Здесь были установлены две противоположные тенденции. С одной стороны, связь одного объекта с другим может быть представлена как согласующаяся (‘be in the relation of agreement with / состоять в согласующихся отношениях с чем-то’) – *comply (with)* ‘подчиняться, соответствовать чему-л.’, *be consistent (with)* ‘согласовываться с чем-л.’, *follow* ‘придерживаться чего-л.’, *respect* ‘соблюдать, не нарушать’, *support* ‘поддерживать’; *адпавядаць*, *задавольваць*: *Такім чынам, падыходы <...> не нярэчаць адзін аднаму* [Т. Ш.2, с. 107]. С другой стороны, между объектами могут наблюдаться несогласованные отношения (‘be in the relation of disagreement with / состоять в несогласующихся отношениях с чем-то’) – *be independent (of)* ‘быть несвязанным с чем-л.’, *be incompatible (with)* ‘быть несовместимым с чем-л.’, *sit uneasily (with)* ‘находиться

в несоответствии с чем-л.’; *icij adacoblena (ad), parušacъ законы, pryčycъ*: *The SSTH and GTVH are incompatible with the notion of collaboration in humour* ‘Общая теория юмора (GTVH) и теория семантических скриптов (SSTH) несовместимы с понятием сотрудничества в создании юмористического эффекта’ [Г. V., p. 426].

Во второй подгруппе диктумов взаимных отношений акцент делается на сопоставлении объектов / явлений (общий семантический признак – ‘be in the relation of similarity (difference) / состоять в отношении сходства (отличия)’): *differ (from)* ‘отличаться от чего-л.’, *deviate (from)* ‘отклоняться от чего-л.’; *adroznivaцца, ab’ядноўвацца* (чем?): <...> *sets of propositions differ from each other* ‘Наборы пропозиций отличаются друг от друга’.

В-третьих, обобщения со значением взаимных отношений могут включать в свой состав диктумы *партитивности*, фиксирующие вхождение некоторого объекта как части в более широкий класс объектов. При этом для всех предикатов этой подгруппы характерно наличие семантического признака ‘be in the relation of a part to a whole / состоять в отношении «часть – целое»’. Партитивные обобщения строятся на основе таких предикатов, как *be a component (of)* ‘быть составной частью чего-л.’; *be part (of)* ‘быть частью чего-л.’; *быць часткай, уваходзіць (у)*. Например: *The proposed humour enhancers should be a component of such a theory* ‘Предложенные интенсификаторы юмористического эффекта должны быть частью такой теории’ [К. Т., p. 418].

В рассмотренном выше примере отношения партитивности идут от части к целому. Направление связи может быть и обратным, от включающего (целого) к включаемому (части) – *fall (into ... types)* ‘делиться (на группы)’, *include* ‘включать’, *contain* ‘содержать в себе’, *consist (of)* ‘состоять из чего-л.’; *ахопліваць, падзяляцца (на), складацца (з), сумяшчаць у сабе*: *Сінтаксічная схема ва ўсіх прыдатках складаецца з галоўнага слова і залежных слоў* [С. Рп., с. 45].

Помимо высказываний каузирующего воздействия и взаимных отношений к числу диктумов с субъектно-объектной семантикой могут также относиться обобщения *функционального назначения*. Как правило, в их основе лежат глагольные модели с предикатами, указывающими на возможность использования объекта с той или иной целью: *be exploited* ‘использоваться’, *have a function* ‘выполнять функцию’, *serve (as)* ‘служить для’, *be used (as / for)* ‘использоваться как / для’; *дапамагаць, служыць (для), функцыянаваць*. Например: *This satellite is used to underline the study’s significance* ‘Этот спутник используется для того, чтобы подчеркнуть значимость исследования’ [А. R., p. 211]. Прикладной аспект в значении предикатов данной группы подчеркивается семей ‘function / функция’. Контрольное толкование высказываний со значением *функционального назначения* можно представить следующим образом: «Объект / ситуация А может быть использован в некоторой **функции**». Как правило, функциональность в значении обобщающих высказываний совмещается с целевыми характеристиками (для чего?).

Подводя промежуточные итоги, отметим, что типовые ситуации каузирующего воздействия, взаимных отношений и функционального назначения включают, как правило, двух участников, которые в семантической структуре высказывания выполняют либо роли каузатора (агенса) и объекта (пациенса), либо являются равноправными объектами.

Сущностные свойства только одного субъекта представляются в обобщающих высказываниях *качественной характеристики*, показывающих такие черты, которые придают субъекту качественную определенность. Общим семантическим признаком предикатов данной группы является свойственная всем квалифицирующим прилагательным абстрактная сема 'quality / качество'. Под категорией качества в работе понимается «существенная определенность предмета, благодаря которой он существует именно как такой, а не иной предмет» [16, с. 237], или «наличие существенных признаков, свойств, особенностей, отличающих один предмет или явление от других» [17, с. 414].

Очевидно, что наиболее востребованной схемой для передачи значения качественной характеристики является S Cop P_{s(AdjP/NP)}²: *Аб'яднанне галоўнага сказа і другога даданага сказа з'яўляецца цалкам механічным* [Т. Ш.2, с. 106]. В белорусском языке эту схему заполняют глаголы-связки *быць* (в имплицитном виде), *з'яўляцца*, а также полужнаменательные глаголы *вызначацца* (чем?), *выступаць* (чем?), *уяўляць сабой*, используемые в функции связки. Все они служат для введения в предложение некоторой характеристики, выражаемой в именной части сказуемого: *Большасць даўніх запазычанняў з'яўляецца монасемантычнымі адзінкамі* [Д. К., с. 117]. Как и в белорусском языке, для введения информации о качественных характеристиках объектов в английских обобщениях активно задействуется связочный компонент *be* 'являться': *Ambiguity associated with 'and' and 'or' is subtle* 'Неоднозначность, связанная с 'и' и 'или', едва уловима' [А. К., p. 191].

В основе последней, пятой, группы субъектно ориентированных обобщающих высказываний лежит значение *существования объекта*. Обобщения *существования* включают две основные подгруппы, объединяемые за счет наличия в них общей семы 'exist / существовать' и разделяемые по аспектуальному признаку. В обобщающих высказываниях первой подгруппы со значением 'возникновение объекта / явления' мы имеем дело с обязательным присутствием семантического признака 'begin to exist / начинать свое существование', передаваемым в значениях предикатов типа *appear* 'возникать'; *адбывацца, стварацца, узнікаць*: *Абмежаванне колькасці дадanych сказаў узнікае на структурным узроўне* [Т. Ш., с. 76]. В основной массе данных высказываний присутствует указание на место локализации / возникновения объекта, выражаемое обстоятельствами места.

Вторая подгруппа, указывающая на собственно *существование* некоторого объекта / явления во времени или пространстве, предопределяется наличием общего семантического признака 'exist / существовать' и выражается предика-

² Используются следующие символы и сокращения: S – подлежащее, Cop – глагол-связка, NP – группа существительного, AdjP – группа прилагательного, Ps – предикатив.

тами типа *exist* ‘существовать’, *lie* ‘располагаться, находиться’, *occur* ‘встречаться’, *be situated* ‘находиться’; *быць* (в экзистенциальном значении), *існаваць, мець месца, няма: Backward and copy raising / control patterns occur across languages* ‘Обратные и реплицированные модели подъема / управления встречаются во многих языках’ [M. P., p. 190]. Особое место в выражении значения *существования* в англоязычных обобщениях занимает конструкция с формальным подлежащим *there: Beneath the words of a language, there is a series of topoi or topical fields* ‘За словами языка стоит ряд тем или тематических полей’ [J. R., p. 182].

Таким образом, диктумные части обобщающих высказываний могут содержать информацию о таких внутренних неотъемлемых характеристиках изучаемого объекта, как факт его *существования* и *качественные характеристики*. Помимо этого, как было установлено выше, объекты анализа могут описываться автором через их связи с другими сущностями (*каузирующее воздействие, взаимные отношения, функциональное назначение*). Данное семантическое разделение в общем подтверждает мысль С. Д. Кацнельсона, предложившего выделять в рамках простых предложений такие, которые выражают признаки субстанций, с одной стороны, и отношения между субстанциями, с другой [18].

Проследим с помощью таблицы, как типовые значения диктумов обобщающих высказываний реализуются в английском и белорусском языках, какие при этом прослеживаются тенденции, и как проявляется межъязыковое сходство и отличие в вопросе актуализации научных обобщений.

Т а б л и ц а

Употребительность семантических типов диктумов в англо- и белорусскоязычных обобщающих высказываниях выводного характера

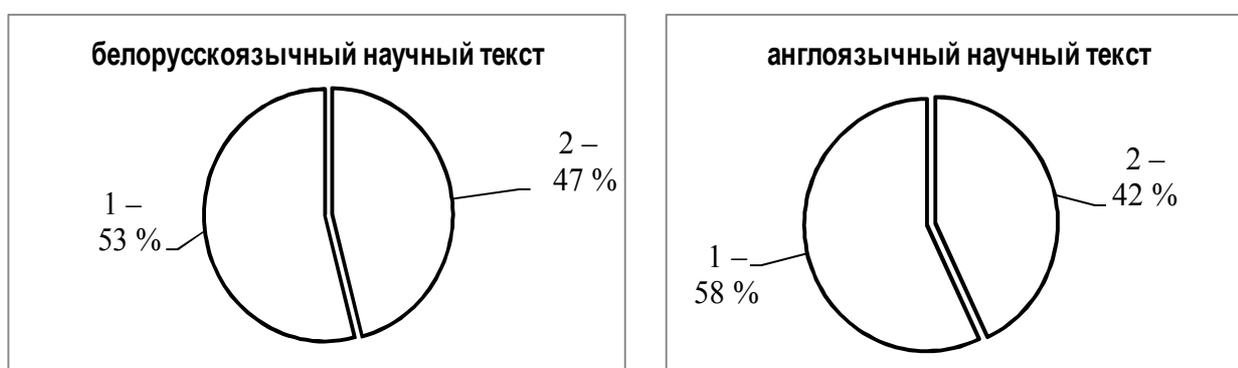
Семантические типы диктумных компонентов высказывания	Употребительность в англоязычных текстах, %	Употребительность в белорусскоязычных текстах, %
Каузирующее воздействие	22	17
Взаимные отношения	14	20
Существование	19	19
Функциональное назначение	22	16
Качественная характеристика	23	28
Всего	100 %	100 %

Как видно из таблицы, англо- и белорусскоязычные ученые изучают в целом аналогичные аспекты окружающего мира и, соответственно, делают о них содержательно сходные выводы.

В то же время в некоторых типах диктумов в английском и белорусском языках наблюдаются определенные отличия. Таблица показывает, что в белорусскоязычных статьях несколько чаще делается акцент на *взаимных отношениях*, тогда как в текстах на английском языке более заметна тенденция к выделению *каузативного воздействия*. Также в англоязычных обобщениях чаще упоминается *функциональный потенциал* исследуемых феноменов.

Как отмечалось выше, обобщающие высказывания можно условно разделить на те, которые характеризуют только один объект (однообъектные обобщения – *качественная характеристика, существование*), и те, которые описывают как минимум два объекта (многообъектные обобщения – *каузирующее воздействие, взаимные отношения, функциональное назначение*).

Продемонстрируем с помощью рисунка, как соотносятся одно- и многообъектные обобщающие высказывания в английских и белорусских научных текстах.

1 – многообъектные обобщающие высказывания; 2 – однообъектные обобщающие высказывания.

Рис. Соотношение однообъектных и многообъектных обобщающих высказываний в белорусско- и англоязычных научных текстах

Как видно из рисунка, доля обобщающих высказываний, описывающих несколько объектов, составляет 58 % и 53 % в английском и белорусском языках соответственно. Преобладание многообъектных обобщений в научном тексте объясняется, по-видимому, тем, что цель любого исследования состоит не столько в описании особенностей отдельных объектов, сколько в выявлении существующих между ними связей. В результате создается представление не об изолированных сущностях, а о некоторой системе, элементы которой предполагают друг друга.

Таким образом, англо- и белорусскоязычные обобщения демонстрируют принципиальное сходство как в вопросе общей номенклатуры выражаемых значений, так и в плане высокой употребительности высказываний, отражающих то или иное взаимодействие нескольких объектов. Что касается межъязыковых отличий, то они в первую очередь касаются частотности конкретных семантических типов диктумов. Так, обобщения на английском

языке несколько чаще указывают на динамические отношения объектов (каузирующее воздействие и особенности функционального назначения). В то же время белорусскоязычные авторы делают больший акцент на использовании так называемых «статических» обобщений (качественная характеристика и взаимные отношения). Вывод о соотношении статических и динамических обобщений делается исходя из разделения предикатов на состояния, с одной стороны, и деятельности, исполнения, достижения, с другой [19].

Обобщая сказанное, отметим, что выделение типовых значений диктумных компонентов научных обобщений позволяет установить их семантическую типологию. Тем самым раскрываются наиболее значимые аспекты действительности, познаваемой автором. Анализ обобщающих высказываний на английском и белорусском языках доказывает преобладание в них многообъектных конструкций, что говорит об очевидной тенденции представлять изучаемые наукой феномены сквозь призму их взаимодействия с окружающим миром. Аналогии в выборе обобщаемых аспектов в англо- и белорусскоязычном научном тексте объясняются функциональным сходством познавательного аппарата человека.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Карпилович, Т. П.* Моделирование процесса смысловой компрессии текста: когнитивно-дискурсивный подход / Т. П. Карпилович. – Минск : МГЛУ, 2003. – 226 с.
2. *Зиневич, Н. В.* Критерии идентификации обобщающих высказываний выводного характера в научном тексте / Н. В. Зиневич // Молодые ученые в инновационном поиске : материалы II Междунар. науч. конф., Минск, 29 мая 2013 г.: в 2 ч. / Мин. гос. лингв. ун-т; редкол.: Т. П. Карпилович (отв. ред.) [и др.]. – Минск, 2014. – С. 170–174.
3. *Зиневич, Н. В.* Ретроспективные связи обобщающих высказываний / Н. В. Зиневич // Вестн. Мин. гос. лингв. ун-та. Сер. 1, Филология. – 2013. – № 1 (62). – С. 41–50.
4. *Кобозева, И. М.* Лингвистическая семантика : учебник / И. М. Кобозева. – 4-е изд. – М. : Книжный дом «Либроком», 2009. – 359 с.
5. *Балли, Ш.* Общая лингвистика и вопросы французского языка / Ш. Балли. – М. : Изд-во иностр. лит., 1955. – 416 с.
6. *Краснова, Т. И.* Субъективность – Модальность (материалы активной грамматики) / Т. И. Краснова. – СПб. : Изд-во СПбГУЭФ, 2002. – 189 с.
7. *Jakobson, R.* On language: Roman Jakobson / ed.: R. Jakobson [et. al.]. – Cambridge, MA : Harvard Univ. Press, 1998. – 672 p.
8. *Гак, В. Г.* Языковые преобразования / В. Г. Гак; под ред. А. Д. Кошелева. – М. : Языки рус. культуры, 1998. – 763 с.
9. *Halliday, M. A. K.* An introduction to functional grammar / M. A. K. Halliday. – Suffolk : Edward Arnold, 1985. – 388 p.

10. *Fillmore, Ch.* The case for case / Ch. Fillmore // *Universals in linguistic theory*; ed. by E. Bach, R. T. Harnes. – New York : Holt, Rinehart, and Winston, 1968. – P. 1–88.
11. *Богданов, В. В.* Семантико-синтаксическая организация предложения / В. В. Богданов. – Л. : Изд-во Ленинград. гос. ун-та, 1977. – 203 с.
12. *Чейф, У. Л.* Значение и структура языка / У. Л. Чейф. – М. : Едиториал УРСС, 2003. – 424 с.
13. *Волохина, Г. А.* Синтаксические концепты русского простого предложения / Г. А. Волохина, З. Д. Попова. – Воронеж, 1999. – 196 с.
14. *Никитина, С. Е.* Семантический анализ языка науки: На материале лингвистики / С. Е. Никитина; отв. ред. Н. А. Слюсарева. – М. : Книжный дом «Либроком», 2014. – 146 с.
15. *Адмони, В. Г.* Синтаксис современного немецкого языка: система отношений и система построения / В. Г. Адмони. – Л. : Наука, 1973. – 366 с.
16. Новая философская энциклопедия : в 4 т. / Ин-т философии РАН, Нац. общ.-науч. фонд; под ред. В. С. Степина. – 2-е изд. – М. : Мысль, 2001. – Т. 2. – 634 с.
17. Толковый словарь русского языка / С. И. Ожегов; под ред. Л. И. Скворцова. – 26-е изд. – М. : ООО «Издательство Оникс»; ООО «Издательство «Мир и образование», 2009. – 1360 с.
18. *Кацнельсон, С. Д.* Типология языка и речевое мышление / С. Д. Кацнельсон. – Л. : Наука, 1972. – 213 с.
19. *Huddleston, R.* The Cambridge grammar of the English language / R. Huddleston [et al.]. – Cambridge : Cambridge Univ. Press, 2002. – 1842 p.

ИСТОЧНИКИ ПРИМЕРОВ

- A. K. – *Adams, K. A.* Revisiting the ambiguity of ‘and’ and ‘or’ in legal drafting / K. A. Adams, Kaye A. S. // *St. Johns law rev.* – 2006. – Vol. 80. – P. 1167–1195.
- A. R. – *Rimrott, A.* The discourse structure of research article abstracts – A rhetorical structure theory (RST) analysis / A. Rimrott // *Proc. of the 22nd North West linguistics conf. (NWLC)*, Burnaby, Canada, 18–19 Febr. 2006 / Simon Fraser Univ., Linguistics graduate stud. assoc.; ed.: N. Carter, L. Hadic, A. Rimrott [et al.]. – P. 207–220.
- C. P. – *Perfetti, A. C.* The limits of co-occurrence: Tools and theories in language research / C. A. Perfetti // *Discourse processes.* – 1998. – Vol. 25 (2, 3). – P. 363–377.
- J. R. – *Joelle, R.* Discourse markers: a challenge for natural language processing / R. Joelle // *AI Communications.* – 1997. – Vol. 10, № 3/4. – P. 177–184.
- K. T. – *Triezenberg, K.* Humour enhancers in the study of humorous literature / K. Triezenberg // *Intern. j. of humour research.* – 2004. – Vol. 17, № 4. – P. 411–418.
- M. P. – *Polinsky, M.* Expanding the scope of control and raising / M. Polinsky, E. Potsdam // *Syntax.* – 2006. – Vol. 9 (2). – P. 171–192.
- P. H. – *Hallman, P.* Symmetry in structure building / P. Hallman // *Syntax.* – 2004. – Vol. 7 (1). – P. 79–100.

S. B. – *Bergler, S.* Semantic dimensions in the field of reporting verbs / S. Bergler // Making sense of words: proc. of the 9th annu. conf. of the UW Centre for the New OED and Text Research, Oxford, U.K., September, 1993 / the Univ. of Waterloo. – Oxford, 1993. – P. 44–56.

T. V. – *Veale, T.* Incongruity in humor: Root cause or epiphenomenon? / T. Veale // Intern. j. of humour research. – 2004. – Vol. 17 (4). – P. 419–428.

Z. H. – *Hamawand, Z.* Determinants of complement clause variation in English / Z. Hamawand // Engl. studies. – 2004. – Vol. 85, № 6. – P. 451–464.

A. P. – *Рудэнка, А. М.* Кагнітыўныя працэсы ў сінхраніі і дыяхраніі / А. М. Рудэнка // Беларус. лінгвістыка. – 1996. – Вып. 45. – С. 33–37.

Д. К. – *Кананенка, Д. А.* Асабовыя назоўнікі нямецкага паходжання ў мове беларускай мастацкай прозы / Д. А. Кананенка // Весн. Віцеб. дзярж. ун-та. – 2007. – № 4 (46). – С. 111–117.

С. Рп. – *Рапацэвіч, С. Я.* Адасобленыя азначэнні ў пражскіх выданнях Францыска Скарыны / С. Я. Рапацэвіч // Беларус. лінгвістыка. – 2002. – Вып. 52. – С. 41–46.

Т. Ш. – *Шэмет, Т. Я.* Парадак размяшчэння галоўнага і даданых сказаў у складаназалежных сказах ускладненнай будовы з паслядоўным падпарадкаваннем / Т. Я. Шэмет // Беларус. лінгвістыка. – 2005. – Вып. 55. – С. 74–78.

Т. Ш.2 – *Шэмет, Т. Я.* Складаназалежныя сказы ўскладненнай будовы з паслядоўным падпарадкаваннем / Т. Я. Шэмет // Весн. Нац. акад. навук Беларусі. Сер. Гуманіт. навукі. – 2006. – № 1. – С. 105–111.

The paper looks into the content plane of scientific generalizing utterances. The analysis is conducted from the *modus-dictum* perspective. It was found out that *dictum* parts of generalizations can express such typical meanings as *causative effect*, *mutual relations*, *functional potential*, *quality* and *existence*. In both English and Belarusian scientific generalizations there was established a tendency to characterize not one but several objects.

Т. Ф. Иванова, Е. И. Черевако

**ПРАГМАКОММУНИКАТИВНЫЕ ФУНКЦИИ ЧАСТИЦ
В НЕМЕЦКОЯЗЫЧНОЙ ПАРЛАМЕНТСКОЙ РЕЧИ
(ДОКЛАД, ВЫСТУПЛЕНИЕ)**

Исследуется функционирование частиц немецкого языка в аспекте выполняемых ими коммуникативно-прагматических функций в текстах публичной парламентской коммуникации. На основе анализа сплошной языковой выборки в текстах двух жанров парламентской речи – докладов и выступлений – выявлена способность частиц акцентировать компоненты высказывания, маркировать речевую часть высказывания, участвовать в организации дискурса.

Частицы современного немецкого языка многочисленны и многообразны по своим функциям в речи и являются объектом многих лингвистических исследований. Однако до настоящего времени определение их статуса в линг-

вистике нельзя считать общепринятым, поскольку не установлены четкие критерии разграничения частиц и других значимых разрядов неизменяемых слов, нет единодушного признания наличия у частиц лексического и грамматического значения, не выделен определенный для каждого языка набор их разновидностей и функциональных особенностей. Характеристика частиц как класса слов, занимающего промежуточное положение между наречиями, модальными словами и союзами, объясняет сложность рассматриваемого языкового феномена как в семантическом и грамматическом аспекте, так и при описании их функционирования на уровне предложения-высказывания и текста.

Немецкая лингвистика и лексикография на протяжении многих десятилетий не выдвигала определений, характеризующих назначение частиц, и не столько называла, сколько, ссылаясь на образное выражение К. Бюлера – «обзывала» их «бесцветной начинкой» – *farblose Redefüllsel*, «словами-наполнителями» – *Füllwörter*, «словами-заплатами» – *Flickwörter*, «словами-приправами» – *Würzwörter* и даже «насекомыми в меху нашего языка» – *Läuse im Pelz unserer Sprache* [1]. В специальной немецкоязычной литературе в настоящее время встречаются также различные термины для их обозначений: *Partikel*, *Modalwort*, *Modalartikel*, *Beiwort*, *Flickwort*, *Lagewort*, *Satzadverb*.

В традиционной немецкой грамматике термин «частицы» употреблялся, как правило, в широком смысле, для обозначения всех морфологически неизменяемых слов: наречий, союзов, предлогов. В частности, в таком понимании рассматривает частицы Х. Глинц, относя к ним все морфологически неизменяемые слова и обозначая термином «частицы» наречия, союзы, предлоги, частицы и междометия, не учитывая ни семантического, ни синтаксического критериев различения данных классов слов [2, с. 5]. Тезис, согласно которому частицы принадлежат к основным и совершенно необходимым средствам языкового общения, и их необходимо рассматривать отдельно от других функциональных разрядов слов, впервые выдвинут российскими лингвистами. Понятие «частица» в узком смысле слова введено в русской грамматике В. В. Виноградовым, который определял частицы как такие классы слов, которые обычно не имеют самостоятельного значения, но вносят дополнительные смысловые оттенки в значения других слов, группы слов, предложения или служат для выражения разного рода грамматических отношений [3, с. 504]. Обширная система частиц немецкого языка также была подробно исследована российскими лингвистами, выделившими частицы в самостоятельный класс слов на основе семантического, морфологического и синтаксического критериев, что в свое время оказало значительное влияние на взгляды немецких ученых [4, с. 66–67]. В настоящее время большинство немецких грамматистов рассматривают частицы как самостоятельные части речи [5; 6].

Понимание частиц как отдельной части речи позволило лингвистам более точно определить их морфологическую, синтаксическую и семантико-прагматическую функции. Было отмечено, что частица может получать самостоятельный смысл только в предложении, а ее значение состоит в том, что она придает

известный оттенок речи, который улавливается только из контекста. В частности, В. В. Виноградов писал: «Частицами называются классы таких слов, которые обычно не имеют вполне самостоятельного реального или материального значения, а вносят дополнительные оттенки в значения других слов, предложений или же служат для выражения разного рода грамматических (и логических, и экспрессивных) отношений; лексические значения этих слов совпадают с их грамматическими, логическими или экспрессивными стилистическими функциями. Поэтому семантический объем этих частиц очень широк, их лексико-семантические значения очень подвижны, они находятся во власти синтаксического употребления» [3, с. 544]. В специальных исследованиях большинство лингвистов придерживаются данной точки зрения и отмечают способность частиц связывать высказывание с предыдущим предложением-высказыванием и выражать с их помощью определенные интенции [7, с. 10–11]. Тем самым определяется возможность воздействия с помощью частиц на участника коммуникации, реализацию чего можно установить только при рассмотрении конкретного продукта речевой деятельности, а именно, в предложении-высказывании, которое отражает взаимоотношения участников процесса коммуникации, контекст и речевую ситуацию.

Развитие прагматических теорий (теории речевых актов, теории пресуппозиций, теории фреймов) послужило толчком для усиления лингвистического интереса к функционированию частиц. Новый терминологический аппарат предоставил возможность адекватного описания их ярко выраженной прагматической сущности и функциональных характеристик как особого класса в системе служебных слов. Авторами исследований функциональных характеристик частиц на материале разных языков подчеркивается существенная коммуникативная роль частиц, которые ярко выявляют прагматическую направленность высказывания, особенно в устной коммуникации [6; 7].

Парламентская речь, представляющая собой компонент и особый жанр политического дискурса, является по форме представления устной коммуникацией. Исследователи текстов парламентских речей указывают на то, что существует ряд конкретных требований, которым, как и любое публичное выступление, должна соответствовать современная парламентская речь. Основной ее особенностью является, как правило, выдвижение какого-то тезиса/положения социального значения и защита своей или отвержение чужой позиции. Речь должна быть при этом убедительной, доказательной, логичной, что объективизирует необходимость обращения депутатов парламента к изучению риторики с целью добиться желаемого эффекта и успеха в парламентских выступлениях.

В парламенте/бундестаге ФРГ публичная речь продуцируется в таких основных жанрах, как доклад, выступление, вопрос и реплика [8, с. 2–4]. Приведенные в данной статье примеры являются частью языковой выборки, составленной на основе взятых из стенографических записей текстов докладов и выступлений в бундестаге объемом в 40 000 лексических единиц для каждого жанра [9].

Результаты количественного анализа языковой выборки из текстов докладов и выступлений демонстрируют разницу в частотности употребления модальных частиц в зависимости от жанра, а также особенности их функционирования. Разница в частотности употребления частиц в жанрах доклада и выступления составила 60 единиц (табл. 1):

Т а б л и ц а 1

Частотность употребления модальных частиц
в текстах докладов и выступлений

Частицы	Доклад	Выступление
<i>nur</i>	36	41
<i>ja</i>	23	16
<i>einmal</i>	16	32
<i>doch</i>	12	16
<i>erst</i>	10	20
<i>allein</i>	9	8
<i>schon</i>	8	16
<i>eigentlich</i>	3	19
<i>denn</i>	2	5
<i>einfach</i>	2	8
Общее количество	121	181

Очевидно, что различная количественная представленность частиц обусловлена различиями в типологических чертах доклада и выступления как жанров публичной речи, а именно: речь докладчика, имеющая письменную основу и содержащая предметную информацию, как правило, зачитывается оратором. Подготовленный текст выступления чаще не зачитывается, а воспроизводится устно, в процессе чего в выступлении могут появиться разнообразные языковые средства риторического характера.

Думается, что выявленные модальные частицы представляют в жанрах доклада и выступления особый интерес, прежде всего, с коммуникативно-прагматической точки зрения как незначительные слова, отражающие «не столько отношения между элементами описываемого в высказывании фрагмента действительности, сколько отношения между элементами структуры дискурса» [10, с. 9]. Мы придерживаемся мнения лингвистов, согласно которому частицам как знаменательным словам свойственны универсальные прагматические свойства, а именно: способность акцентировать часть высказывания, маркировать речевую часть высказывания, участвовать в организации дискурса, обеспечивая его когезию и когерентность [6; 10]. Исследование коммуникативно-прагматического аспекта употребления выявленных частиц

в текстах парламентских докладов и выступлений позволяет на конкретных примерах рассмотреть их функционирование в рамках вышеуказанных прагматических свойств.

Доклад является основным информационным жанром публичной речи в бундестаге ФРГ. Речи докладчиков, как упомянуто выше, по своей форме имеют письменную основу, построены по четкому плану и содержат, в основном, предметно-логическую информацию. В подготовленном письменном тексте доклада и в его устной презентации частицы встречаются достаточно часто (см. табл. 1). Частицы *nur, ja, einmal, doch, erst, allein* акцентируют части высказывания, перед которыми они употреблены и выступают как средство логико-грамматического членения предложения-высказывания, участвуя тем самым в выдвигании нужного смысла в рамках текстового целого:

– ...**Allein** die Haushaltsansätze im Auswärtigen Amt haben sich seit der Zeit [...] ungefähr verzehnfacht.

– Jeder Terrorist, der eine Explosion auslöst oder der Schüsse abgibt, weiß, dass er Menschen trifft, die er in der Regel **nicht einmal** kennt, die ihm nichts getan haben, die ihm nichts schuldig sind.

– Wir stehen auch in dem Bewusstsein zusammen, dass der Terror nicht **erst** mit dem 11. September 2001 in die Welt gekommen ist und dass er auch nicht von heute auf morgen verschwinden wird.

– Diese V-Leute sind **ja** Menschen, mit denen man vielleicht nicht so gerne zusammenarbeiten möchte, aber man braucht sie, um an Informationen zu gelangen.

– Denn da sie kurzfristig nicht zu realisieren sein werden, können sie im Zweifel **nur** Verunsicherung schüren.

Таблица 2 представляет данные, согласно которым наиболее распространенные модальные частицы употребляются в жанре доклада, прежде всего, для акцентирования определенных частей высказывания, реализуя один из частотных логико-риторических приемов аргументации.

Т а б л и ц а 2

Функционирование частиц в докладах

Частица	Функционирование		
	акцентирование частей высказывания	маркирование ремы	организация дискурса
<i>nur</i>	+	–	–
<i>ja</i>	+	–	+
<i>einmal /nicht einmal</i>	+	–	–
<i>doch</i>	–	–	+
<i>erst</i>	+	+	–
<i>allein</i>	+	+	–

Помимо актуализации членов высказывания частицы *allein* и *erst* в вышеприведенных примерах выступают в роли рематизаторов, маркируя составляющие рема-тематической пары и тем самым способствуя упорядоченности компонентов предложения по их коммуникативной значимости. Очевидно, что, выделяя какой-либо компонент высказывания и сосредотачивая на нем внимание, частицы участвуют в логико-грамматическом членении предложения и способны смещать (вместе с интонацией) логическое ударение в предложении-высказывании.

Кроме того, анализ текстов докладов свидетельствует о том, что модальные частицы в докладах, указывая слушающим на известный факт, способствуют организации дискурса и выступают как пресуппозиционные маркеры, что отмечают авторы лингвистических исследований на материале русского языка [11, с. 20–21], например:

– *Ja, Bürger sein und nicht Untertan, das ist **doch** nur möglich, wenn es eine freie Presse gibt, wenn wir ungehindert an die Informationen kommen können, die uns eine eigene Meinung, ein eigenes Urteil erlauben.*

– *Das drückt in vielen Ländern **ja** ein wichtiges Grundverständnis zwischen Staat und Bürgern aus.*

Таким образом, примеры показывают, что модальные частицы в жанре доклада, эксплицируя позицию говорящего, его интенции, участвуют в акцентировании частей высказывания, выступают как рематизаторы и одновременно влияют на формально-грамматическую связность текста, то есть в определенной степени обеспечивают как формально-грамматическую (когезию), так и семантико-прагматическую (когерентность) связность текста доклада.

Выступление как жанр политической парламентской речи имеет в содержательном аспекте, как и доклад, четкую логико-смысловую основу. В тексте выступления также широко используются приемы аргументации (выдвижение и опровержение тезисов, умозаключения, доводы, выводы), но выступление, в отличие от доклада/содоклада, как правило, не зачитывается, а воспроизводится по памяти. Кроме того, для выступления, в отличие от доклада, характерны черты аргументативно-аналитических рассуждений, в процессе которых используется значительное количество разнообразных средств интенсификации и экспрессивизации, риторических и полемических приемов.

Анализ проведенной языковой выборки показывает, что наиболее употребительными модальными частицами являются в этом жанре *nur*, *einmal*, *erst*, *eigentlich*, *doch*, *ja*, *schon*. Особенности функционирования наиболее употребительных частиц жанра выступлений приведены в табл. 3.

Функционирование частиц в выступлениях

Частица	Частотность употребления (на 40 000 слов)	Функционирование		
		акцентирование частей высказывания	маркирование ремы	организация дискурса
<i>nur</i>	41	+	+	-
<i>einmal</i>	32	-	-	+
<i>erst</i>	20	+	+	-
<i>eigentlich</i>	19	+	-	-
<i>doch</i>	16	-	-	+
<i>ja</i>	16	+	-	+
<i>schon</i>	16	-	-	+

Полученные данные также свидетельствуют об активной роли частиц в акцентировании частей высказывания в текстах данного жанра, что аналогично их роли в жанре доклада, то есть выдвигают нужный смысл в рамках текстового целого. Частицы, как бы прикрепляясь к какому-либо компоненту высказывания, который может быть представлен словом, словосочетанием или целой предикативной единицей, проявляют себя тем самым как средство структурного и смыслового выделения этих компонентов и усиливают аргументацию. По мнению лингвистов, в том, что частицы сообщают высказыванию некоторый дополнительный смысл, проявляется их информативность [12, с. 10–11]:

– *Dass ein vermeintlich schwedisches Möbelhaus im Jahr 2010 über 2 Milliarden Euro Gewinn in Europa gemacht und darauf **nur** 48 000 Euro Steuern gezahlt hat, ist nicht in Ordnung.*

– *Deswegen möchte ich an dieser Stelle schon daran erinnern, dass **erst** vor einigen Monaten der Europarat Fälle von Rassismus und Diskriminierung in Deutschland gerügt hat.*

– *Man muss **ja** oft Jahre warten, bis sich ein Gesetz als erfolgreich herausstellt.*

Как и в жанре доклада, модальные частицы в жанре выступления могут влиять на коммуникативную значимость компонентов предложения и маркировать рематическую информацию:

– ***Nur** wenige Länder in Afrika sind derzeit in der Lage, den notwendigen Technologieaufbau zu leisten.*

– ***Erst** im Juli dieses Jahres stellte der Verbund internationaler Raumfahrtagenturen genauestes Kartenmaterial zur Verfügung.*

Необходимо отметить в текстах выступления наличие достаточно большого количества частиц, типичных для разговорно-обиходного стиля (*einfach, einmal, eigentlich*), что отличает текст выступления от текста доклада и приближает текст выступления к разговорной речи:

– *Ich verstehe nicht, warum wir das heute nicht **einfach** tun.*

– *Jetzt sind Sie endlich **einmal** wach geworden.*

Как видно из примеров, в некоторых случаях частицы могут передвигаться к концу предложения и частично брать на себя функции интонации, оставаясь все же дополнительным лексическим средством логико-грамматического членения предложения.

В выступлении для усиления выразительности того или иного высказывания в форме риторического вопроса активно используются частицы *denn* и *eigentlich*:

– *Wie können wir **denn** sicher sein, dass der NSU nur aus drei Leuten bestand?*

– *Was passiert **eigentlich**, wenn sie sie nicht einhalten? Oh, dann passiert gar nichts.*

В обоих вышеприведенных примерах частицы как средство диалогизации изложения способствуют установлению контакта с адресатом, сокращению дистанции между отправителем и получателем сообщения и служат как средство выражения персуазивности.

Важной функцией частиц в жанре выступлений является, так же, как и в жанре доклада, организация дискурса:

– *Die Frage ist nur: Wie kann man das tatsächlich regeln? Die Männer sind in diesen Berufen **ja** nicht deswegen unterrepräsentiert, weil sie strukturell benachteiligt sind, sondern weil diese Berufe so schlecht bezahlt sind.*

В данном примере частица *ja*, реализуя функцию усиления, подчеркивает очевидность описываемого социального явления.

– *...das ist **doch** wirklich eine Verknennung der Tatsache, dass Frauen in unserer Gesellschaft immer noch strukturell benachteiligt werden.*

Частица *doch* вносит в высказывание оттенок значения противопоставления и подчеркивает тем самым настойчивость и негодование. То, что вышеуказанные частицы выступают в данных примерах как маркеры пресупозиции, свидетельствует об их роли в обеспечении когерентности. Свое влияние на когерентность текста оказывают также частица *einmal* (см. выше), которая является средством выражения модального смысла всего предложения-высказывания.

Примеры языковой выборки однозначно свидетельствуют о том, что частицы как в текстах парламентских докладов, так и парламентских выступлений играют важную роль, в первую очередь, в выражении аргументации. Их употребление определяется необходимостью для отправителя сообщения создать риторический эффект, который содержательно связан с обоснованием какого-либо факта или выражением оценки содержания высказывания. Частицы участвуют в выстраивании иерархии компонентов смысла высказывания в соответствии с их коммуникативной значимостью и тем самым актуализируют значимое в высказывании, благодаря чему со стороны отправителя информации возможно достижение желаемого воздействия на адресата с помощью вербальных средств. В текстах обоих жанров частицы способны выразить отношение говорящего к внеязыковой и языковой ситуации, а, следовательно, его пресуппозиционную базу и интенции, другими словами,

весь комплекс прагматических значений. Можно предположить, что они играют важную роль также в интонационном оформлении текста доклада и выступления в процессе их реализации. Итоги проведенного исследования на материале немецкоязычных текстов парламентских докладов и выступлений полностью подтверждают мнение в отношении прагмакоммуникативной значимости частиц, представленное в одной из новейших монографических работ на материале русского языка: «Частица является <...> весомым семантическим компонентом в структуре предложения и целого текста. <...> Изъятие частицы <...> способно разрушить все предложение и в смысловом, и в структурном аспектах» [7, с. 102].

Результаты анализа прагмакоммуникативных функций частиц намечают перспективы использования полученных данных при осуществлении исследования переводческого характера, подразумевающего анализ вариантов адекватной передачи смысла высказываний в текстах докладов и выступлений, содержащих частицы, с учетом всего комплекса выполняемых ими функций, включая функционирование частиц в семантико-стилистическом аспекте.

ЛИТЕРАТУРА

1. Соколова, М. Е. Функционально-семантическая специфика немецких модальных частиц как маркеров пресуппозиционального дейксиса : автореф. дис. ... канд. филол. наук : 10.02.04 / М. Е. Соколова; Волгоградский гос. ун-т. – Волгоград, 2006. – 24 л.
2. Пророкова, В. М. Слова – «приправы», слова – «заплаты». Модальные частицы в немецком языке / М. В. Пророкова. – М. : Высш. шк., 1991. – 127 с.
3. Виноградов, В. В. Русский язык. Грамматическое учение о слове / В. В. Виноградов. – М. : Высш. шк., 1986. – 640 с.
4. Адмони, В. Г. Строй современного немецкого языка / В. Г. Адмони. – Ленинград : Просвещение, 1972. – 312 с.
5. Sommerfeldt, K. E. Einführung in die Grammatik der deutschen Gegenwartssprache / K. E. Sommerfeldt, G. Starke, W. Hackel. – Verlag Bibliographisches Inst. – Leipzig, 1992. – 327 S.
6. Müller, Sonja. Modalpartikeln / S. Müller. – Universitätsverlag Winter. – Heidelberg, 2014. – 100 S.
7. Колесникова, С. М. Русские частицы: семантика, грамматика, функции : монография / С. М. Колесникова. – 3-е изд., стереотип. – М. : ФЛИНТА : Наука, 2015. – 112 с.
8. Константинова, А. С. Коммуникативно-прагматические и функционально-стилистические характеристики немецко- и русскоязычной публичной парламентской речи (на материале стенограмм пленарных заседаний бундестага ФРГ и госдумы РФ) [Электронный ресурс] / А. С. Константинова. – Пятигорск : ФГБОУ ВПО «Пятигорский государственный лингвистический университет», 2012. – Режим доступа : <http://www.science-education.ru/pdf/2012/6/365.pdf>. – Дата доступа : 25.01.2015.

9. Drucksachen und Plenarprotokolle des Bundestages: aktuelle Dokumente [Elektronische Quelle] / Deutscher Bundestag. – Berlin, 2015. – Zugang : <http://pdok.bundestag.de/index.php?start=pp>. – Zugangsdatum : 20.12.2014-15.05.2015.
10. *Матько, И. Д.* Коммуникативные функции дискурсивных модальных частиц во французском языке : монография / И. Д. Матько. – Гродно : ГрГУ, 2008. – 191 с.
11. *Логинова, И. Ю.* Персуазивность как механизм воздействия в политическом дискурсе: программа политической партии и манифест / И. Ю. Логинова // Интерпретация. Понимание. Перевод : сб. науч. ст. – СПб. : Изд-во СПбГУЭФ, 2005. – С. 240–248.
12. *Стародумова, Е. А.* Акцентирующие частицы в русском языке / Е. А. Стародумова. – Владивосток : Изд-во Дальневост. ун-та, 1988. – 96 с.

The article focuses on sentences with the particle in two main genres of German parliamentary discourse (report, speech) and their communicative-pragmatic functions.

СЛОВО В РАЗНЫХ ЯЗЫКАХ И КУЛЬТУРАХ

Дж. Аль Шибани

ОЦЕНОЧНАЯ ЛЕКСИКА КАК СРЕДСТВО УСИЛЕНИЯ КАТЕГОРИЧНОСТИ ВЫСКАЗЫВАНИЯ В ДИПЛОМАТИЧЕСКОМ ДИСКУРСЕ

В статье рассматриваются лексические оценочные единицы, способствующие повышению категоричности высказываний в дипломатическом дискурсе на русском и арабском языках. К таким единицам относятся, главным образом, прилагательные, в особенности негативной семантики, которые усиливают категоричность высказываний, содержащих модальные средства необходимости и достоверности, а также отрицательные предикаты. Установлено, что арабоязычные коммуниканты стараются избегать в категоричных высказываниях частого употребления негативной оценочной лексики, поскольку она может привести к непониманию и обострению отношений.

В фокусе современного языкознания сегодня находятся прагматические характеристики, социокультурные мотивации, экстралингвистические факторы, влияющие на построение дискурсов различных типов. При этом институциональные формы дискурса предоставляют лингвистам широкий спектр возможностей для лингвистического анализа. Дипломатический дискурс, будучи важнейшим типом институционального дискурса, обеспечивает достижение внешнеполитических целей государства, заключение договоренностей, разрешение конфликтов. Однако в лингвистической науке дипломатический дискурс остается недостаточно изученным в плане коммуникативно-прагматического аспекта, в частности, с точки зрения языковой категории категоричности.

В результате проведенного исследования впервые выявлены наборы языковых средств выражения категоричности высказывания, а также ее усиления и смягчения в дипломатическом дискурсе на русском и арабском языках. Под категоричностью в настоящем исследовании понимается безапелляционность, чрезмерная уверенность в знаниях и позиции адресанта. К основным средствам выражения категоричности высказывания в дипломатическом дискурсе относятся модальные единицы необходимости и категорической достоверности [1], а также разноуровневые средства отрицания [2].

Наиболее широко представленной категорией средств, повышающих категоричность, является оценочная лексика как позитивной, так и особенно негативной направленности. Оценочные единицы, в частности, наречия-интенсификаторы и аффективные прилагательные являются средствами реализации эмоциональной аргументации, которая в совокупности с логическими аргументами придает большую убедительность высказываемым положениям [3].

Лингвисты, занимающиеся проблемой категоричности, отмечают немаловажную роль оценочной лексики при выражении и усилении категоричности высказывания [4; 5; 6]. Так, К. Ю. Малышкин, исследуя вопросы категоричности

на материале различных функциональных стилей, отмечает, что «категоричность имеет особую связь с категорией оценки; оценка выступает сущностью, для которой степень категоричности выражения является неотъемлемой характеристикой» [4, с. 8].

В рамках данного исследования оценка понимается нами как «отношение, связь, устанавливаемая между ценностной ориентацией говорящего и обозначаемой реальностью, оцениваемой положительно или отрицательно по какому-либо основанию в соответствии со стандартом бытия вещей или положению дел в некоторой картине мира, лежащей в основании оценки» [7, с. 22]. Специфика оценочного высказывания в целом заключается в выражении оценочного значения, т.е. «ценностного отношения субъекта речи к определенному свойству обозначаемого» [7, с. 54]. Главное назначение оценочных высказываний состоит в оказании влияния на адресата, поскольку они уже сами по себе выражают рекомендации, побуждения к действию, предостережения, похвалу или осуждение [8].

Как показал анализ оценочной лексики, используемой в дипломатическом дискурсе для усиления категоричности, эта лексика, представленная в основном именами прилагательными и наречиями, может относиться как к положительному, так и отрицательному виду оценок. Приведем примеры употребления позитивной лексики (*блестящий, приемлемый, реалистичный, эффективный; فعال* ‘эффективный’ и др.), усиливающей категоричность высказываний в дипломатическом дискурсе на русском и арабском языках. Например, в следующем высказывании из русскоязычного дискурса категоричность, выражаемая отрицательным модальным предикатом *не может быть*, усиливается, на наш взгляд, с помощью оценочного прилагательного *разумный*:

*В настоящих условиях предлагаемому пути переговорного решения проблемы не может быть **разумной** альтернативы [A1].*

В нижеприведенном отрицательном высказывании из арабоязычного дипломатического дискурса его категоричность еще более усиливается за счет употребления прилагательного *مستقر* ‘стабильный’, подчеркивающего условия достижения договоренностей между государствами:

- *إطلاقاً لا سوريا ولا السعودية ولا أمريكا ولا فرنسا إذا لم يتوافق اللبنانيون لن نصل إلى حل مستقر، من هنا أنا قلت أن الرئيس ساركوزي تسرع في إصدار حكمه من القاهرة.*

– ‘Никто никогда не сможет вмешаться в ливанские дела: Ни Сирия, ни Саудовская Аравия, ни Америка, ни Франция, если не договорятся с ливанцами и не примут **стабильного** решения’ [B1].

Однако более сильный эмоциональный заряд несут негативные оценочные единицы, усиливающие категоричность высказываний в дипломатическом дискурсе:

*Конечно, мы не застрахованы ни от разногласий с другими государствами, ни от **безответственных** действий руководства некоторых из них. Разумеется, нас не устраивает, что с помощью **ангажированных** информационных кампаний нам пытаются отказать в праве отстаивать свои законные*

интересы, принимать и приводить в жизнь суверенные решения в сфере национальной безопасности, защищать своих граждан и принципы международного права [A2];

!! ونحن إستغربنا من هذه الكذبة فليس معقولا أن تكون جميع الجوازات وبهذا العدد الهائل كلها مزورة وليس بها ! جواز سفر واحد صحيح.

‘Мы шокированы этой **неразумной** ложью о том, что все паспорта в таком огромном количестве были поддельные и ни один из них не был настоящим’ [B2].

Как показывает анализ, в большинстве случаев позитивный или негативный заряд усилительных оценочных единиц проявляется в соответствующем контексте, что можно наблюдать в следующих примерах:

*Ошибка тех, кто проводит аналогии между нынешним глобальным финансово-экономическим кризисом и «Великой депрессией» 30-х годов прошлого века, заключается в том, что они не учитывают **принципиальных** отличий между двумя эпохами* [A2].

: لا يوجد تقدم جدي لا على المسار الفلسطيني ولا على المسار السوري، والرجل يعد وسنرى، للجانب العربي.

‘Нет **серьезного** прогресса не только на палестинском, но и на сирийском направлении’ [B3].

Особую роль в усилении категоричности высказывания играют так называемые абсолютные интенсификаторы, которые передают самую высокую степень качества (*колоссальный, максимальный, полный*; المسبوق ‘полный’, ‘беспрецедентный’, ‘коллоссальный’ *لامع* и др.). При этом позитивное или негативное значение таких интенсификаторов также раскрывается в контексте. Например:

*В контактах мы неизменно подчеркиваем, что международному сообществу, африканским и арабским странам в контексте событий на Африканском Роге необходимо проявлять **максимальную** выдержку и дальновидность, не допускать того, чтобы ситуация в Сомали стала яблоком раздора между государствами региона* [A1]; *Нет сомнения в том, что с избранием митрополита Кирилла Святейшим Патриархом Московским и Всея Руси эта **актуальнейшая** тема будет и далее продвигаться в межцивилизационных дискуссиях* [A3].

С точки зрения частеречной принадлежности более употребительными оценочными интенсификаторами в дипломатическом дискурсе на двух языках являются единицы, принадлежащие к классу наречий: *абсолютно, исключительно, крайне, предельно, слишком, совершенно*; اطلاقا ‘совершенно’, ‘абсолютно’, ‘слишком’ *جداللاغايه*, ‘значительно’, ‘максимально’, ‘лаقصى’, ‘абсолютно’, وهذا الأمر **لا يحتاج** منا إلى تعديلات جوهرية في الميثاق بقدر ما يحتاج إلى الالتزام الجاد

– ‘Это не требует от нас существенных изменений в Уставе, так как это **слишком серьезное** обязательство’ [B4].

Приведенные выше категоричные высказывания, содержащие оценочные интенсификаторы, показывают, что последние вводят в высказывание «аффективный компонент», усиливая «таким образом эмотивную сторону оценки» [9, с. 151], что в конечном итоге повышает степень категоричности всего высказывания.

В результате анализа оценочной лексики, используемой в категорических высказываниях, были установлены сходства и различия в ее употреблении в дипломатическом дискурсе на русском и арабском языках. Сходства заключаются в представленности в двух языках всех описанных выше групп, а также в наличии слов с одинаковым значением в рамках той или иной группы. Так, в группе позитивной оценочной лексики наиболее употребительными единицами являются прилагательные *эффективный*, فعال ‘эффективный’ и наречия *эффективно*, فعال ‘эффективно’. Группа оценочных интенсификаторов содержит большое количество единиц с коррелирующими значениями: *колоссальный*, لامع ‘колоссальный’, *полный*, كامل ‘полный’, *абсолютно*, اطلاقا ‘абсолютно’ и др.

Различиями являются количественные характеристики использования групп оценочной лексики, а также представленность конкретных единиц в рамках каждой из групп. Так, как показывают данные анализа, употребительность группы интенсификаторов в арабоязычном дипломатическом дискурсе в два раза превышает частотность этой группы в русскоязычном дискурсе. Состав группы негативной оценочной лексики является уникальным для двух языков: если в русскоязычном дискурсе для усиления категоричности использованы такие негативные оценочные единицы, как прилагательные *ангажированный*, *безответственный*, *кощунственный* и др., то в арабскоязычном дискурсе негативные оценочные единицы представлены всего лишь одним прилагательным *غير معقول* ‘неразумный’ *كذب غير معقول* (‘неразумная ложь’).

Установленные различия свидетельствуют о том, что арабоязычные коммуниканты стараются избегать в категоричных высказываниях своих выступлений частого употребления негативной оценочной лексики, поскольку она может привести к недоразумениям и даже к конфликтам.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Аль Шибани, Дж.* Роль модальных средств в изменении вектора категоричности дипломатического дискурса / Дж. Аль Шибани // Вестн. Мин. гос. лингв. ун-та. – 2012. – № 4 (59). – С. 5–12.
2. *Аль Шибани, Дж.* Средства выражения отрицания и категоричность высказывания в дипломатическом дискурсе / Дж. Аль Шибани // Вестн. Мин. гос. лингв. ун-та. – 2013. – № 3 (64). – С. 6–13.
3. *Аль Шибани, Дж.* Эмоционально-оценочные средства усиления аргументации в дипломатическом дискурсе / Дж. Аль Шибани / Материалы науч. конф. преподавателей и аспирантов ун-та, 27–28 апр. 2010: в 5 ч. / отв. редактор Н. П. Баранова. – Минск : МГЛУ, 2010. – Ч. 2. – С. 3–6.
4. *Малышкин, К. Ю.* Категоричность как семантико-прагматическая характеристика высказывания : автореф. дис. ... канд. филол. наук : 10.02.01 / К. Ю. Малышкин; Омск. гос. пед. ун-т. – Омск, 2015. – 22 с.
5. *Волошина, Е. В.* Средства выражения категоричности констатива в современном английском языке [Микроформа] : дис. ... канд. филол. наук : 10.02.04 / Е. В. Волошина. – Киев, 1991. – 256 л.

6. *Гущина, Г. И.* Актуализация категории категоричности/некатегоричности высказывания в языковой картине мира [Текст] / Г. И. Гущина // Современная филология : материалы междунар. заоч. науч. конф., г. Уфа, апрель 2011 г. – Уфа, 2011. – С. 154–157.
7. *Телия, В. Н.* Коннотативный аспект семантики номинативных единиц / В. Н. Телия. – М. : Наука, 1986. – С. 143.
8. *Вольф, Е. М.* Функциональная семантика оценки / Е. М. Вольф; отв. ред. Г. В. Степанов. – М. : Наука, 1985. – 228 с.
9. *Щербатых, Е. Ю.* Категоричность оценки и ее снижение в текстах современных англоязычных интервью / Е. Ю. Щербатых // Альманах современной науки и образования. – № 12 (67). – 2012. – Ч. 1. – С. 150–154.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

- A1 – Интервью Министра иностранных дел России С. В. Лаврова, опубликованное в арабском еженедельнике «Аль-Ватан аль-Араби» 21 февраля 2007 г. [Электронный ресурс]. – Режим доступа : http://www.mid.ru/brp_4.nsf/sps/B8620E7EFAFBDF9BC32572890036573F. – Дата доступа : 03.09.2009.
- A2 – Интервью Министра иностранных дел России Русской службе «Би-Би-Си» [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <http://newspmr.com/novosti-rossii/2162>. – Дата доступа : 24.08.2009.
- A3 – Текст доклада Министра иностранных дел России С. В. Лаврова «Через активацию многосторонних усилий – к созданию гармоничных основ межкультурных отношений», IX Международные Лихачевские научные чтения, Санкт-Петербург, 14–15 мая 2009 г. [Электронный ресурс]. – 2009. – Режим доступа : http://www.mid.ru/bdcmp/brp_4.nsf/76bbf733e3936d4543256999005bcbb7/a96e5e9836e7b0fec32575b7002551b1!OpenDocument. – Дата доступа : 15.07.2009.
- B1 – Интервью с Валидом Муаллемом (министром иностранных дел Сирии) / Арабский сайт Net, 9 января 2008 г. [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <http://www.thisissyria.net/2008/01/11/syriatoday/114.html>. – Дата доступа : 05.11.2011.
- B2 – Интервью с послом Ирака [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <http://www.elaph.com/Web/Politics/2009/6/446378.htm>. – Дата доступа : 04.03.2010.
- B3 – Интервью с Абу Бакр аль-Кирби (министром иностранных дел Йемена), 12 июля 2008 г. [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <http://www.ahram.org.eg/Archive/2008/7/.../Repo3.ht...> – Дата доступа : 05.01.2011.
- B4 – Слово Министра иностранных дел Саудовской Аравии на внеочередном арабском саммите в Сирте, 1 ноября 2010 г. [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <http://www.al-jazirah.com/2010/20101010/du24.htm>. – Дата доступа : 02.03.2011.

The paper considers lexical evaluative means which enhance the categorical force of the utterance in diplomatic discourse in the Russian and Arabic languages. It is shown that the most frequent means of this kind are adjectives with a negative meaning and adverbs-intensifiers.

ПОЛИМОРФИЗМ КВАНТИТАТИВНОГО КОМПОНЕНТА В БЕЛОРУССКИХ И АНГЛИЙСКИХ ПАРЕМИЯХ

В статье рассматривается функциональная роль квантитативных единиц, на основании которой производится построение оценочных моделей нумеративов в белорусских и английских паремиях разных тематических групп. Белорусские и английские квантитативные единицы устанавливают количественную и аксиологическую оценки объектов действительности в паремиях. Полиморфизм квантитативных единиц обуславливает формирование оценочных моделей, которые в общем виде можно представить в виде следующей схемы: «субкатегориальное значение квантитативной единицы» → «количественная оценка, реализуемая квантитативной единицей» → «аксиологическая оценка, реализуемая квантитативной единицей». На основе компаративного анализа лексем количественной семантики выявлены их общие и специфические свойства в белорусской и английской лингвокультурах.

Каждый объект окружающего мира характеризуется определенной квантитативной нормой, отклонение от которой приводит к новой квалификации этого объекта. Ввиду того, что пословицы и поговорки имеют непосредственную связь с действительностью и спецификой самых различных видов деятельности человека, паремии целесообразно рассматривать в тематических группах. Тематическая классификация пословиц и поговорок с квантитативным компонентом дает возможность определить функциональные особенности лексем количественной семантики, которые используются для оценочной, качественной характеристики явлений окружающего мира.

В исследовании проводится тематическое распределение белорусских и английских паремий с компонентами эксплицитной формы выражения количества. Лексические единицы, имплицитно реализующие количественные значения, содержат дополнительные дескриптивные семы, которые не связаны с количеством, наделены своими собственными аксиологическими оценками, но тесно взаимодействуют с квантитативным описанием. Одновременно слова эксплицитной формы выражения квантитативности дают возможность точно установить количественные свойства компонентов и выявить определенные закономерности их функционирования в белорусских и английских паремиях.

На основании семантических классификаций, толкований пословиц и поговорок в паремиологических словарях и сборниках И. Я. Лепешева, И. И. Носовича, М. Я. Гринбальта, Е. Рапановича, Ф. Янковского, А. Аксамитова, В. К. Касько, Дж. Спик, Р. Фергюсон и Дж. Ло, Дж. Уилсон, М. Мэнсэра, У. Келли и др. белорусские и английские паремии с квантитативным компонентом были систематизированы по 10 тематическим группам: *общественная жизнь, человек и его характеристика, семья, материальный быт, наблюдения и наставления общего характера, природа, работа, хозяйственный быт, духовная жизнь, знания*. Семантический анализ выявил следующую количественную наполняемость выделенных тематических групп паремий:

общественная жизнь: *Дзесяць аднаго спамогуць, а адзін дзесяцёх не спаможа, а сам згубіць. One can't help many, but many can help one* – букв. ‘Один (человек) не может помочь многим, но много (людей) могут помочь одному’;

человек и его характеристика: *Слоў мяшок, а спраў на вяршок. Much cry and little wool* – букв. ‘Много крика, а шерсти мало’ – ‘кто много хвастается и обещает, мало что делает’;

семья: *Адзін бацька гадуе пяць сыноў і не жалкуе, а пяці сынам важка пагадаваць аднаго бацьку. One father is enough to govern one hundred sons, but not a hundred sons one father* – букв. ‘Одного отца достаточно, чтобы справиться со ста сыновьями, но не сто сыновей с отцом’;

материальный быт: *Меншы воз – мени і слёз. Little gear/wealth, less care* – букв. ‘Мало имущества/богатства, меньше забот’;

наблюдения и наставления общего характера: *Век пражыць – не кашулю пашыць. All men must die* – букв. ‘Все люди должны умереть’;

природа: *Улетку кожны кусцік начаваць пусціць. A peck of March dust, and a shower in May, makes the corn green and the fields gay* – букв. ‘Пек мартовской пыли и ливни в мае делают зерно зеленым и поля яркими’ – ‘сухой март и дождливый май способствуют хорошему урожаю’ (пек ‘пек’ – единица меры зерна, равная 9,08 л);

работа: *Дзве работы за раз не зробіш. A Jack of all trades is master of none* – букв. ‘Джек всех ремесел – мастер ничего’ – ‘за все братья – ничего не уметь’;

хозяйственный быт: *Дзе гаспадароў многа, там толку/ладу мала. Too many cooks spoil the broth* – букв. ‘Слишком много поваров портят похлебку’;

духовная жизнь: *Усе мы пад богам ходзім. All things are possible with God* – букв. ‘Все вещи возможны с Богом’;

знания: *Хочаш многа знаць – трэба мала спаць. Much learning makes man mad* – букв. ‘Много учения делает человека сумасшедшим’.

Полученные данные свидетельствуют об антропоцентричности белорусских и английских паремий с квантитативным компонентом: человек является центром осмысления и выражения оценки самого себя и своего окружения (семьи, общества). Представление об индивиде с физической, социальной, интеллектуальной, морально-нравственной сторон репрезентирует этнический идеал, принимаемый за эталон народной педагогики.

В выделенных тематических группах белорусских и английских паремий с квантитативным компонентом была определена частотность употребления лексем разной количественной семантики. Среди белорусских и английских квантитативных единиц значительно доминируют элементы микрополя неполного количества. Частотность употребления квантитативных единиц неполного количества позволила выявить самые распространенные лексемы количественной семантики и определить степень их важности в жизни двух народов. Доминирующими белорусскими квантитативными единицами в 8 из 10 выделенных тематических групп паремий являются нумеративы: белорус. *адзін, два, тры, сем*; англ. *one* ‘один’, *two* ‘два’, *three* ‘три’, *four* ‘четыре’, *seven* ‘семь’, *hundred* ‘сто’ и др.

Лексические единицы количественной семантики обладают не только дескриптивными, но и оценочными функциями. В лингвистике под оценкой понимают «закрепленное в высказывании или элементах языковой системы отношение говорящего к предмету речи с точки зрения противопоставления – положительное/отрицательное» [1, с. 24]. Всеобъемлющий характер оценки подчеркивают многие ученые [2–11 и др.]. Языковые оценки, как указывает В. М. Богуславский, «представляют собой специфическую разновидность познавательной деятельности и строятся как на научном знании, так и на фактах обыденного сознания – осмыслении опыта определенной национально-исторической общности» [4, с. 8]. По мнению Е. М. Вольф, «оценка как семантическое понятие подразумевает ценностный аспект значения языковых выражений, который может интерпретироваться как “А (субъект оценки) считает, что Б (объект оценки) хороший/плохой”» [6, с. 5]. В лингвистике «семантика оценки расширяется до понятия отношений вообще, включая в себя огромный спектр эмоциональных, рациональных, временных, пространственных и других отношений» [8, с. 27–28]. Н. Д. Арутюнова определяет оценку как «собственно человеческую категорию», которая «задана физической и психической природой человека, его бытием и чувствованием, она задает его мышление и деятельность, отношение к другим людям и предметам действительности, его восприятие искусства» [2, с. 5].

Количественная оценка имеет своим предметом релевантные для предметной и коммуникативной деятельности человека объективные различия сферы квантитативной определенности. Конституирующим фактором этой оценки является выражение отношения субъекта к оцениваемому количеству [7, с. 51]. По мнению Л. Г. Акуленко, «любые средства языковой оценки функционируют с ориентацией на какую-то точку отсчета, являющуюся основанием оценки. Для оценочного определения количества, величины, времени это явные или неявные эталоны (нормы)» [12, с. 29]. Количественная оценка, как и любая другая оценка, субъективна. В связи с этим нормы сравнения могут быть известны каждому, но могут быть и индивидуальными, связанными с количественными представлениями лишь одного человека, зависеть от ситуации и быть опосредованными. Таким образом, количественная оценка связана с аксиологической, тяготеет к экспрессивности и может получать в тексте положительную или отрицательную коннотации.

Реализация квантитативной единицы с заданным категориальным и субкатегориальным значениями различных видов оценок свидетельствует о полиморфизме данных лексем (от др.-греч. πολύμορφος – многообразный – в генетике это способность некоторых организмов существовать в состояниях с различной внутренней структурой или в разных внешних формах).

В работе мы выделяем следующие типы оценок в белорусских и английских паремиях с квантитативным компонентом:

а) количественная оценка – дает общую количественную характеристику предмету, лицу, явлению или какому-то положению дел по квантитативному показателю «недостаточно» – «достаточно» – «чрезмерно». Так, в паремиях

Даражэй/-ы адзін стары друг, як новых двух, An old friend is better than/is worth two new ones – букв. ‘Старый друг лучше/стоит двух новых друзей’ количественные единицы *два* и *two* ‘два’ наделены количественной оценкой «чрезмерно», в то время, как *адзін* и *an old friend* (= one old friend) ‘один старый друг’ выражают наличие достаточного количества людей для крепких дружеских отношений;

б) аксиологическая оценка – отражает отношение индивида к объекту реального мира и квалифицирует его по признаку «хорошо/плохо». Положительная или отрицательная коннотация количественной оценки зависит от характеризуемого количественной единицей объекта и ситуации, в которой он рассматривается. Так, в поговорках *У разумнай галавы сто рук; За сто работ бярэцца, а ні адна не ўдаецца* нумератив *сто* актуализирует количественную оценку ‘много’, однако наделен различными аксиологическими оценками. В первой поговорке нумератив *сто* имеет положительную коннотацию, т.к. называет большое количество выполненных дел, за которые берется умный человек. Во втором контексте компонент *сто* наделен отрицательной оценкой, т.к. обозначает большое количество невыполненных заданий, к которым приступает несерьезный человек, поспешный в работе.

Следовательно, сочетаемость количественных единиц и характеризуемых ими объектов, а также соотношение этой корреляции с общей ситуацией, описываемой поговоркой, имеет важное значение при формировании аксиологической оценки фрагмента действительности. В этой связи целесообразным является вопрос о том, как взаимосвязаны лексемы количественной семантики с описываемыми ими явлениями и аксиологической оценкой, которую количественные единицы получают.

В статье представлены результаты анализа количественной и аксиологической оценочных функций белорусских и английских нумеративов как самых частотных количественных единиц в поговорках выделенных тематических групп. Целью исследования является выявление общего и специфического в восприятии объектов окружающего мира двумя этносами.

Человек и его характеристика. Нумеративы *адзін, два, тры; half* ‘половина’, *one* ‘один’, *once* ‘один раз’, *three* ‘три’, *five* ‘пять’ выступают в субкатегориальном значении ‘мало’ и передают количественную оценку ‘недостаточно’. Положительное отношение к данному количеству наблюдается, когда незначительное проявление хороших характеристик человека оказывается ценным. Так, в белорусской поговорке *Лети адзін цвярозы, чым дзесяць п’яных* нумератив *адзін* (малое количество) получает одобрительную оценку, т.к. описывает трезвого человека. В то время как *дзесяць* (большое количество) имеет отношение к пьяным людям и воспринимается негативно. Предпочтение же отдается малому количеству трезвых людей. В английской поговорке *Half a word/tale is enough for a wise man* – букв. ‘Полслова достаточно для мудрого человека’ *half* ‘половина’ наделено положительной оценкой, т.к. характеризует умного человека, который с полуслова (малого количества) понимает других людей.

Одновременно в белорусских и английских поговорках отрицательно оценивается малое проявление плохих черт у человека, являющееся достаточным для формирования негативных последствий. В белорусской поговорке *Адзін дурань можа задаць/задасць столькі пытанняў, што дзесяць/сем разумных не адкажуць* реализуется следующая мысль: один глупый человек может создать много хлопот для большого количества разумных людей. Поэтому даже малое число (реализуется нумеративом *адзін*) людей с отрицательными характеристиками рассматривается негативно. В английской поговорке *One lie makes many* – букв. ‘Одна ложь делает много’ – ‘одна ложь тянет за собой другую’ выражается утверждение: малое количество лжи приводит к большому, что воспринимается негативно.

Нумеративы *два, двойчы, удвайне, тры, чатыры, сем, восем, дзесяць, васьмьнаццаць, дваццаць, трыццаць, сорак, пядзсят, сто; half* ‘половина’, *one* ‘один’, *two* ‘два’, *both* ‘оба’, *double* ‘двойной’, *twice* ‘дважды’, *three* ‘три’, *four* ‘четыре’, *seven* ‘семь’, *nine* ‘девять’, *eleven* ‘одиннадцать’, *dozen* ‘дюжина’, *thirteen* ‘тринадцать’, *fifteen* ‘пятнадцать’, *nineteen* ‘девятнадцать’, *twenty* ‘двадцать’, *fourty* ‘сорок’, *hundred* ‘сто’, *thousand* ‘тысяча’ с субкатегориальным значением ‘много’ выступают в качестве показателей количественной оценки ‘чрезмерно’: *Двойчы дае той, хто зараз дае. He gives twice who gives in a trice* – букв. ‘Тот дает дважды, кто дает мгновенно’. В сознании белорусов и англичан положительно оценивается ответственность и оперативность при выполнении обещания или содействию в чем-либо.

В белорусских и английских поговорках с количественными единицами в субкатегориальном значении ‘много’ актуализируется общая негативная коннотация чрезмерного количества: *У яго сем пятніц на тыдні. Нагавораць сорак бочак арыштантаў. A sluggard takes an hundred steps because he would not take one in due time* – букв. ‘Ленивый делает сто шагов, потому что он не сделал одного в нужный момент’. *Conscience is a thousand witnesses* – букв. ‘У совести тысяча свидетелей’ – ‘о человеке с нечистой совестью’. Примеры свидетельствуют о том, что нумеративы с семой ‘много’ усиливают негативную коннотацию плохих качеств человека: отрицательно воспринимаются непостоянство, болтливость индивида у белорусов; лень, непорядочность у англичан.

Самый распространенный нумератив в поговорках тематической группы «человек и его характеристика» – *адзін/one* ‘один’ (встречается в 37,4 % белорусских и 35,4 % английских поговорок). Данный количественный компонент в субкатегориальном значении ‘мало’ функционирует как показатель достаточного количества с положительной коннотацией: *Адна ліса семярых ваўкоў ашуквае. One, but that one a lion* – букв. ‘Один, но этот один – лев’. В представленных контекстах малое количество, вербализуемое лексемами *адзін* и *one* ‘один’, является проявлением положительных характеристик человека (смекалка и ум у белорусов; благородство и сила у англичан), и поэтому оно получает положительную оценку. Вместе с тем, когда речь идет об отрицательных качествах индивида, количественное значение ‘мало’ приобретает прямо противоположную оценку. Так, в белорусской поговорке *За адным вінным дзесяць нявінных пакутуе* осуждается безответственность одного человека

(малого количества), из-за которой страдают много невинных других людей (*дзесяць*). В английской поговорке *One fool, makes many/a hundred* – букв. ‘Один дурак делает много дураков’ – ‘дурной пример заразителен’ признается отрицательная способность одного глупого человека (малого количества) заразить своим дурным примером большое количество людей.

Полученные данные свидетельствуют о том, что нумеративы в белорусских и английских поговорках тематической группы «человек и его характеристика» чаще всего реализуют количественные оценки ‘недостаточно’ и ‘чрезмерно’ для описания положительных и отрицательных черт индивида. В двух лингвокультурах одобрительно воспринимается ответственность и оперативность человека при решении вопроса, отрицательно воспринимается такое качество, как глупость. Положительно оценивается наличие малого количества людей с хорошими характеристиками: смекалка, трезвость у белорусов; мудрость, благородство у англичан. Отрицательно определяется чрезмерное или незначительное проявление плохих качеств: несерьезность, безответственность, болтливость – у белорусов; лживость, непорядочность, лень – у англичан.

Доминантой среди нумеративов в этой тематической группе поговорок выступает *адзін/one* ‘один’, объективирующий количественную оценку ‘достаточно’ или ‘недостаточно’ с положительной коннотацией, когда речь идет о пользе, и отрицательной – в случае вреда.

Хозяйственный быт. Нумеративы *адзін; one* ‘один’, *оце* ‘один раз’ реализуют в белорусских и английских поговорках субкатегориальное значение ‘мало’. Данные количественные единицы участвуют в формировании количественной оценки ‘достаточно’: *Адно зярнятка пуд прыносіць. If one knew how good it were to eat a hen in Janivere; had he twenty in the flock, he'd leave but one to go with the cock* – букв. ‘Если бы человек знал, как хорошо съесть курицу в январе и если бы у него было двадцать куриц, он бы оставил одну с петухом’ – ‘о правильном ведении хозяйства (относится к временам, когда не хватало свежего мяса зимой)’. В белорусском контексте наличие малого количества зерна (*адно*), а в английском примере – малого количества домашней птицы (*one*) оценивается положительно, т.к. может привести к увеличению этих благ при разумном хозяйствовании.

Нумератив *адзін* в белорусских поговорках является показателем количественной оценки ‘недостаточно’ с отрицательной коннотацией. Так, в поговорке *Баба/жонка ў хаце тры вуглы трымае, а мужык/мужчына адзін* количество *адзін* оценивается как слишком малое количество работы, выполняемое мужем по дому, по сравнению с объемом заданий, которые делает жена.

В английской поговорке *Butter is once a year in the cow's horn* – букв. ‘Масло один раз в год в рогу у коровы’ нумератив *once* ‘один раз’ передает малое, но достаточное для формирования неблагоприятной ситуации время, когда корова не дает молока. В результате этот период оценивается отрицательно.

Нумеративы *палавіна, два, шэсць, сем, дзесяць, дванаццаць; two* ‘два’, *three* ‘три’, *four* ‘четыре’, *seven* ‘семь’, *nine* ‘девять’, *fifteen* ‘пятнадцать’, *twenty-two* ‘двадцать два’, *thousand* ‘тысяча’ с субкатегориальным значением ‘много’

указывают на количественную оценку 'чрезмерно': *Адна ралля – адзін сыр, дзве раллі – два сярны. If you will have a good cheese and hav'n old, you must turn'n seven times before he is cold* – букв. 'Если у тебя хороший и не старый сыр, ты должен перевернуть его семь раз до того, как он остынет'. В белорусской паремии наличие большого количества пашен (дзве) воспринимается положительно, однако требует соответствующего числа работников. Английская народная мудрость указывает на правильное приготовление сыра, которое требует большого количества действий (seven), если хозяин хочет получить хороший продукт.

Выявлена негативная оценка большого количества, например, чрезмерное число хозяев в белорусских паремиях обычно связано с невыполнением работы: *Дзе кухароў/хазяек шэсць, там нечага есць*. В белорусском сознании большое количество поваров (шэсць) не могут справиться с хозяйственными делами, т.к. каждый надеется, что работу выполнит кто-то другой, поэтому *нечага есць*. Другими словами, хозяйственные дела не выполнены. В английской паремии *Three removals/removes are as bad as a fire* – букв. 'Три переезда так же плохи, как и пожар' осуждается большое количество переездов (*three* 'три'), т.к. это может быть связано с потерей вещей хозяйственного назначения и лишней тратой денег.

Самый частотный нумератив в паремиях тематической группы «хозяйственный быт» – *адзін/one* 'один' (выявлен в 33,3 % белорусских и 20 % английских паремий), который актуализирует количественную оценку 'достаточно' в паремиях двух языков и 'недостаточно' в белорусских паремиях.

Таким образом, белорусские и английские нумеративы в паремиях тематической группы «хозяйственный быт» функционируют в качестве маркеров оценки ведения хозяйства. Белорусский и английский народы положительно оценивают наличие малого количества продуктов, которые могут быть увеличены при правильном ведении хозяйственного быта. Представители белорусской языковой общности положительно относятся к большому хозяйству, но подчеркивают, что оно требует соответствующего числа работников; акцентируют малое количество заданий, выполняемых мужем, и большое число дел, реализуемых женой; отрицательно характеризуют наличие большого количества хозяев в доме. Англичане подчеркивают необходимость большого количества усилий, которые надо приложить, чтобы получить хороший продукт; негативно рассматривают малый период времени, когда нет молочных продуктов; отрицательно воспринимают частые переезды.

Соотношение субкатегориальных значений количественных единиц с количественными и аксиологическими оценками, реализуемыми в белорусских и английских паремиях, образуют оценочные модели, которые можно представить в виде следующей схемы: «субкатегориальное значение количественной единицы» → «количественная оценка, реализуемая количественной единицей» → «аксиологическая оценка, реализуемая количественной единицей». В данной схеме слева направо уменьшаются дескриптивные характеристики количественных единиц и усиливаются их оценочные свойства. В результате

функционально-семантического анализа белорусских и английских нумеративов в составе паремий тематических групп было выявлено 8 оценочных моделей: «ничего» → «недостаточно» → «плохо»; «мало» → «недостаточно» → «хорошо»; «мало» → «недостаточно» → «плохо»; «мало» → «достаточно» → «хорошо»; «мало» → «достаточно» → «плохо»; «норма» → «достаточно» → «хорошо»; «много» → «чрезмерно» → «хорошо»; «много» → «чрезмерно» → «плохо».

Оценочные модели нумеративов демонстрируют определенные закономерности их использования в белорусских и английских паремиях тематических групп «человек и его характеристика», «хозяйственный быт». «Много» → «чрезмерно» → «плохо» является самой частотной как в белорусских, так и в английских паремиях рассматриваемых тематических групп. В данных тематических группах паремий закономерным является негативное восприятие сильного проявления отрицательных качеств человека (непорядочность, болтливость, непостоянство и др.), большого количества хозяев в доме. Преобладание данной модели свидетельствует о тенденции представителей обеих лингвокультур отрицательно оценивать количество, значительно превышающее норму, принятую в обществе, неоднократно обращать внимание человека на нарушения установленных обществом эталонов поведения, чтобы предупредить ошибки людей, ориентировать их в окружающем мире.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Ильюшина, Е. С.* Лексические средства положительной оценки человеческих качеств: психолингвистический анализ : дис. ... канд. филол. наук : 10.02.19 / Е. С. Ильюшина. – М., 2001. – 185 л.
2. *Арутюнова, Н. Д.* Аксиология в механизмах жизни и языка / Н. Д. Арутюнова // Проблемы структурной лингвистики / Н. Д. Арутюнова. – М., 1984. – С. 5–23.
3. *Баранов, А. Н.* Лингвистическая теория аргументации: когнитивный подход : дис. ... д-ра филол. наук : 10.02.01; 10.02.19 / А. Н. Баранов. – М., 1990. – 378 л.
4. *Богуславский, В. М.* Типология значений образных средств выражения оценки внешности человека : автореф. дис. ... д-ра филол. наук : 10.02.01 / В. М. Богуславский; Ин-т рус. яз. – М., 1995. – 53 с.
5. *Богушевич, Д. Г.* Единица, функция, уровень: к проблеме классификации единиц языка / Д. Г. Богушевич. – Минск : Вышш. шк., 1985. – 116 с.
6. *Вольф, Е. М.* Функциональная семантика оценки / Е. М. Вольф. – 2-е изд., доп. – М. : Едиториал УРСС, 2002. – 260 с.
7. *Галич, Г. Г.* Семантика и прагматика количественной оценки: на материале современного немецкого языка : дис. ... д-ра филол. наук : 10.02.04 / Г. Г. Галич. – СПб.; Омск, 1999. – 340 л.
8. *Паўлоўская, Н. Ю.* Катэгорыя мадальнасці ў сучаснай беларускай мове: кагнітыўная структура, функцыянальны статус, сродкі выражэння : дыс. ... д-ра філал. Навук : 10.02.01 / Н. Ю. Паўлоўская. – Мінск, 2002. – 220 л.

9. *Писанова, Т. В.* Национально-культурные аспекты оценочной семантики: эстетические и этические оценки : дис. ... д-ра филол. наук : 10.02.19 / Т. В. Писанова. – М., 1997. – 393 л.
10. *Телия, В. Н.* Коннотативный аспект семантики номинативных единиц / В. Н. Телия; отв. ред. А. А. Уфимцева. – М. : Наука, 1986. – 143 с.
11. *Телия, В. Н.* Основные особенности значения идиом как единиц фразеологического состава языка / В. Н. Телия // Словарь образных выражений русского языка / Т. С. Аристова [и др.]; под ред. В. Н. Телия. – М., 1995. – С. 10–16.
12. *Акуленко, Л. Г.* Выражение неопределенно большого и неопределенно малого количества в немецком языке : дис. ... канд. филол. наук : 10.02.04 / Л. Г. Акуленко. – Харьков, 1982. – 279 л.

The functional role of the quantitative units in the Belarusian and English proverbs has been revealed. The valuation models of the enumerative words in the proverbs have been established. Belarusian and English quantitative units set quantitative and axiological assessment of objects in proverbs. Polymorphism of quantitative units results in the formation of assessment models, which generally can be represented by the following scheme: «subcategorical meaning of a quantitative unit» → «quantitative assessment implemented by a quantitative unit» → «axiological evaluation implemented by a quantitative unit». The common characteristics and national peculiarities of quantitative units have been defined.

Т. А. Сысоева

ЭМОТИВНАЯ ЛЕКСИКА КАК ПРИЗНАК СУБЪЕКТИВНОСТИ МАЛОФОРМАТНОГО МЕДИЙНОГО ТЕКСТА

В статье определяются языковые средства, эксплицирующие субъективные мнения авторов писем в редакцию американских и белорусских периодических изданий. Установлено, что ведущим маркером авторской точки зрения выступает эмотивная лексика. Деление лексических единиц на два класса – положительно и отрицательно заряженных – отвечает практической задаче поиска формальных признаков медиатекста, который выражает мнение «за» или «против». Однако создание словника эмотивной лексики является недостаточным для разработки алгоритма распознавания мнения ввиду неоднозначности некоторых слов. Необходим учет целого ряда маркеров субъективности (местоимений, коннекторов, модальных слов), а также других семантических и структурных характеристик текста.

Тот факт, что эмотивная лексика выступает индикатором (имплицитным или эксплицитным) субъективного мнения автора текста, не вызывает сомнения. Однако проблема заключается в том, что сама по себе эмотивно-оценочная лексика не всегда является достаточно надежным показателем, на основании которого медиатекст (статья, отзыв, рецензия, письмо-отклик и т.д.) может быть однозначно определен как выражающий мнение «за» или мнение «против» обсуждаемого явления. Очевидно, для повышения резуль-

тативности алгоритмов распознавания мнений и оценок эмоционально окрашенная лексика должна анализироваться в комплексе с другими маркерами субъективности медийного текста.

Медиатекст, который рассматривается исследователями как гипероним терминов *журналистский текст*, *PR-текст*, *публицистический текст*, *рекламный текст* и др. [1, с. 6–7], находится в фокусе интереса медиалингвистики. На современном этапе роль медиалингвистики состоит в том, что «она изучает такие тексты, которые могут способствовать принятию политических решений, осуществлению социальных проектов» [2, с. 187], поэтому становится понятным прикладной потенциал исследования различных медиажанров, заключающийся в возможности разработать формальные процедуры поиска и распознавания мнений и оценок коммуникантов. Современным СМИ вообще свойственно такое явление, как персонификация, когда в медийных жанрах происходит «трансформация роли автора из информатора в интерпретатора» [3, с. 6], приводящая к ярко выраженному субъективному характеру текста. Соотношение эксплицитных и имплицитных языковых средств выражения авторской позиции, зависимость этого соотношения от жанровой принадлежности текста, а также специфика функционирования маркеров мнения в различных лингвокультурах – эти и другие практические вопросы требуют пристального внимания лингвистов [4, с. 18].

Для настоящей статьи в качестве материала исследования выбраны малоформатные тексты жанра *письмо-отклик*, опубликованные в русскоязычных белорусских изданиях «Знамя юности», «Минский курьер» и англоязычных американских изданиях «The Seattle Times», «Yakima Herald Republic» (а также на соответствующих им веб-сайтах) в 2012–2015 гг. Данный жанр предполагает открытое высказывание мнения по поводу некоторой общественно значимой проблемы, субъективную оценку событий, критику тех точек зрения, которые не совпадают с авторской, поэтому письма в редакцию, на наш взгляд, представляют собой удачный материал для изучения языковых средств экспликации категории субъективности. Будучи реальным человеком, автор письма выражает свою точку зрения (*Боюсь разочароваться...; It is difficult for me to believe...*), упоминает личный опыт (*Семья у меня немаленькая...*), а также использует языковые средства диалогизации, позволяющие устанавливать коммуникативный контакт с аудиторией и удерживать ее внимание (*Кто вообще принимает решение?; So go next year and see for yourself*). Однако логично предположить, что вербальное воплощение категории субъективности носит свои особенности в каждой лингвокультуре, что будет продемонстрировано далее в ходе сопоставления средств выражения авторской позиции в текстах на двух языках.

Отметим, что изучение языковых маркеров мнения должно обязательно осуществляться в привязке к жанру, поскольку он выступает «важным регулятором, с одной стороны, воплощения замысла автора, а с другой – восприятия произведения» [1, с. 9]. С точки зрения отправителя жанр

прогнозирует и ограничивает выбор формы, объема публикации и качества информации. С позиции адресата жанр прогнозирует ожидания, позволяет построить гипотезу о тексте, подготовиться к его восприятию. Специфика письма-отклика как типа текста состоит в том, что его автор должен максимально эффективно донести свою точку зрения до массового читателя в условиях сильно сжатого текстового пространства (т.е. ограниченного объема), что связано с размером газетной/журнальной полосы (об объеме медийного текста см. [5, с. 117]). С одной стороны, письмо в редакцию должно быть кратким, заметным и обязательно посвященным актуальному вопросу, иначе его просто не опубликуют в газете или на сайте издания. С другой стороны, текст должен быть понятен целевой аудитории, а авторская позиция должна быть изложена максимально «прозрачно». Иными словами, мнение отправителя должно легко и безошибочно читаться адресатом, поэтому автор сообщения должен выделить самую важную информацию, подчеркнуть собственное отношение к обсуждаемой проблеме, представить свою точку зрения убедительно. Подобный принцип организации письма-отклика приводит к сочетанию экспрессии и стандарта, в результате чего текст приобретает ярко выраженную эмоционально-экспрессивную окраску [6]. Экспрессивные языковые средства позволяют адресанту выразить свое эмоционально воздействующее (положительное или отрицательное) отношение к обозначаемому и тем самым вызвать у адресата соответствующую реакцию [7, с. 115]. Однако сложно говорить о каком-то одном маркере мнения (лексическом, морфологическом или синтаксическом). Речь идет, скорее, о комплексе маркеров (эксплицитных и имплицитных), которые в совокупности отвечают за общую эмоциональную окраску текста.

Традиционно к эксплицитным маркерам субъективности в первую очередь относят местоимения *я, мы, мой, наш, I, we, our* [2, с. 188]. Сказанное справедливо и в отношении исследуемых текстов, авторы которых таким образом подчеркивают не только свою точку зрения (*я точно знаю; меня поразила Национальная библиотека Беларуси; мы очень рады; I am pleased to support; I know; I am confident*), но и актуальность проблемы для данного города, региона, страны, а также собственную заинтересованность в решении поставленного вопроса: *мы, жители окрестных домов; власти города слышат нас; наши дети; наша Осмоловка; наш город; наш двор; we are all worried; we encourage the citizens; we are perfectly happy with the current Millennium Plaza; thank you for giving us this little bit of security; our economic model; our lawns and gardens; our state economy; our county*. Следует сказать, что в приведенных примерах местоимение *мы*, как правило, употребляется в так называемой «нереферентивной функции», когда говорящий использует это слово не в целях указания на непосредственных участников ситуации в момент общения, но для «отождествления себя с некоей ценностно значимой для него группой лиц, объединяемой чаще всего по культурно маркированному признаку» [8, с. 76]. Чаще всего местоимение *мы* обозначает жителей данного района или определенную категорию граждан (налогопла-

тельщиков, учащихся, владельцев авто и др.): *Мы, жильцы дома по адресу..., хотим пожаловаться...*; *He made sure that we, the taxpayers, got what we were paying for.* В противовес той социальной общности, к которой относит себя и сам автор письма, выделяется группа людей (журналисты, политики, продавцы, коммунальщики, «зайцы» в общественном транспорте и т.д.), ответственная за возникновение проблемной ситуации и/или обязанная, по мнению адресанта, ее решить. В данном случае маркером выступает местоимение второго лица: *Пришло время шевелиться, искать новых поставщиков, ужиматься, привлекать настоящими распродажами. Иначе такими лжескидками вы вскоре отобьете у покупателей желание даже смотреть на товары «по сниженной цене»; Организаторы, вы предупреждайте тогда на сайтах...; When you give your voice to permit this abortion, the abortion doctor is working for you. You are just as guilty as the abortion doctor.*

Субъективно-оценочные смыслы также передаются модальными средствами со значениями возможности, необходимости, достоверности. При этом анализ различных медийных жанров показал, что для англоязычной периодики характерны модальные глаголы, тогда как в белорусской периодике аналогичные смыслы чаще передаются модальными наречиями [2, с. 189]. Для исследуемых текстов выявлена аналогичная закономерность. Так, если в англоязычных письмах широко используются модальные глаголы в значении долженствования (*we must begin; the people of Yakima need*) или предположения с разной степенью уверенности (*people might possibly get something; I must have first met her*), то для русскоязычных писем характерны наречия, краткие прилагательные, предикативы с семантикой долженствования, необходимости (*жильцы должны; надо развивать; переход должен быть обозначенным*). На авторское мнение могут указывать вводные слова и выражения, коннекторы, которые отражают ход рассуждения автора медиатекста [Там же]. В исследуемом материале это вводные слова со значением мнения, предположения, эксплицирующие отношение говорящего к предмету речи (*я считаю; конечно; к сожалению; к счастью; of course; perhaps; unfortunately*), а также средства текстовой связи, или коннекторы, указывающие на причинно-следственные отношения, выражающие противопоставление (*оказывается; because; however; although*). Различием в употреблении вводных слов и коннекторов в двух языках является то, что в англоязычных письмах они чаще акцентируют мнение, оценку (*Unfortunately several of my valued contemporaries have joined them...; I can certainly understand why...*), тогда как в русскоязычных письмах вводные слова и словосочетания чаще используются в высказываниях, приводящих пример или передающих просьбу: *Кстати, в Киеве, например, в любой лавке можно найти вареник...; Организаторы, может, устройте и нам...?.* По-видному, причину следует искать в различии семантической структуры (т.н. суперструктуры [9]) писем-откликов в американских и белорусских изданиях: если в англоязычных письмах главным выступает семантический компонент *авторская точка зрения* (85,5 % проанализированных текстов), то в русско-

язычных письмах преобладает компонент *пример* (80 % текстов), а также в ряде случаев присутствует компонент *просьба* директивного характера (34 % текстов), уникальный для писем в редакцию белорусских изданий.

И все же главную роль в списке языковых средств, выступающих маркерами мнения автора, его отношения к предмету речи, играет эмотивная лексика: «Уникальность эмоций обнаруживается в многообразии языковых средств их выражения, где ведущая принадлежит лексике» [10, с. 147–148]. Тот факт, что письмо-отклик подразумевает не только передачу актуальной информации, но и ее субъективную интерпретацию, объясняет широкое употребление эмоционально-экспрессивных лексических средств в текстах данного жанра. Совпадение автора текста и субъекта речи приводит к тому, что отправитель сообщения получает полное право на эксплицитное выражение собственных взглядов, чувств, оценок, эмоционального отношения к обсуждаемой проблеме. Автор ставит перед собой задачу не просто убедить читателей в правильности собственной точки зрения, но и «заразить» их определенными эмоциями, заставить согласиться с его личной оценкой, интерпретацией событий: ...*На площади Я. Коласа творится ужас какой-то; Обидно за город, в котором архитектура не радует, а удручает; Dems are hell-bent on the destruction of our country in the name of political power; Thank you to all of you for this wonderful evening!* Подобный механизм «переноса» собственных эмоций на читателя базируется на том, что людям в принципе свойственно подражать другим в ходе речевого общения, заражаться чужими эмоциями [11, с. 1021]. При этом в исследуемых письмах-откликах представлен весь диапазон мнений и оценок – начиная от похвалы и выражения благодарности и заканчивая открытой критикой и обвинениями, граничащими с речевой агрессией: *Выражаем огромную благодарность заведующему офтальмологическим отделением..., врачу от Бога, за высокий профессионализм и душевное отношение к пациентам; I shudder to think of his newest effort to reinvent himself as a politician...; Почему продавцы многих магазинов на просьбу показать тот или иной товара бурчат что-то невразумительное в ответ?*

Эмоционально заряженная лексика традиционно делится на две группы: лексика эмоций и эмоциональная лексика. Такой принцип разграничения учитывает различную функциональную природу этих слов: если лексика эмоций выполняет номинативную функцию, объективирует эмоции в языке, то собственно эмоциональная лексика выражает эмоции говорящего, передает эмоциональную оценку объекта речи. Лексика эмоций – это слова, предметно-логическое значение которых составляют понятия об эмоциях, тогда как эмоциональная лексика – это эмоционально окрашенные слова [12, с. 125]. Однако мы полагаем, что в отношении исследуемого материала подобное деление нерелевантно. Приведем примеры: *Грустно и стыдно перед гостями столицы...; Как не стыдно торговать подобным товаром?; ...Кормят в них одинаково ужасно; Каждый раз, находясь на остановке..., прихожу в ужас; Then we would all be subject to this distortion and be in fear...;*

I regularly watch family members, wracked with fear, anxiety, denial and heartache...; Speaking not for the VA but for myself, I fear the writer is right. Независимо от того, называют ли выделенные слова переживаемые эмоции или дают оценку какому-то явлению, все они в приведенных случаях объединены общей функцией и используются автором для того, чтобы подчеркнуть собственное эмоциональное отношение к обсуждаемой проблеме, т.е. выступают фигурой на более нейтральном фоне. Как известно, фигура «выделяется нашим сознанием из окружения» [13, с. 33], распределяя таким образом наше внимание и привлекая его к выделяемому явлению. Так как соотношение фигуры и фона является обязательным и всегда сопровождает процесс восприятия, любой класс эмоционально заряженной лексики может считаться средством выдвижения релевантной информации в фокус восприятия адресата.

Мы полагаем, что для эффективной разработки алгоритмов поиска маркеров мнения в медийном дискурсе целесообразно делить эмоционально окрашенную лексику не на лексику эмоций и собственно эмоциональную лексику, как это указывалось выше, а на эмотивные слова с положительной и отрицательной окраской. Подобное деление лексики на два больших класса, во-первых, отвечает поставленной перед лингвистами практической задаче – сделать возможной автоматизацию процесса поиска медийных текстов (отзывов, рецензий, писем-откликов и др.), выражающих мнение «за» и мнение «против», дающих положительную или отрицательную оценку явления. Во-вторых, такой подход соответствует традиционному делению эмоций на положительные и отрицательные, принятому в психологии [14, с. 1020].

С учетом указанного принципа для исследуемых писем в редакцию американских и белорусских изданий был создан словник эмотивной лексики, насчитывающий 300 единиц. В ходе анализа мы опирались как на словарные дефиниции слов, так и на их контекстуальное значение. В группу слов с отрицательной окраской вошли, в частности, следующие лексические единицы: *абсурд, безобразие, позор, жалкий, убогий, унижительный, обнаглеть, удручать, раздражать; angry, appalled, degraded, ludicrous, pathetic, infuriate, disgust, discredit*. В качестве примеров слов с положительной окраской приведем такие лексические единицы: *восторг, восхищение, удовольствие, лучший, отличный, прекрасный, приятно, хорошо; brilliant, excellent, splendid, mesmerizing, outstanding, pleased, proud*. Отметим, что употребление эмоционально-экспрессивной лексики количественно сопоставимо в двух языках, и подобные лексические единицы распределяются в структуре текста равномерно (т.е. их концентрация в семантических компонентах *авторская точка зрения* и *пример*, характерных для исследуемых текстов, одинакова). Вместе с тем были выявлены некоторые лингво-специфические моменты, подтверждающие следующий тезис: «И хотя базовые эмоции человека – это универсальные экстралингвистические сущности, лексическая манифестация, отображающая их в языке, представляет национальные особенности» [10, с. 147–148]. Так, 78 % эмоционально окра-

шенной лексики в англоязычных письмах выражает негативную оценку явлений, тогда как в белорусских изданиях слова с положительной и негативной окраской одинаково употребительны. Объяснение вновь следует искать в особенностях семантической структуры письма-отклика: как уже отмечалось выше, в письмах из американских изданий преобладает компонент *авторская точка зрения*, предполагающий открытую критику и негативную оценку событий, тогда как в письмах из белорусской прессы более употребим семантический компонент *пример*, описывающий личный опыт автора, который может быть как приятным, так и неприятным. Однако при этом общая тенденция к распределению положительно и отрицательно окрашенной лексики сохраняется и по отдельным компонентам структуры письма в каждом языке. Так, в ядерных компонентах *пример* и *авторская точка зрения* в русскоязычных письмах лексика с положительной и отрицательной окраской одинаково употребительна. В свою очередь, во всех ядерных компонентах англоязычного письма преобладает лексика с негативной окраской: *авторская точка зрения* (79 % лексики) и *пример* (71 % лексики).

Следует сказать, что в научных публикациях лексические единицы эмоциональной оценки иногда относят к косвенным средствам маркирования мнения [2, с. 189]. Однако, на наш взгляд, при определении эксплицитных или имплицитных средств манифестации категории субъективности необходимо исходить из типа текста. Так, в отношении исследуемых писем-откликов эмотивная лексика достаточно однозначно указывает на авторское отношение к проблеме: *Непрофессионально, ребята; Three cheers for "One Big Happy" ...; I am very disappointed to see the senior project dropped*. Вместе с тем встречаются и спорные моменты: *Мне, взрослому человеку, реально страшно ходить там по утрам; У него целый ряд преимуществ: дешево, экологично и пробки не страшны; Здорово, конечно, но и страшно*. В приведенных примерах лексема *страшно* не может служить однозначным формальным показателем мнения автора, так как оно отличается во всех трех ситуациях – отрицательное, положительное, неоднозначное (смешанное). К двойственным случаям также можно отнести следующие лексические единицы: *впечатляющий, зрелище, чудо; incredible, challenge, flabbergasted*. Например: *приятное зрелище* (в положительном контексте), *жалкое зрелище* (в отрицательном контексте), *зрелище еще то* (в отрицательном контексте); *случается чудо* (в положительном контексте), *чудо цивилизации* (в отрицательном контексте); *incredible selfishness* (в отрицательном контексте); *I am flabbergasted at the reasoning and expense of the proposed closure and removal of Forest Service Road 1501 (Little Rattlesnake Road)* (в отрицательном контексте); *If you are frustrated at the challenges of public education...* (в отрицательном контексте).

Очевидно, для создания алгоритма поиска лексических маркеров мнения в письмах-откликах необходимо учитывать сразу несколько параметров. Например, одним из таких критериев могла бы стать структура текста,

а именно учет расположения языковых маркеров в том или ином структурном компоненте сообщения. Как известно, отдельные семантические компоненты текста могут отличаться степенью «прагматической нагруженности» и, следовательно, своим воздействующим потенциалом [15, с. 35]. Однако прагматика текста сложнее поддается формализации, чем семантика: определение прагматики текста (в том числе установление мнений участников коммуникации) затруднено, особенно когда речь идет об автоматизации процесса. Облегчить эту задачу способно рассмотрение семантики и прагматики текста в комплексе [16, с. 153]. Из сказанного следует, что при анализе языковых маркеров мнения необходимо установить их корреляции с семантической структурой текста. И все же трудность поиска подобных закономерностей в письмах-откликах заключается в том, что исследуемые тексты, как уже отмечалось выше, характеризуются равномерным распределением эмотивной лексики, поэтому учет структуры в данном случае не может быть эффективным. По-видимому, процесс выявления эмотивной лексики в письмах-откликах целесообразно подкреплять анализом других средств экспликации категории субъективности, таких как местоимения (*Я тоже недовольна...; Мой ребенок в восторге; I was happy to receive an invitation...*), вводные слова и коннекторы (*И просто находка, на мой взгляд...*), а также слова с модальным значением (*Yakima should be very proud*). В ряде случаев наличие в письме в редакцию высказываний, выражающих благодарность (*Спасибо!; Молодцы!; От всего сердца хочу поблагодарить...; Thanks to Mr. Cerna for leading our meeting – good job!; A hearty thanks to each Master Gardener...*), просьбу (*Помогите!; Убедительная просьба...; Дважды об этом просила...*) или содержащих указание на проблему и способ ее решения (*If people would forget about where their parents and grandparents came from and just be Americans, we might have a lot less problems; Yes, we can close our hearts to this problem...*), может помочь точнее определить контекстуальное значение эмотивной лексики в конкретном тексте.

Таким образом, анализ писем в редакцию американских и белорусских изданий позволил определить языковые маркеры мнения, которые эксплицируют субъективную точку зрения отправителя письма-отклика, выражают его эмоциональное отношение к предмету речи. Признаками категории субъективности письма в редакцию как малоформатного медийного текста являются местоимения первого лица, слова с модальным значением долженствования или достоверности, вводные слова и коннекторы, акцентирующие точку зрения адресанта. Однако самым релевантным маркером мнения выступает эмотивная лексика, которой принадлежит ведущая роль в выражении эмоций. В связи с тем, что авторы писем в редакцию могут высказывать как мнение «за», так и мнение «против» обсуждаемого явления, для текстов на двух языках характерно сочетание положительно и отрицательно заряженных лексических единиц с небольшими вариациями их количественного соотношения, обусловленными лингвокультурными особен-

ностями. Создание словника эмотивной лексики писем-откликов на двух языках позволит разработать алгоритм распознавания мнения автора письма, автоматизировать этот процесс. Тем не менее, контекстуальный анализ писем в редакцию показал, что часть эмотивной лексики следует отнести к категории неоднозначных единиц, которые сложно классифицировать как сугубо положительно или отрицательно окрашенные. Следовательно, подобная эмотивная лексика не может выступать однозначным критерием определения мнения, и в процессе автоматического анализа текста необходимо учитывать другие средства экспликации категории субъективности (местоимения, коннекторы, слова с модальным значением), а также принимать во внимание наличие в тексте высказываний, выражающих благодарность, просьбу или содержащих описание проблемы, которые маркированы определенными языковыми средствами.

ЛИТЕРАТУРА

1. Современный медиатекст : учеб. пособие / отв. ред. Н. А. Кузьмина. – 2-е изд., испр. – М. : ФЛИНТА : Наука, 2013. – 416 с.
2. *Карпилович, Т. П.* Языковая репрезентация авторской позиции в проблемном медиадискурсе на английском и белорусском языках / Т. П. Карпилович // *Материалы ежегод. науч. конф. преподавателей и аспирантов ун-та, 23–24 апр., 2015 г. : в 5 ч. / отв. ред. Н. П. Баранова.* – Минск : МГЛУ, 2015. – Ч. 2. – С. 187–189.
3. *Глазко, П. П.* Структура медийного эссе и ее языковые признаки в английском и белорусском языках / П. П. Глазко // *Контрастивные исследования: текст, предложение, слово : сб. науч. ст. / редкол. : Т. П. Карпилович (отв. ред.) [и др.].* – Минск : МГЛУ, 2015. – Вып. 3. – С. 6–18.
4. *Карпилович, Т. П.* Формализация распознавания авторской позиции в проблемном медиадискурсе / Т. П. Карпилович // *Контрастивные исследования: текст, предложение, слово : сб. науч. ст. / редкол. : Т. П. Карпилович (отв. ред.) [и др.].* – Минск : МГЛУ, 2015. – Вып. 3. – С. 18–25.
5. *Швейцер, А. Д.* Контрастивная стилистика: газетно-публицистический стиль в английском и русском языках / А. Д. Швейцер; под ред. В. Н. Ярцевой. – 2-е изд. – М. : Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2009. – 256 с.
6. *Стилистический энциклопедический словарь русского языка / Е. А. Баженова [и др.]; под ред. М. Н. Кожинной.* – М. : Флинта : Наука, 2003. – 696 с.
7. *Человеческий фактор в языке: языковые механизмы экспрессивности / Ин-т языкознания; отв. ред. В. Н. Телия.* – М. : Наука, 1991. – 214 с.
8. *Гранева, И. Ю.* Местоимение «мы» в языковой картине мира // *Проблемы языковой картины мира на современном этапе : сб. статей по материалам Всерос. науч. конф. молодых ученых, 14–15 марта 2007 г. / редкол. : Е. А. Гутина (отв. ред.) [и др.].* – Н. Новгород : Изд-во НГПУ, 2007. – Вып. 6. – С. 75–80.
9. *Дейк, Т. А. ван.* Язык. Познание. Коммуникация : сб. работ / Т. А. Дейк; сост. В. В. Петров; под ред. В. И. Герасимова. – М. : Прогресс, 1989. – 312 с.

10. Семенова, Т. В. Лексическая манифестация эмоций в зеркале антиномии (на материале английского языка) / Т. В. Семенова // Вестн. Челяб. гос. ун-та. – 2013. – № 22 (313). – Филология. Искусствоведение. – Вып. 81. – С. 145–148.
11. Хэтфилд, Э. Эмоциональное заражение / Э. Хэтфилд // Психологическая энциклопедия / под ред. Р. Корсини, А. Ауэрбах. – 2-е изд. – СПб.: Питер, 2006. – С. 1021.
12. Погожая, С. Н. Способы выражения эмоциональности в языке (на примере эмоционального состояния «восхищение») / С. Н. Погожина // Научные ведомости Белгород. гос. ун-та. Сер. Гуманит. науки. – 2010. – № 18 (89). – Вып. 7. – С. 124–130.
13. Ирисханова, О. К. Игры фокуса в языке. Семантика, синтаксис и прагматика дефокусирования / О. К. Ирисханова. – М. : Языки славянской культуры, 2014. – 320 с.
14. Браун, А. С. Эмоции / А. С. Браун // Психологическая энциклопедия / под ред. Р. Корсини, А. Ауэрбах. – 2-е изд. – СПб. : Питер, 2006. – С. 1020–1021.
15. Карпилович, Т. П. Контрастивная лингвистика и новые направления автоматической обработки текстов / Т. П. Карпилович // Контрастивные исследования языков и культур : материалы I Междунар. науч. конф. Минск, 29–30 окт. 2013 г. / отв. ред. Т. П. Карпилович. – Минск: МГЛУ. – С. 32–38.
16. Карпилович, Т. П. Семантико-прагматические структуры медиатекстов и их формализация в целях автоматической обработки / Т. П. Карпилович // Медиатекст и культура / под ред. Т. П. Карпилович. – Минск : МГЛУ, 2015. – С. 149–155.

The paper considers lexical markers of the author's subjective opinion in letters to the editor from American and Belarusian printed editions. As emotionally coloured words cannot be relied upon as the only formal indicator of the author's viewpoint, an effective opinion mining algorithm should be based on a complex of formal markers, including pronouns, linking words and modal verbs.

В. В. Чалагаева

ЛЕКСИЧЕСКИЕ ВЫРАЗИТЕЛЬНЫЕ СРЕДСТВА ЯЗЫКА В ТЕЛЕВИЗИОННОМ НОВОСТНОМ ДИСКУРСЕ НА АНГЛИЙСКОМ И РУССКОМ ЯЗЫКАХ

В статье рассматривается специфика новостного телевизионного дискурса на материале телевизионной хроники в английском и русском языках. Анализируются наиболее частотные лексические выразительные средства языка, используемые в телевизионном новостном дискурсе. Материалом для анализа послужили тексты телевизионной хроники британских телеканалов BBCNews, Skynews, Channel 4 и белорусских (русскоязычных) телеканалов ОНТ, СТВ и Беларусь 1.

В настоящее время телевидение по праву признается ведущим по силе своего воздействия на носителей языка среди других форм массмедиа. До 60-70-ых гг. как в отечественной (Э. Г. Багиров, Л. А. Белкина), так и

зарубежной (М. Е. Комбс, Д. Л. Шоу) школах исследований новостного дискурса господствовала идея об исключительно информационном характере новостного дискурса, т.е. в новостном телевизионном дискурсе автор сообщения должен был ограничиваться констатацией фактов, не навязывая своей точки зрения по той или иной проблеме [1, с. 16].

В условиях современного телевизионного вещания (начало XX века) роль новостного дискурса в жизни общества меняется: с появлением конкуренции между каналами информация, с одной стороны, превращается в один из наиболее востребованных ресурсов, с другой стороны, приобретает товарные свойства. Сегодня основная цель дискурса телевизионных новостей «состоит не только в информировании, но и в обеспечении адресату комфортного времяпрепровождения посредством привлечения его (адресата) не только к содержанию, но и к манере подачи информации» [1, с. 17]. Вслед за М. Е. Фроловым мы полагаем, что телевизионный дискурс представляет собой «многокомпонентное образование, функционально-содержательным ядром которого является программа привлечения, завоевания и удержания внимания адресата» [2, с. 27].

Материалом для анализа послужили по 30 текстов телевизионной новостной хроники за октябрь 2015 года, описывающие международные и локальные события, на английском и русском языке, записанные на британских телеканалах BBCNews, Skynews, Channel 4 и белорусских (русскоязычных) телеканалах ОНТ, СТБ и Беларусь 1. Следом за Л. М. Майдановой и Л. Р. Дускаевой под хроникой мы понимаем «жанр новостной журналистики, вторичный текст, представляющий собой подборку сообщений, констатирующих наличие события в настоящем, ближайшем прошлом или ближайшем будущем. Хроникальное сообщение – текст объемом от одного до трех-четырех предложений с общим смыслом «где, когда, какое событие произошло, происходит, будет происходить» [3, с. 80].

Ежедневно в мире совершаются сотни различных событий, но только часть из них освещается СМИ. На экраны телевизоров попадают те сообщения, которые обладают «новостной ценностью». Согласно Дж. Бейбриджу, новостная ценность того или иного события определяется такими факторами, как 1) степень влияния события на адресата; 2) непосредственная близость события; 3) известность людей, которые попали в новостное событие; 4) фактор человеческого интереса; 5) новизна; 6) конфликт; 7) значимость события (перевод собственный – В. Ч.) [4, с. 246].

Известно, что телевидение, будучи самым влиятельным из СМИ, мобилизует все возможности, все ресурсы языка для воздействия на умы и чувства людей. Таким образом, использование языковых средств, в частности лексических выразительных средств, определяется во многом их социально-оценочными качествами и возможностями с точки зрения эффективного и целеустремленного воздействия на массовую аудиторию [5, с. 8]. В результате проведенного анализа новостной хроники были выявлены наиболее

частотные лексические выразительные средства языка. Самым распространенным лексическим выразительным средством в телевизионной хронике в обоих языках является эпитет, затем метонимия, перифраз и, наконец, метафора (табл. 1).

Т а б л и ц а 1

Частотность лексических выразительных средств
в телевизионном новостном дискурсе на английском и русском языках

Выразительные лексические средства	Новостная хроника на английском языке, %	Новостная хроника на русском языке, %
эпитет	53	47
метонимия	26	24
перифраз	14	17
метафора	7	12

Самым распространенным лексическим выразительным средством как в англоязычной, так и в русскоязычной телевизионной хронике являются эпитеты. Эпитеты направлены на усиление выразительности образов изображаемых предметов и явлений, а также помогают передавать отношение автора к изображаемому, выразить авторскую оценку и авторское восприятие явления.

Hurricane Patricia, one of the strongest storms ever recorded, has struck the pacific coast of Mexico. Mexican officials say the effect of the storm could be catastrophic, but the aim is to protect lives.

Зловещей оказалась эта ночь для жителей Бухареста. В одном из столичных клубов вспыхнул пожар, погибли 27 человек.

В телевизионной новостной хронике в английском и русском языках достаточно широко представлены метонимии, способствующие лаконизму выражения.

Russia now suspends all flights from Sharm el Sheikh. Thousands of British tourist face chaos trying to leave the Egyptian resort.

В связи с переходом Украины и стран Европейского союза на зимнее время в ночь с 24 на 25 октября Белорусская железная дорога внесла корректировки в расписание движения международных поездов.

Перифраз – следующее лексическое выразительное средство, используемое в новостной телевизионной хронике. Перифраз позволяет не только избежать неоправданной тавтологии, но и выделить и подчеркнуть наиболее существенные признаки изображаемого.

Sepp Blatter has said he'll appeal against FIFA's decision to suspend him. One of three top officials from the world's football governing body to be banned the corruption allegations.

Рейс компании «Когалымавиа» летел из Шарм-эль-Шейха в Санкт-Петербург. На борту разбившегося *Airbus A-321* было 224 человека. Стало известно, что перед исчезновением с радаров *рейс* потерял 5000 футов высоты за одну минуту. По информации местных СМИ, лайнер разбился в гористой местности. Ранее сообщалось, что **российский самолет** пропал с радаров.

Авторы англо- и русскоязычной телевизионной хроники также прибегают к использованию метафоры, которая несет большую смысловую нагрузку, соединяя в себе осуществление функции воздействия на уровне языка с реализацией интерпретационной функции массовой коммуникации.

Например, в нижеуказанном тексте телевизионной хроники кризис, с которым столкнулись страны ЕС из-за количества иммигрантов, сравнивается с эпидемией, для избавления от которой необходимо найти лекарство.

Европа продолжает захлебываться от мигрантов. И ситуация, похоже, достигла точки кипения. В Брюсселе европейские лидеры в поисках лекарств от этой эпидемии собрались на чрезвычайный саммит.

В следующей метафоре заболевания сравниваются с массовыми убийцами:

Tuberculosis now kills as many people as HIV worldwide. That's according to new figures published by the World Health Organization. Last year 1.1 million people died from TB. At the same period HIV killed 1.2 million people.

Тем не менее, нельзя не отметить, что для телевизионной хроники характерно использование стертых метафор, а случаи употребления образной метафоры в новостной телевизионной хронике были зафиксированы нами только в новостной хронике телеканала СТБ, что, вероятно, отражает особый стиль вещания данного телеканала.

Необходимо отметить, что национально-культурная специфика откладывает отпечаток на характер телевизионного дискурса. Как в британском, так и белорусском (русскоязычном) телевизионном дискурсе коммуникативно-речевая подача материала представляет собой европейский стиль, характеризующийся умеренностью и консервативностью, что также соответствует национальному английскому и белорусскому менталитету, ориентированному на сдержанность и пониженную экспрессию личностного поведения [6, с. 1561].

Таким образом, проведенный анализ позволяет сделать вывод о том, что в англо- и русскоязычном новостном телевизионном дискурсе наиболее частотными лексическими выразительными средствами являются эпитет, метонимия, перифраз и метафора. Эпитет – самое распространенное лексическое выразительное средство в обоих языках, однако использование эпитета в англоязычной телевизионной хронике незначительно выше, чем в русскоязычной. Бесспорно, в телевизионном новостном дискурсе лексические выразительные средства языка служат, в конечном счете, задачам убеждения и воздействия, именно поэтому стилистика реализации воздействующей функции

становится более разнообразной, ведь каждый канал имеет свое лицо, поэтому стремится к проявлению индивидуального стиля. Однако подчеркнем, что задачи, характер, природа СМИ ограничивают использование тропов количественно и качественно, так как речь, изобилующая тропами, труднодоступна, нарушает принцип коммуникативной общезначимости, а поэтому представляется и эстетически неприемлемой [5, с. 14].

ЛИТЕРАТУРА

1. *Лапунова, О. В.* Полифоничность французского новостного дискурса в функциональном аспекте : дис. ... канд. филол. наук : 10.02.05 / О. В. Лапунова. – Минск, 2014. – 308 л.
2. *Фролов, М. Е.* Телевизионный дискурс информационно-аналитических программ: на материале программ криминально-правовой тематики НТВ : дис. ... канд. филол. наук : 10.01.10 / М. Е. Фролов. – Тверь, 2004. – 203 л.
3. Стилистический энциклопедический словарь русского языка под редакцией М. Н. Кожинной. – 2-ое изд. – М. : Изд-во «Флинта»; Изд-во «Наука», 2006. – 694 с.
4. *Bainbridge, J.* Media and journalism / J. Bainbridge, N. Gos, L. Tynan. – 2nd ed. – Melbourne : Oxford University Press, 2011. – 492 p.
5. *Солганик, Г. Я.* Язык и стиль средств массовой информации и пропаганды / Г. Я. Солганик, Н. Н. Кохтев, Д. Э. Розенталь [и др.] / М. : Изд-во МГУ, 1980. – 256 с.
6. *Подольских, Е. А.* Специфика британского новостного телевизионного дискурса как объекта лингвистического анализа / Е. А. Подольских // Изв. Самар. науч. центра Рос. акад. наук. – Т. 14. – № 2 (6); – 2012. – С. 1560–1564.

The article deals with some specific features of the news television discourse. The author analyses the most widely used lexical expressive language means employed in the news television discourse in the English and Russian languages. The research material are the scripts of televised news digests of the English channels BBC news, Skynews, Channel 4 and the Russian-spoken Belarusian channels ONT, STV and Belarus 1.

Научное издание

**Контрастивные исследования:
текст, предложение, слово**

Сборник научных статей
преподавателей и аспирантов МГЛУ

Редактор *Е. И. Ковалёва*

Ответственный за выпуск *Т. П. Карпилович*

Подписано в печать 18.08.2017. Формат 60x84 ¹/₁₆. Бумага офсетная. Гарнитура Таймс. Ризография. Усл. печ. л. 6,74. Уч.-изд. л. 7,47. Тираж 100 экз. Заказ 56.
Издатель и полиграфическое исполнение: учреждение образования «Минский государственный лингвистический университет». Свидетельство о государственной регистрации издателя, изготовителя, распространителя печатных изданий от 02.06.2014 г. № 1/337.
ЛП № 02330/458 от 23.01.2014 г. Адрес: ул. Захарова, 21, 220034, г. Минск.